

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Выпуск 5(97)*

Вологда ♦ 2018

Решением
Минобрнауки журнал
«Проблемы развития
территории» включен
в Перечень рецен-
зируемых научных
изданий, в которых
должны быть опу-
бликованы основные
научные результаты
диссертаций на соис-
кание ученой степени
кандидата наук, на
соискание ученой
степени доктора наук
по научным специ-
альностям: 08.00.00 –
экономические науки,
22.00.00 – социологи-
ческие науки

Журнал размещается
в следующих рефера-
тивных и полнотек-
стовых базах данных:
OCLC WorldCat, EBSCO,
ROAR, BASE, OpenAIRE,
RePEc, Ulrich's
Periodicals Directory,
ВИНИТИ РАН, Россий-
ский индекс научного
цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят
обязательное рецен-
зирование. Высказан-
ные в статьях мнения
и суждения могут
не совпадать с точкой
зрения редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общности и практикующим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Загребельный А.В., ответственный секретарь, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йоэнсуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Вологодская государственная молочно-хозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., доцент (Астраханский инженерно-строительный институт, Астрахань, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилов Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочно-хозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Соколов Л.И., д. т. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В.

О потенциале развития российских территорий7

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Социально-экономическая ситуация в Вологодской области18

Цены на металлопродукцию25

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Кузнецова О.В.

Концентрация экономической активности в Москве и Санкт-Петербурге:
масштабы, факторы, последствия для городов26

Якушев Н.О.

Несырьевой экспорт союзного государства как фактор
экономического развития территории России и Беларуси.....41

Артамонова А.С.

Функционирование социально ориентированных
некоммерческих организаций в российских регионах55

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Белехова Г.В.

Экономическое поведение населения: осмысление категории.....68

Былина С.Г.

Региональные особенности и детерминанты использования
электронных услуг сельским населением84

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Одинцова А.В.

Проблемы институционализации стратегического планирования
муниципальных образований.....99

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АПК

Сухомиров Г.И.

К проблеме импортозамещения продукции сельского хозяйства в ДФО..... 110

АКТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э.

Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в августе 2018 года	124
--	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

Публичная лекция А. Шредера на тему «Социальные инновации – драйвер социальных изменений»	131
--	-----

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН	133
-------------------------------------	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ.....	135
--------------------------	-----

CONTENT

FROM THE EDITORIAL BOARD

Uskova T. V.

The Potential of Russian Territories' Development.....7

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Socio-Economic Situation in the Vologda Oblast 18

Prices for Metal Products25

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Kuznetsova O. V.

Concentration of Economic Activity in Moscow and Saint Petersburg:
Trends, Factors, Implications for the Cities.....26

Yakushev N. O.

Non-Resource Exports of the Union State as a Factor in the
Economic Development of the Territory of Russia and Belarus.....41

Artamonova A. S.

The Functioning of Socially-Oriented
Non-Profit Organizations in Russian Regions.....55

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Belekhova G. V.

Economic Behavior of the Population: Understanding the Category68

Bylina S. G.

Regional Characteristics and Determinants of Using
Electronic Services among Rural Population.....84

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Odintsova A. V.

The Problems of Institutionalizing Municipal Strategic Planning.....99

CRITICAL ISSUES OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT

Sukhomirov G. I.

Revisiting the Issue of Import Substitution of Agricultural Products
in the Far Eastern Federal District..... 110

CURRENT NEWS: FIGURES AND FACTS

Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E.

Main Trends in the Social Well-Being
of the Vologda Oblast Population in August 2018 124

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

CONFERENCES, MEETINGS, SEMINARS

Public lecture of A. Schroeder
"Social Innovation: Driving Force of Social Change" 131

NEW VOLRC RAS ISSUES 133

GUIDELINES FOR THE AUTHORS 135

От редакции

DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.1

УДК 332.14 | ББК 65.050.2

© Ускова Т.В.

О ПОТЕНЦИАЛЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

УСКОВА ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: tvu@vscc.ac.ru

Неоднородность экономического пространства характерна практически для всех стран. Она является результатом неравномерного расселения, распределения природных ресурсов и, как следствие, размещения производительных сил. Усиление неоднородности экономического пространства представляет угрозу национальной безопасности. В связи с этим вопросы пространственного развития занимают важнейшее место в числе приоритетов региональной социально-экономической политики. Для современной России проблема неравномерности и разорванности пространства становится все более актуальной. Реализуемая государством политика пространственного развития отдает приоритет развитию городских агломераций как основных центров экономического роста. Концентрация экономической деятельности и населения в городских агломерациях ведет к обострению социально-экономических проблем других территорий. На территориях вне крупных городов существенно ниже уровень и качество жизни. В результате наблюдаются отток населения в крупные города, сворачивание производств, опустынивание целых территорий. В связи с этим принципиально важным является поиск путей развития территорий, не входящих в городские агломерации. Цель данной статьи – идентификация основных проблем территорий, находящихся вне крупных городов, а также обоснование методов, обеспечивающих их устойчивое

Цитата: Ускова Т.В. О потенциале развития российских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.1

Citation: Uskova T.V. The Potential of Russian Territories' Development. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 5 (97), pp. 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.1

развитие, что является весьма актуальным как с научной, так и с практической точки зрения. В статье предложен комплекс инструментов, использование которых в практике региональных органов власти и органов местного самоуправления позволит решать проблему разорванности экономического пространства и неоднородности социально-экономического развития территорий. Основной лейтмотив статьи – необходимость стимулирования саморазвития территорий, т. е. решение проблем территорий на основе реализации и развития их собственного потенциала. Обоснована роль института местного самоуправления в решении этой задачи, предложен комплекс методов повышения самостоятельности и укрепления этого института власти.

Экономическое пространство, малые и средние города, поселки городского типа, сельские территории, городские агломерации, саморазвитие территорий, местное самоуправление, социально-экономическая политика.

Введение

Неравномерность в расселении и размещении производительных сил является одним из главных факторов неоднородности экономического пространства. Особенно остро эта проблема стоит перед крупными развивающимися странами, ввиду того что в малоразвитых и депрессивных регионах, удаленных от центров экономической, социальной, научной и культурной жизни, зачастую возникают очаги социальной напряженности, конфликты, которые представляют угрозу политической стабильности, единству страны, а в конечном итоге национальной безопасности.

Ввиду огромной территории и действия множества факторов, в перечне которых разнообразие природных, геополитических, национальных, культурных, социально-экономических и иных условий, проблема высокого уровня территориальной дифференциации для современной России является одной из актуальных. Экономическое пространство Российской Федерации крайне неоднородно. Так, по итогам 2017 года разрыв субъектов федерации по ключевому показателю социально-экономического развития – ВРП в расчете на душу населения – достиг 34 раз. Для сравнения заметим, что в зарубежных странах различия между территориями существенно ниже: в Китае они составляют 7–10 раз, США – 5 раз, Германии – менее 3 раз [1; 2; 3].

В Российской Федерации, как и в целом в мире, экономическое развитие все больше концентрируется в агломерациях – мегаполисах, крупнейших и крупных городах, т. е. тер-

риториях, которые одновременно являются центрами производства знаний и инноваций, финансовыми, управленческими и логистическими центрами, транспортными узлами и крупными потребительскими рынками. Здесь же все в большей мере концентрируется производство товаров и услуг, стягивающее финансовые и трудовые ресурсы остальных территорий. Эти процессы приобретают все большую устойчивость. В результате социально-экономические проблемы территорий, не входящих в агломерации, усугубляются.

Необходимость снижения межтерриториальных диспропорций, формирования общего экономического пространства, подразумевающего достижение примерно одинакового уровня и достойного качества жизни всех жителей страны, требует обоснования возможностей развития территорий, прежде всего находящихся вне крупных городов, ввиду особой остроты проблем их социально-экономического развития. Эта задача весьма актуальна как с практической, так и с научной точки зрения. Целью данной статьи является идентификация проблем муниципалитетов, не входящих в агломерации, а также обоснование методического инструментария управления, обеспечивающего устойчивое социально-экономическое развитие этих территорий.

Методология исследования

Решение данной задачи базируется на научных трудах зарубежных и отечественных ученых по теории и методологии пространственного развития.

Отметим, что основы теории пространственного развития были заложены представителями классической школы политэкономии – А. Смитом (теория абсолютного преимущества) и Д. Рикардо (теория сравнительного преимущества).

Влияние фактора пространства на региональное развитие рассматривалось еще в первой половине XIX века сначала в статических, а затем в начале XX столетия в динамических теориях размещения. В XIX веке существенный вклад в развитие представлений об экономическом пространстве внесен И.Г. фон Тюненом (теория размещения сельскохозяйственного производства), В. Лаунхардтом и А. Вебером (теория размещения промышленности), В. Кристалером (теория «центральных мест»). Выдвинутые ими постулаты оказали значительное влияние на последующее формирование пространственной и региональной экономики. В XX веке польский экономист А. Леш разработал общую теорию размещения (основные положения раскрыты в работе «Пространственная организация хозяйства» (1940 год)), которая связывала частные теории его предшественников. Обоснованная Ф. Перру теория «полюсов роста» дала значительный толчок к дальнейшему развитию пространственных теорий, в числе которых теория агломераций П. Кругмана и П. Ромера, концепция сетевой экономики М. Энригта и С. Цамански, кластерная теория М. Портера и ряд др.

Среди отечественных ученых, внесших наибольший вклад в теории пространственного развития, следует назвать А.Г. Гранберга, О.С. Пчелинцева, В.Н. Лексина, П.А. Минакира, А.Н. Швецова и др. В трудах этих авторов раскрываются факторы развития территорий, обосновываются причины неоднородности экономического пространства и методы ее снижения.

Урбанизированные территории – центры роста экономики

Социально-экономическое развитие страны определяется развитием входящих в ее состав территорий. Однако в современных

условиях экономического развития и прогресса добиваются территории, обеспечивающие повышение плотности (урбанизация, концентрация населения в мегаполисах), сокращение расстояний (приближение производства к местам повышенной плотности), преодоление административных барьеров (таможенные режимы, визовые ограничения и пр.) [4]. Поэтому фокус внимания государства смещается на урбанизированные территории, прежде всего крупные и крупнейшие города и городские агломерации. И это понятно. По прогнозам экспертов [5], уже к 2025 году 600 городов будут обеспечивать более 60% роста мирового валового внутреннего продукта. Здесь будет проживать больше четверти всего трудоспособного населения (от 15 до 64 лет), 15% детей (моложе 15 лет) и 35% пожилого населения (в возрасте 65 лет и старше). А к 2030 году в мире будет 41 мегаполис, в котором будет жить 720 млн человек.

По данным Росстата [6], на 1 января 2017 года в российских городах проживало 109 млн человек. Как и в мире в целом, важнейшую роль в жизни страны играют крупные и крупнейшие города и формируемые ими городские агломерации: в них концентрируется большая часть населения и они являются главными административными, экономическими, транспортными, научными, культурными и спортивными центрами России. Эти территории являются локомотивами развития национальной экономики, здесь сосредоточена экономическая активность страны. Емкий внутренний рынок, высокий уровень развития человеческого капитала, качественная городская среда, развитая социальная и инженерная инфраструктура, инновационный потенциал, предпринимательская активность способствуют активному развитию экономики в целом, высокотехнологичных и наукоемких отраслей обрабатывающей промышленности и сферы услуг по сравнению с остальными территориями. И, как результат, в этих городах более высокий уровень и качество жизни населения.

Пространственное развитие – приоритетное направление реализуемой государством

региональной социально-экономической политики. В проекте Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года главная цель заявляется как «устойчивое и сбалансированное пространственное развитие Российской Федерации, обеспечивающее развитие человеческого капитала, сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, национальную безопасность страны» [7]. В то же время выбор в качестве целевого сценария создания условий для увеличения до 35–40 центров экономического роста позволяет утверждать, что приоритет отдается именно городским агломерациям.

Наиболее острые проблемы не входящих в агломерации территорий

Значительная часть населения страны проживает в малых и средних городах, поселках городского типа, сельских населенных пунктах вне городских агломераций. Поэтому вопросы пространственного развития не следует решать, опираясь лишь на агломерации, конурбации, «сетевую кластерную модель». Такая политика, как справедливо отмечают авторы [8], «... приведет к дальнейшему «вымыванию» населения из сельских территорий, так как влияние агломерационных эффектов не может распространяться на всю территорию огромных по площади субъектов федерации».

Безусловно, государственные органы власти предпринимают ряд мер по социально-экономическому развитию территорий, находящихся вне городских агломераций. Реализуются, например, Государственная программа Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами», в рамках Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на

2013–2020 годы – Подпрограмма «Устойчивое развитие сельских территорий», приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды» и ряд других. Однако уровень социально-экономического развития этих территорий остается низким.

Так, две трети всех городов России являются малыми. В числе основных проблем малых городов следующие [9]:

- недиверсифицированная структура экономики небольших городов, а в ряде из них моноотраслевая, что означает полную зависимость от градообразующего предприятия;
- технологическая отсталость промышленных предприятий, высокий уровень износа основных фондов и, как следствие, низкая конкурентоспособность;
- ограниченность экономической базы, недостаток мест приложения труда, высокий уровень безработицы, невыгодные конкурентные позиции в привлечении квалифицированных кадров и инвестиций;
- недостаточный уровень развития социально-культурной сферы;
- низкий уровень развития социальной и инженерной инфраструктуры, высокая степень ее износа и др.

В результате в большинстве малых городов складывается крайне неблагоприятная демографическая ситуация: естественная убыль населения, миграция в более крупные города (особенно это касается молодежи). Вместе с тем именно малые города в совокупности со средними формируют каркас системы расселения. Поэтому они и должны стать точками роста вне городских агломераций.

Поселки городского типа по численности населения занимают промежуточное положение между городом и сельскими населенными пунктами. Для этой категории поселений характерна низкая привлекательность для населения и бизнеса ввиду ряда острых социально-экономических проблем, в числе которых сворачивание деятельности промышленных производств, недостаток рабочих мест, отсутствие возможности самообеспечения,

низкая обеспеченность жилищно-коммунальными услугами, низкий уровень развития социальной сферы и инфраструктуры, нехватка благоустроенного жилья, неудовлетворительные жилищные условия, усиление деструктивных демографических процессов в связи с высокой естественной убылью и повышенным миграционным оттоком.

В сельских территориях (территории сельских поселений и межселенные территории) социально-экономические проблемы стоят еще более остро. Значительная часть экономической активности сосредоточена на территориях, примыкающих к крупным городам; продолжаются спад сельскохозяйственного производства и сокращение ресурсной базы; нарастает отставание уровня и качества жизни селян от среднероссийского уровня, он существенно ниже, чем в городах [10]. Сворачивание производства в сельском хозяйстве, отсутствие условий для альтернативной занятости на селе, низкий уровень заработной платы, исторически сложившийся низкий уровень развития социальной и инженерной инфраструктуры – основные причины непривлекательности сельских территорий для экономически активного населения, особенно для молодежи, и, как результат, численность сельского населения сокращается быстрыми темпами. Так, за четверть века (1991–2016 гг.) численность сельского населения в целом по России даже с учетом вхождения в ее состав в 2014 году Республики Крым сократилась на 3%. В среднем по Северо-Западному федеральному округу численность сельского населения сократилась на 19%. Более всего этот показатель снизился в северных регионах: Мурманской и Архангельской областях, а также Республике Коми (на 35–42%). Численность сельского населения Вологодской области снизилась на 29% [11; 12]. И эта тенденция характерна для всех муниципальных районов.

Развитие потенциала территорий – задача ученых и практиков

Усиливающиеся агломерационные тенденции и острые проблемы территорий вне крупных городов грозят дальнейшим отто-

ком населения, а в ряде случаев – исчезновением этих населенных пунктов, опустыниванием значительных ранее заселенных территорий. Это безусловно создает угрозу национальной безопасности. В то же время небольшие территории характеризуются неповторимостью и колоритностью, они являются хранителями культурного наследия и национальной оригинальности. Здесь проживает почти 60% населения страны. Только в сельской экономике (сельском и лесном хозяйствах) занято около 38% сельского населения. Этими отраслями сельской экономики в 2016 году было произведено 4,45% валового внутреннего продукта страны [13].

Эти и другие обстоятельства позволяют заключить, что не только перед управленцами, но и перед научным сообществом стоят требующие безотлагательного решения задачи совершенствования научно-методических подходов, поиска новых форм и методов управления развитием не входящих в городские агломерации территорий на основе повышения эффективности использования их социально-экономического потенциала.

Следует подчеркнуть, что управление социально-экономическим развитием территорий является задачей органов местного самоуправления. Все чаще внимание акцентируется на необходимости саморазвития территорий, предусматривающего мобилизацию их собственных возможностей и внутренних ресурсов для решения социально-экономических проблем. В то же время «саморазвитие» не следует понимать как устранение государства от решения проблем территорий. Роль федеральных и региональных органов государственной власти в этом процессе весьма значима. Именно государство должно создать условия для саморазвития территорий [14; 15].

А пока муниципалитеты практически полностью зависят от помощи государства. Свидетельство тому – дотационность местных бюджетов. Например, в структуре местных бюджетов Вологодской области межбюджетные трансферты составляют более 60%, а доля местных налогов в собственных дохо-

дах бюджетов муниципальных образований не достигает и 20% [16]. В этом случае ни о каком саморазвитии не может быть и речи.

Требуется внесение коррективов в региональную социально-экономическую политику и прежде всего в бюджетно-налоговую политику федерального центра. Собственные источники формирования местных бюджетов (земельный налог и налог на имущество физических лиц, а также отчисления от НДФЛ и транспортного налога) недостаточны для формирования доходной базы и решения вопросов местного значения. Следует существенно расширить перечень доходных источников, закрепить за муниципалитетами стабильные налоги, способные обеспечивать большую часть их потребностей в устойчивом развитии. Следует расширять самостоятельность и полномочия муниципальных органов власти в регулировании налоговой базы, налоговых ставок, льгот по налогам, зачисляемым в территориальные бюджеты. Особенно это касается налога на доходы физических лиц, имущественных налогов, налога на добычу полезных ископаемых. Это неоднократно отмечали и научно обосновывали отечественные ученые-экономисты [16; 17; 18 и др.].

Кроме того, следует использовать и другие резервы в увеличении финансовых возможностей местных бюджетов. По оценкам специалистов, например, в Вологодской области проведение комплекса мероприятий по оздоровлению местных бюджетов и развитию межбюджетных отношений позволило бы увеличить доходы местных бюджетов на 1,7–3,3 млрд рублей [16].

С учетом конституциональной самостоятельности этого института власти, необходимо развивать путем совершенствования его нормативно-правовой базы и укрепления финансово-экономических основ. В рамках административной реформы все устойчивее становится тенденция к централизации, укреплению вертикали власти, что безусловно грозит снижением самостоятельности муниципальных образований. Необходимо добиться того, чтобы этот институт власти действительно стал самостоятельным.

Совершенствование механизмов взаимодействия органов местного самоуправления с региональными органами государственной власти – еще одна возможность решения задач социально-экономического развития территорий. Как уже отмечалось, органы местного самоуправления существенно зависят от государственной власти. Вместе с тем эффективность взаимодействия с органами государственной власти региона главы городских и сельских поселений оценивают невысоко. Основным фактором, обуславливающим низкую эффективность взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, является финансовая зависимость муниципальных образований от региональной власти. На это по итогам 2016 года указали 83% руководителей муниципальных районов, 79% – городских и 69% – сельских поселений. В числе других факторов – отсутствие дифференцированной политики по отношению к территориям с разным уровнем социально-экономического развития, противоречивость системы разграничения полномочий, отсутствие у органов государственной власти информации о реальной ситуации в муниципалитетах¹.

По мнению глав муниципалитетов, для успешной реализации социально-экономической политики требуются более активные действия со стороны региональных властей. Например, в 2016 году 89% глав районов Вологодской области признали неэффективными действия по развитию сети автомобильных дорог, стимулированию привлечения инвестиций в муниципалитеты (77%) и созданию устойчивых внутрирегиональных кооперационных связей (88%), по стимулированию рынка жилья и жилищного строительства (67%), по решению проблемы безработицы (59%).

В то же время полномочия государственных органов власти субъектов федерации в регулировании экономической деятельности на территории муниципалитетов достаточно

¹ Опрос глав муниципальных образований Вологодской области проводится ФГБУН ВолНЦ РАН начиная с 2007 года.

широкие (рис.). Это меры финансово-экономической поддержки конкретных муниципальных образований, разработка территориальных аспектов региональных целевых программ, создание с участием бюджета региона совместных производств, размещение унитарных предприятий и государственного регионального заказа на предприятиях конкретных муниципальных образований, долевое участие в софинансировании объектов инфраструктуры и др.

Весьма актуальным остается вопрос партнерства власти, бизнеса и населения в решении социально-экономических проблем территорий путем создания благоприятных условий, способствующих привлечению на территорию ресурсов страны в целом, заинтересованных организаций, предприятий, различных фондов и других инвесторов. Органам власти на местах следует активнее взаимодействовать с бизнес-сообществом в решении задачи социально-экономического развития территорий. Пока представители бизнеса оценивают уровень взаимодействия с органами власти в 3,8 балла из десяти. При

этом важнейшей задачей органов власти является стимулирование хозяйствующих субъектов к участию в решении местных проблем, т. е. формирование социальной ответственности бизнеса. Резервы здесь весьма существенные. По мнению руководителей организаций г. Вологды, причинами, сдерживающими развитие социальной ответственности, помимо отсутствия финансовых возможностей являются отсутствие стимулирования со стороны органов власти (половина всех опрошенных), неразвитость законодательной базы (37%), слабая информированность (22,6%) [20].

С целью развития территорий органам местного самоуправления следует искать возможность включить населенные пункты в разрабатываемые на федеральном и региональном уровне программы, нацеленные на возрождение населенных пунктов, не входящих в крупные агломерации. Например, решить ряд социально-экономических вопросов территорий позволяет участие в федеральных целевых программах, в том числе в ФЦП «Формирование комфортной городской среды», «Безопасные и комфортные до-

Рис. Основные формы регулирования пространственного развития экономики региона в зависимости от полномочий региональных органов власти

Источник: Совершенствование партнерства: регионы и муниципалитеты в условиях реформирования управления и расширения их полномочий / МОНФ; Администрация Самарской области; ГУ ИМЭИ. М.: МОНФ, 2007. 491 с. [19]

роги», «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ» и пр. Но это ни в коем случае не отрицает наличия местных инициатив по активизации собственных экономических возможностей в сочетании с политикой избирательной поддержки с целью превращения данных территорий в устойчивые саморазвивающиеся административные единицы.

Содействие развитию потенциала территорий – одно из направлений региональной социально-экономической политики. Федеральные органы государственной власти расширяют перечень инструментов, основанных на принципе территориально сфокусированного преференциального стимулирования предпринимательской активности. Наибольшее распространение получили особые экономические зоны (нескольких типов), индустриальные и промышленные парки, технопарки, зоны территориального развития, инновационные кластеры, промышленные округа, территории опережающего развития, свободные порты [21]. Органам местного самоуправления следует использовать эти инструменты.

Вместе с тем необходимо развивать собственный потенциал территорий. Конечно, в период перехода к рыночным отношениям экономические основы местного самоуправления были подорваны, а низкая конкурентоспособность местных производств не позволяет им значительно расширить деятельность. Следовательно, в новых условиях хозяйствования необходимо использовать другие механизмы, обеспечивающие оживление экономики уже освоенных территорий. Требуются активизация усилий местных органов власти, ориентация на поиск нестандартных решений, создание условий для технологического прорыва в экономике. Необходимо налаживать взаимодействие с местным бизнесом, активизировать работу по стимулированию производственной деятельности, осуществлять комплекс мер, направленных на диверсификацию производств, искать возможности по размещению на территории муниципалитета цехов, филиалов и узкоспециализированных произ-

водств крупных предприятий, содействовать вхождению местных предпринимателей в состав создаваемых кластеров и других сетевых структур, оказывать поддержку местным товаропроизводителям, в числе которых предприятия по переработке местного сырья (сельскохозяйственной продукции, дикорастущих плодов и ягод и т. п.), развивать народные промыслы, центры отдыха и туризма, расширять использование интернета и других телекоммуникаций в обмене опытом развития местных производств, в том числе и в зарубежных странах.

Экономическому росту территорий способствуют такие механизмы, как стимулирование предпринимательской активности местного населения и развитие малых форм хозяйствования, широкое использование органами налоговых льгот и других мер поддержки наиболее перспективных предприятий и направлений бизнеса, организация системы маркетинга и мероприятий по улучшению имиджа территории с целью привлечения инвестиций.

Важнейшей задачей местного самоуправления видится создание институтов развития, способствующих повышению темпов и устойчивости экономического роста, а также конкурентоспособности территорий. Это могут быть бизнес-инкубаторы, центры поддержки малого и среднего предпринимательства, инжиниринга и т. п. [22].

Весьма значимыми для решения проблем территорий являются развитие межмуниципального сотрудничества, укрепление финансово-экономических, социально-культурных, организационно-управленческих и других связей малых, средних городов и сельских населенных пунктов, развитие социальной и инженерной инфраструктуры.

В условиях динамичной рыночной среды и неопределенности все более важным является наличие стратегии социально-экономического развития муниципальных образований. Этот документ направлен на консолидацию усилий власти, бизнеса и населения (общества) в решении проблем территорий. Инициатором разработки стратегии должны вы-

ступить органы местного самоуправления. Однако участниками разработки стратегии должны стать представители и бизнеса, и различных структур гражданского общества. Причем этот документ должен быть и в сельских населенных пунктах [23].

Перспективы развития территорий во многом видятся и в расширении спектра методов управления социально-экономическими процессами, распространении накопленного позитивного опыта, обращении к кодексу лучших практик зарубежных стран [3; 24; 25; 26; 27; 28].

Вывод

Таким образом, можно сделать следующие принципиальные выводы.

Во-первых, в современных условиях прогресс и рост экономики обеспечивают агломерации. Однако сосредоточение усилий государства на развитии городских агломераций ведет к концентрации производств и ресурсов в небольшом количестве центров и дальнейшему росту неоднородности экономического пространства.

Во-вторых, следствием усиления агломерационных процессов является более низкий уровень социально-экономического развития территорий, расположенных вне агломераций.

В-третьих, необходимость достижения устойчивого и сбалансированного пространственного развития, обеспечивающего раз-

витие человеческого капитала, сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни россиян, актуализирует проблему совершенствования методов управления социально-экономическими процессами на основе развития и повышения эффективности использования потенциала территорий.

В-четвертых, создание условий для саморазвития территорий путем внесения коррективов в региональную социально-экономическую политику, укрепление финансово-экономических основ и совершенствование нормативно-правовой базы местного самоуправления, повышение эффективности взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, расширение перечня инструментов содействия развитию потенциала территорий – важнейшие задачи органов государственной власти.

В-пятых, органы местного самоуправления располагают весьма внушительным набором инструментов, обеспечивающих развитие собственного потенциала территорий, в числе которых механизмы, обеспечивающие оживление местной экономики, диверсификация производств, создание условий для технологического прорыва, налаживание взаимодействия с бизнес-структурами, стимулирование предпринимательской активности населения, формирование институтов развития, межмуниципальное сотрудничество, расширение спектра методов управления и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. США: различия между штатами в уровне социально-экономического развития. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=3021&type=news>
2. Современное состояние развития и проблемы Китая. URL: https://studbooks.net/1820302/geografiya/porayonnye_razlichiya
3. Мейхард Р. Территориальное развитие в сельских районах Германии. Дортмунд: Технический университет. 2009. 128 с.
4. *Reshaping Economic Geography. World development Report 2009*. Washington DC: The World Bank, 2009. С. 6–7.
5. Будущее в городах. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2017/05/24/691328-buduschee-gorodah>
6. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>
7. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/4e13f48c-257a-4878-858f-c2159aa5320b/spr.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=4e13f48c-257a-4878-858f-c2159aa5320b>

8. Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 132–147. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.9
9. Моногород: управление развитием / Т.В. Ускова [и др.]; под рук. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 220 с.
10. Ускова Т.В. Проблемы и перспективы социально-экономического развития сельских территорий // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.1
11. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru>
12. Ускова Т.В. Проблемы и перспективы социально-экономического развития сельских территорий // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.1
13. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>
14. Татаркин А.И., Дорошенко С.В. Регион как саморазвивающаяся система: переход через кризис // Экономика региона. 2011. № 1. С. 15–23.
15. Бухвальд Е. «Саморазвитие» регионов и приоритеты регулирования пространственной структуры российской экономики // Федерализм. 2018. № 2. С. 32–45.
16. Бухвальд Е.М., Печенская М.А. Возможности местных бюджетов при реализации муниципальных стратегий развития // Проблемы развития территории. 2017. Вып. 4 (90). С. 37–50.
17. Татаркин А.И. Диалектика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов // Экономика региона. 2014. № 1 (37). С. 9–33.
18. Зубаревич Н.В. Государственное управление в пространстве Российской Федерации: коридор возможностей. URL: <https://iphras.ru/uplfile/philec/gou/zubarevich.pdf>
19. Совершенствование партнерства: регионы и муниципалитеты в условиях реформирования управления и расширения их полномочий / МОНФ; Администрация Самарской области; ГУ ИМЭИ. М.: МОНФ, 2007. 491 с.
20. Копытова Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: проблемы и перспективы развития: монография / под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. 174 с.
21. Швецов А. Инструменты политики поляризованного пространственного развития // Федерализм. 2018. № 1. С. 82–103.
22. Чекавинский А.Н., Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. Институты развития на местном уровне: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 200 с.
23. Шулепов Е.Б., Задумкин К.А. Как написать и реализовать стратегию сельского поселения: метод. рекомендации. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 48 с.
24. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Региональная политика территориального развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 156 с.
25. Ильин В.А., Ускова Т.В. Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации // Федерализм. 2012. № 3 (67). С. 7–18.
26. Торре А. Инновации и управление сельскими территориями. Париж, 2011. 114 с.
27. Конева Д.А. Зарубежный опыт как основа решения проблем развития сельских территорий Волгоградской области. URL: <http://novaum.ru/public/p243>
28. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. 2010. № 3. С. 7–25.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ускова Тамара Витальевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: tvu@vscc.ac.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-06.

THE POTENTIAL OF RUSSIAN TERRITORIES' DEVELOPMENT

The heterogeneity of the economic space is characteristic of almost all countries. It is the result of uneven settlement, distribution of natural resources and, consequently, distribution of productive forces. The growing heterogeneity of the economic space poses a threat to national security. In this regard, the issues of spatial development occupy an important place among the priorities of regional socio-economic policy. For modern Russia, the problem of uneven fragmented space is becoming increasingly important. The policy of spatial development implemented by the state gives priority to the development of urban agglomerations as main centers of economic growth. Concentration of economic activity and population in urban agglomerations leads to aggravation of social and economic problems of other territories. The level and quality of life is significantly lower in areas outside major cities. As a result, there is an outflow of population to large cities, curtailment of production, desertification of entire territories. In this regard, it is crucial to find ways to develop areas outside urban agglomerations. The purpose of this article is to identify the main problems of areas outside major cities, as well as justify the methods to ensure their sustainable development, which is very relevant from a scientific and practical point of view. The article proposes complex tools using which in the practice of regional authorities and bodies of local self-government will solve the problem of incoherence in the economic space and the heterogeneity of socio-economic development of territories. The key-note of the article is the need to stimulate self-development of territories, i.e. solving the problems of territories based on realizing and developing their own potential. The role of the institution of local self-government in solving this problem is substantiated, a set of methods for increasing independence and strengthening this institution of power is proposed.

Economic space, small and medium cities, urban settlements, rural areas, urban agglomerations, territories' self-development, local government, social and economic policy.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Uskova Tamara Vital'evna – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Head, Head of Department. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: tvu@vscc.ac.ru. Phone: +7(8172) 59-78-06.

Мониторинг перемен: основные тенденции

ВолНЦ РАН продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области.

⬆ Тенденции развития российской экономики в январе – июле 2018 года по сравнению с соответствующим периодом 2017 года отражают ряд позитивных изменений. Среди них отдельное внимание обращает на себя увеличение темпов роста промышленного производства и грузооборота транспортных предприятий (в обоих случаях на 3,1%), розничной торговли (на 2,5%), продукции сельского хозяйства и ввода в действие жилья (на 1,9% каждый; табл. 1).

Эти тенденции более выражены в Вологодской области. Так, динамика промышленного производства выросла на 6%, выпуска сельскохозяйственной продукции – на 3,3%, грузооборота транспортных предприятий – на 13,1%, ввода в действие жилых домов – на 4,1%, оборота розничной торговли – на 2,2%.

⬇ Вместе с тем необходимо отметить снижение активности в сфере строительства и реконструкции сооружений инфраструктуры в стране. В целом по экономике РФ спад темпа составил 0,9%, в Вологодской области он достиг 14,3%.

⬆ Сопоставление показателей января – июля 2018 года с аналогичным периодом 2008 года, когда в реальном секторе экономики наблюдались наивысшие темпы роста за последние 15 лет, показывает, что в стране значительно увеличилась динамика ввода в действие жилых домов (на 31,3%), выпуска сельскохозяйственной продукции (на 18,6%), грузооборота транспортных предприятий (на 8,4%), розничной торговли (на 6,5%) и промышленного производства (на 6%).

В Вологодской области за это же время вырос темп ввода в действие жилых домов (на 10,3%), транспортных грузоперевозок (на 8,5%), промышленного производства (на 3,5%) и строительных работ (на 3,3%).

⬇ Среди негативных явлений, произошедших в экономике региона за 2008–2018 годы, можно отметить снижение темпов розничной торговли (на 13,3%) и производства продукции сельского хозяйства (на 9,5%).

Таблица 1. Основные показатели экономического развития

Показатель	Январь – июль 2018 г. к январю – июлю 2017 г., %			Январь – июль 2018 г. к январю – июлю 2016 г., %			Январь – июль 2018 г. к январю – июлю 2008 г., %		
	РФ	ВО		РФ	ВО		РФ	ВО	
Объем промышленного производства	103,1	106,0	●	105,1	105,9	●	106,0	103,5	●
Объем продукции сельского хозяйства	101,9	103,3	●	101,2	101,5	●	118,6	90,5	●
Грузооборот транспортных предприятий	103,1	113,1	●	110,5	111,0	●	108,4	108,5	●
Объем работ, выполненных по виду деятельности «строительство»	99,1	85,7	●	96,2	180,0	●	67,2	103,3	●
Ввод в действие жилых домов	101,9	104,1	●	91,3	60,8	●	131,3	110,3	●
Объем розничной торговли	102,5	102,2	●	102,3	100,7	●	106,5	86,7	●

● – Показатели ниже средних по РФ; ● – Показатели выше средних по РФ.
Источники: Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – июле 2018 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2018. 97 с.; Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

- ⬇ – тенденции ухудшения ситуации;
- ⬆ – тенденции улучшения ситуации;
- – ситуация существенно не изменилась.

⊕ В российской промышленности в январе – июле 2018 года в сравнении с первыми семью месяцами 2017 года увеличение темпов выработки демонстрируют целлюлозно-бумажные (на 10,4%), деревообрабатывающие (на 7,6%), химические (на 3,3%) и металлургические (на 2,4%) производства. В целом по стране темп роста обрабатывающих производств составил 4,1%, по виду деятельности «обеспечение электрической энергией, газом и паром» – 1,9% (табл. 2).

Положительные тенденции демонстрируют обрабатывающие предприятия Вологодской области, увеличившие темп выпуска продукции на 6,7%. Прирост наблюдается по химическим (на 16,8%), деревообрабатывающим (на 7,3%), металлургическим (на 4,4%) и целлюлозно-бумажным (на 4,2%) производствам.

⊖ Негативные явления нашли отражение в деятельности машиностроительных предприятий России и Вологодской области – снижение темпов производства составило 2 и 7,9% соответственно. В регионе незначительное снижение динамики имеет место по виду деятельности «обеспечение электрической энергией, газом и паром» (на 0,6%).

⊕ В январе – июле 2018 года относительно аналогичного периода 2008 года в российской промышленности прирост продемонстрировали обрабатывающие производства в целом (на 6%), и в частности химические (на 37,3%).

В Вологодской области положительные изменения имеют место среди целлюлозно-бумажных (62,8%), деревообрабатывающих (36,9%) и машиностроительных (25,5%) производств. По виду деятельности «обеспечение электрической энергией, газом и паром» увеличение составило 2,1% в РФ и 13,4% в Вологодской области.

⊖ В то же время в целом по стране снизился темп выпуска продукции машиностроения (на 27,8%) и металлургии (на 18,8%). Динамика деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных производств просела на 7,3 и 5,3% соответственно.

В Вологодской области серьезное замедление темпов роста демонстрируют металлургия (на 19,8%) и химия (на 6,6%). В целом по обрабатывающим производствам региона снижение составило 10,3%.

⊕ В социальной сфере страны в первом полугодии 2018 года по отношению к аналогичному периоду 2017 года на 2,6% выросли реальные располагаемые денежные доходы населения. Уровень безработицы по состоянию на конец июля снизился с 5,1 до 4,7% (табл. 3).

⊖ Менее стабильная ситуация наблюдается в Вологодской области. Так, реальные денежные доходы населения снизились на 10,4% в сравнении с уровнем первого полугодия 2017 года. В дальнейшем такие тенденции могут привести к снижению потребительского спроса.

Таблица 2. Динамика промышленного производства

Вид экономической деятельности	Январь – июль 2018 г. к январю – июлю 2017 г., %			Январь – июль 2018 г. к январю – июлю 2016 г., %			Январь – июль 2018 г. к январю – июлю 2008 г., %		
	РФ	ВО		РФ	ВО		РФ	ВО	
Обрабатывающие производства, в том числе:	104,1	106,7	●	107,7	108,1	●	106,0	89,7	●
Обработка древесины и производство изделий из дерева	107,6	107,3	●	110,3	110,0	●	92,7	136,9	●
Целлюлозно-бумажное производство	110,4	104,2	●	114,4	105,6	●	94,7	162,8	●
Химическое производство	103,3	116,8	●	108,3	122,8	●	137,3	93,4	●
Металлургическое производство	102,4	104,4	●	97,5	105,2	●	81,2	80,2	●
Производство машин и оборудования	98,0	92,1	●	99,8	79,7	●	72,2	125,5	●
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	101,9	99,4	●	103,8	87,9	●	102,1	113,4	●

● – Показатели ниже средних по РФ; ● – Показатели выше средних по РФ.
 Источники: Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – июле 2018 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2018. 97 с.; Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 3. Показатели социального развития

Показатель	Территория	Год								2018 г. к 2017 г., %	2018 г. к 2008 г., %
		2008	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Реальные располагаемые денежные доходы за I полугодие, %	ВО	100,6	113,8	104,7	102,9	101,0	100,9	91,0	89,6	×	×
	РФ	108,1	102,7	104,3	99,0	96,3	95,2	97,3	102,6	×	×
Среднедушевые денежные доходы в июне, руб.	ВО	11957	18615	17920	21917	26108	28641	27354	25323	92,6	211,8
	РФ	15552	23002	25072	27523	29819	30725	32241	33282	103,2	214,0
	ВО/РФ, %	76,9	80,9	71,5	79,6	87,6	93,2	84,8	76,1	×	×
	Отклонение ВО/РФ, руб.	-3595	-4387	-7152	-5606	-3711	-2084	-4887	-7959	×	×
Величина прожиточного минимума во II кв., руб.	ВО	4779	6514	7685	8503	10312	10506	11015	10995	99,8	230,1
	РФ	4646	6307	7372	8192	10017	9956	10329	10444	101,1	224,8
Соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума	ВО	2,5	2,9	2,3	2,6	2,5	2,7	2,5	2,3	×	×
	РФ	3,3	3,6	3,4	3,4	3,0	3,1	3,1	3,2	×	×
Уровень безработицы на конец июля, %	ВО	5,1	6,2	5,3	3,8	7,4	6,2	5,4	5,0	-0,4	-0,1
	РФ	5,7	5,4	5,3	4,9	5,3	5,3	5,1	4,7	-0,4	-1,0
		-0,6	0,8	0,0	-1,1	2,1	0,9	0,3	0,3	×	×

Источники: Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – июле 2018 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2018. 97 с.; Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

В июне 2018 года среднедушевые денежные доходы населения в Вологодской области (25323 руб.) лишь в 2,3 раза превысили величину прожиточного минимума во II квартале (10995 руб.), в то время как в среднем по стране значение коэффициента составляет 3,2 раза.

🕒 Вместе с тем положительные изменения демонстрирует региональный рынок труда: уровень безработицы в конце июля 2018 года снизился с 5,4 до 5%.

По итогам января – июля 2018 года можно сделать вывод об отсутствии уверенной стабилизации социально-экономического развития регионов России. Особенно это касается Вологодской области, где наблюдается существенное снижение темпа роста строительных работ, замедление динамики в машиностроении, сокращение денежных доходов населения. Отсутствие со стороны органов власти целенаправленных мер отраслевой поддержки и прежде всего обеспечения платежеспособного спроса в дальнейшем может обусловить замедление темпов роста российской экономики.

*Материал подготовил
А.Е. Мельников
младший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН*

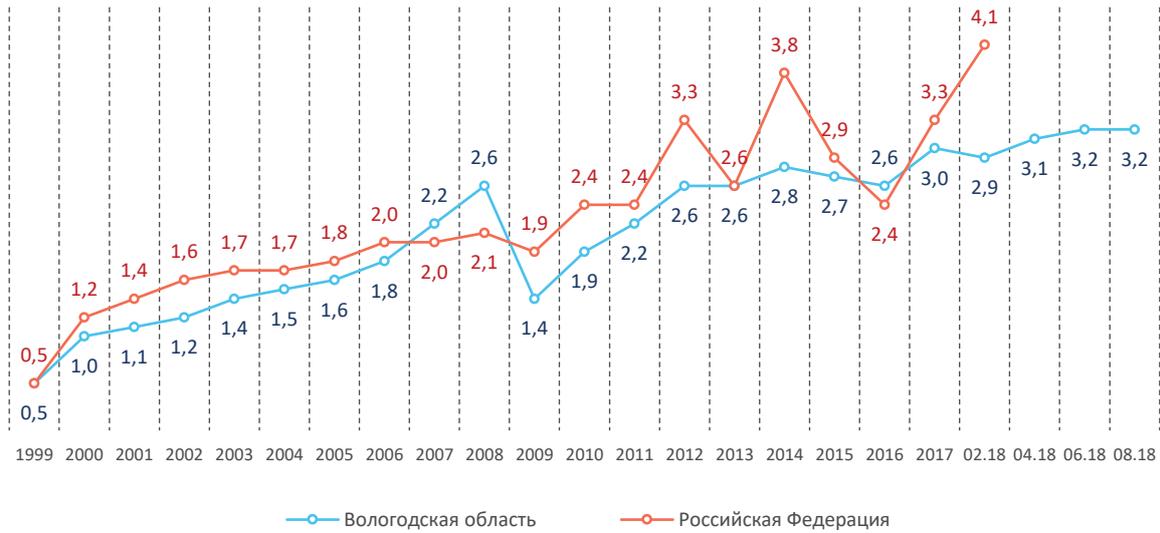

Рис. 1. Социальное настроение¹ (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю напряжение, раздражение» и «испытываю страх, тоску»), раз

На протяжении лета 2018 года не произошло изменений социального настроения жителей Вологодской области. Число позитивных оценок в 3,2 раза выше, чем удельный вес негативных характеристик.

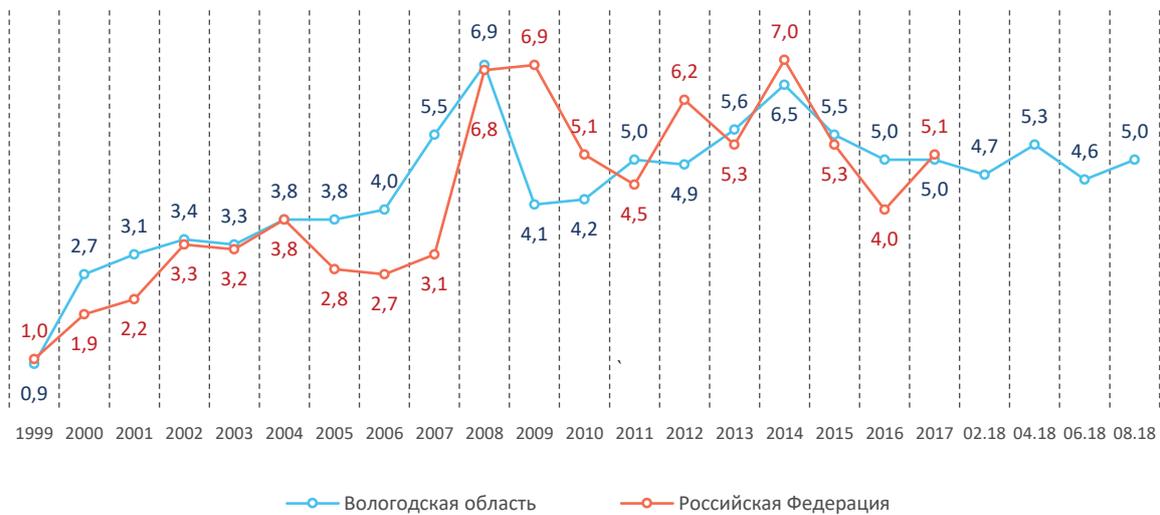

Рис. 2. Запас терпения населения (отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть нельзя»), раз

С июня по август 2018 года уровень запаса терпения жителей Вологодской области несколько увеличился (с 4,6 до 5,0 раз). Этот показатель соответствует значениям 2016–2017 гг.

¹ Здесь и далее: Вологодская область – данные ФГБУН ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные Левада-Центра.

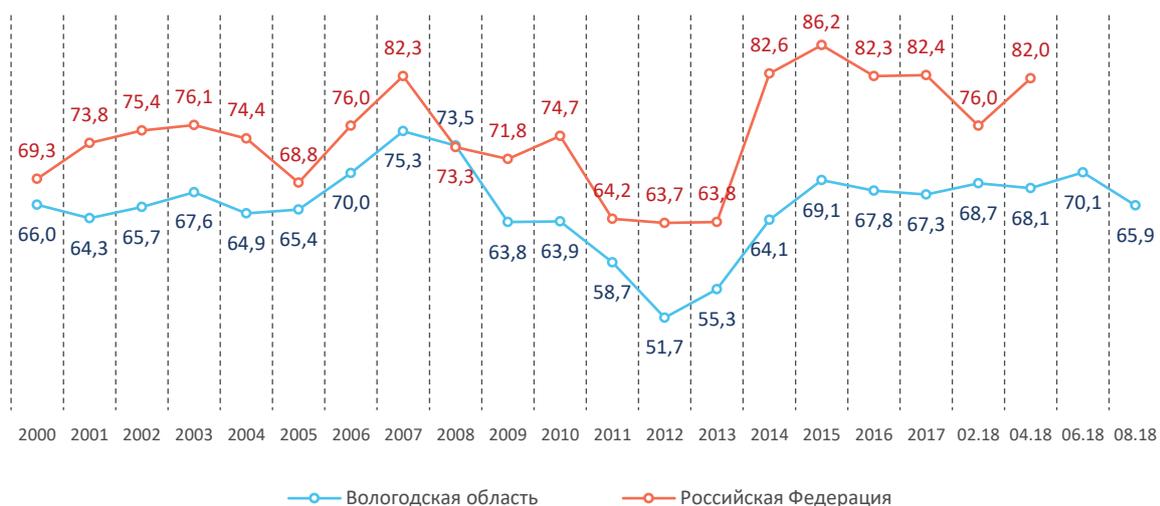

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

С июня по август 2018 года произошло снижение удельного веса жителей Вологодской области, поддерживающих деятельность Президента РФ. Уровень одобрения работы главы государства уменьшился на 4 п. п. (с 70 до 66%).

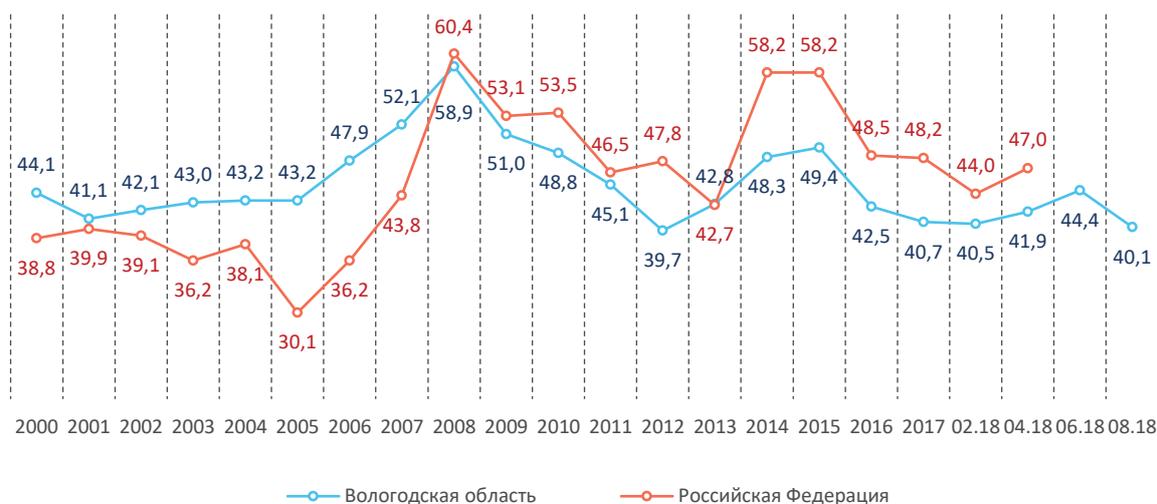

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В августе 2018 года по сравнению с началом лета снизилась доля населения, одобряющего деятельность Правительства РФ. Данный показатель опустился на 4 п. п. (с 44 до 40%).

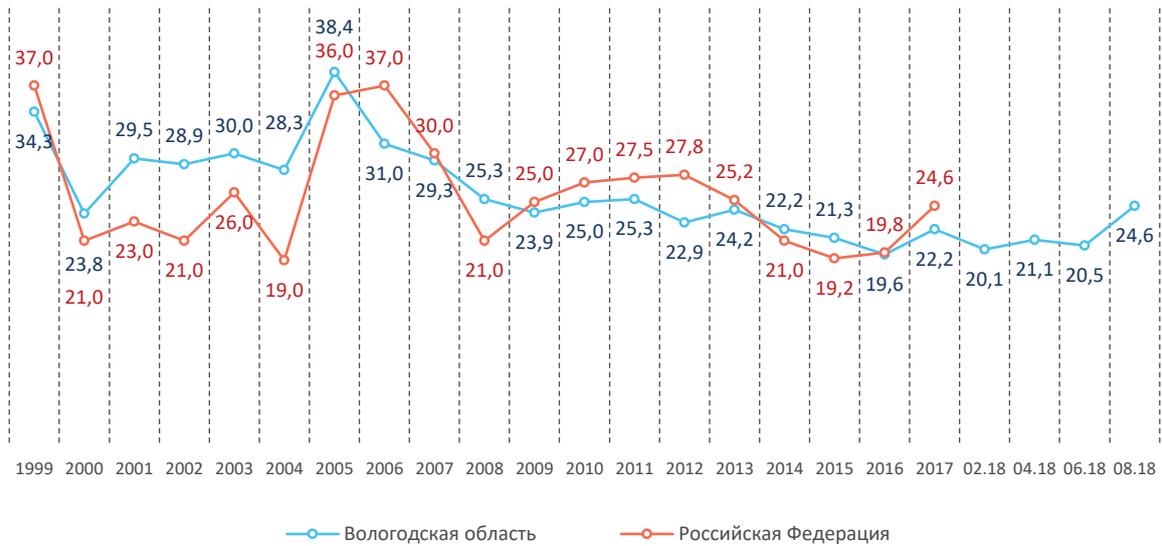

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

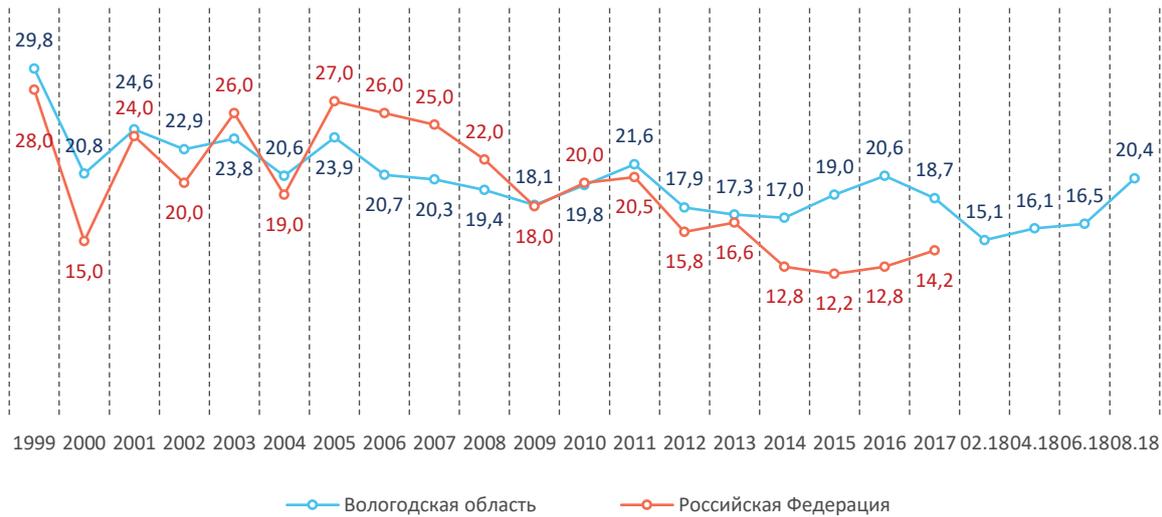

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

В период с июня по август т. г. оценки уровня социальной напряженности в Вологодской области ухудшились. Доля населения, указывающего на вероятность протестных выступлений, увеличилась на 4 п. п. (с 21 до 25%). Удельный вес вологжан, заявляющих о готовности принять участие в акциях протеста, повысился на 3 п. п. (с 17 до 20%).

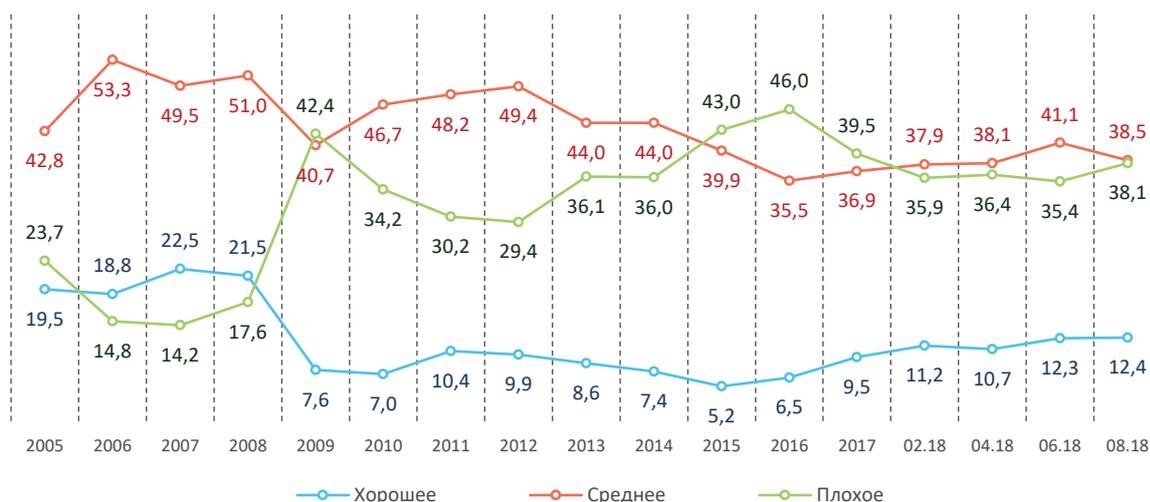

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

В последний летний месяц 2018 года произошло увеличение доли отрицательных характеристик экономического положения области (на 3 п. п., с 35 до 38%). Удельный вес нейтральных оценок снизился на 2 п. п. (с 41 до 39%), а положительных суждений – не изменился (12%).

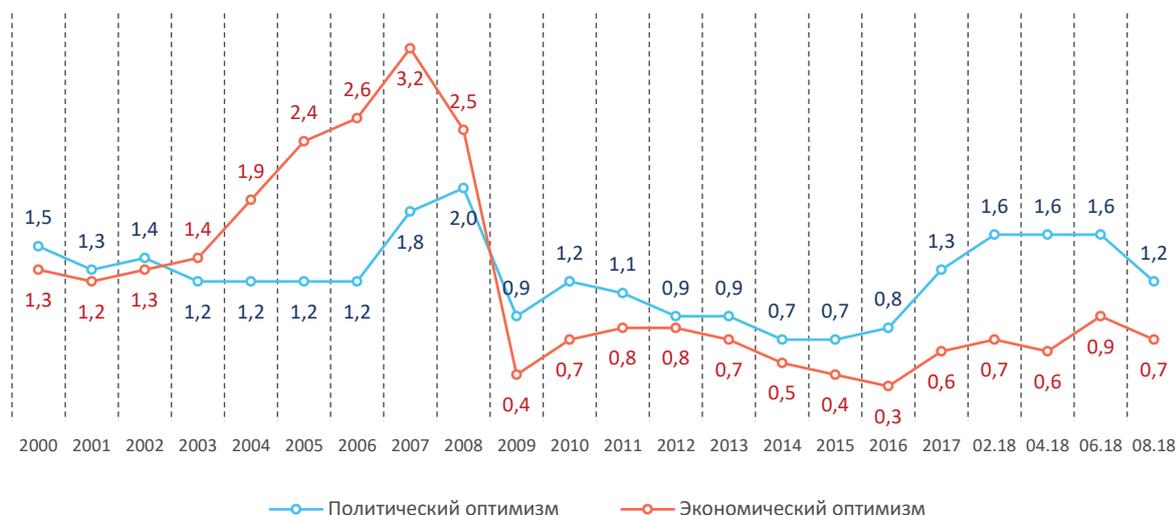

Рис. 8. Индексы политического и экономического оптимизма² (соотношение позитивных и негативных ожиданий), раз

В августе 2018 года прервалась начавшаяся в начале года стабилизация индекса политического оптимизма. В конце лета он снизился с 1,6 до 1,2 раза. Темпы роста экономического оптимизма снизились с 0,9 до 0,7 раза, что соответствует февральскому значению.

Материал подготовила

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

² Индекс политического оптимизма рассчитывается на основе соотношения ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс экономического оптимизма рассчитывается на основе соотношения ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

**Цены на металлопродукцию на мировом рынке¹ за тонну
(на конец августа соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Ед. измерения	2018 г.	2017 г.	2016 г.	2018 г. в %	
					к 2017 г.	к 2016 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Долл. США	739	688	525	107,5	140,8
Лист оцинкованный	Долл. США	864	760	575	113,7	150,3
Лист горячекатаный	Долл. США	653	605	435	107,9	150
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	Долл. США	611	583	460	104,8	132,9
Конструкционные профили	Долл. США	869	655	620	132,6	140,1
Сортовой прокат	Долл. США	681	610	508	111,6	134

**Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну
(на конец августа соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Ед. измерения	2018 г.	2017 г.	2016 г.	2018 г. в %	
					к 2017 г.	к 2016 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Руб.	49821	45192	41748	110,2	119,3
Лист оцинкованный	Руб.	62734	56424	55094	111,2	113,9
Лист горячекатаный	Руб.	44330	41343	36222	107,2	122,4
«Длинный» прокат						
Арматура	Руб.	46348	38384	31082	120,7	149,1
Балка и швеллер	Руб.	51986	52044	46653	99,9	111,4
Круг	Руб.	41981	37351	31993	112,4	131,2
Уголок	Руб.	42452	45319	33366	93,7	127,2

На мировом рынке металлопродукции в конце августа 2018 года зафиксирован существенный рост цен в долларовом выражении на все виды металлопроката по сравнению с тем же периодом 2017 года. Цены на различные виды «плоского» и «длинного» проката выросли на 5–33%. На российском рынке в рассматриваемом периоде цены на «плоский» прокат выросли на 7–11%, на «длинный» – изменялись разнонаправленно: арматура и круг подорожали на 21 и 12% соответственно, уголок подешевел на 6%, цены на балку и швеллер практически не изменились.

Источники: Аналитика. Мировые цены. Информационно-аналитическое агентство рынка черных и цветных металлов. URL: <http://www.metaltorg.ru/worldprice/main.php>; Аналитика. Динамика цен. Информационно-издательская служба «Металлоснабжение и сбыт». URL: <http://metalinfo.ru>

Обзор подготовил
М.А. Сидоров
младший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

¹ Страны ЕС.

Устойчивое развитие территорий, отраслей и производственных комплексов

DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.2

УДК 332.1 | ББК 65.04

© Кузнецова О.В.

КОНЦЕНТРАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В МОСКВЕ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: МАСШТАБЫ, ФАКТОРЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ГОРОДОВ¹

КУЗНЕЦОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»

Российской академии наук

Россия, 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 9

E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Обсуждение Стратегии пространственного развития РФ активизировало дискуссию о роли крупнейших городов в пространственном развитии страны, поскольку при глубокой проработанности проблемы дискуссионные вопросы сохраняются (о пределах роста городов, их роли в развитии промышленности и др.). В статье на основе актуальных и детальных статистических данных ЕМИСС анализируются масштабы и динамика концентрации населения и экономической активности в двух крупнейших российских городах – Москве и Санкт-Петербурге (при этом впервые особое внимание уделяется сложным видам услуг – структуре производства по виду экономической деятельности «операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг»), факторы такой концентрации и ее последствия для социально-экономического развития городов. На основе проведенного анализа выявлено сохранение доминирующей роли ключевых городов в экономике страны как центров инноваций (прежде всего центров сложных услуг) при потере их роли в простых услугах в силу децентрализации последних, отсутствие утраты городами своих промышленных функций. Показано, что концентрация экономической активности в крупнейших городах страны – во многом результат их объективных преимуществ, однако в России она усугубляется особенностями федеральной политики. Выявлено, что при продолжающейся концентрации насе-

Цитата: Кузнецова О.В. Концентрация экономической активности в Москве и Санкт-Петербурге: масштабы, факторы, последствия для городов // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 26–40. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.2

Citation: Kuznetsova O.V. Concentration of economic activity in Moscow and Saint Petersburg: trends, factors, implications for the cities. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 5 (97), pp. 26–40. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.2

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10324 «Человек в мегаполисе: экономические, демографические и экологические особенности») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

ления в Москве и Санкт-Петербурге тенденции концентрации экономической активности в них разнонаправленные: Санкт-Петербург продолжает наращивать свою роль в экономике страны, Москва – теряет. Показаны и другие проблемы социально-экономического развития столицы: замедление темпов экономического роста, ухудшение ситуации с денежными доходами населения, значительное расслоение населения по доходам, пониженная доступность жилья. Такая ситуация является вызовом для федеральной региональной политики и требует создания условий для появления за пределами столицы сопоставимых с ней по привлекательности для населения точек экономического роста и одновременно для решения проблем самой Москвы, направленного на поддержание ее устойчивого социально-экономического развития, прежде всего ради использования ее инновационного потенциала.

Агломерационный эффект, концентрация населения и экономической активности, федеральная политика, инновации, темпы экономического роста, уровень жизни населения.

Введение.

Обзор существующих исследований

В настоящее время в связи с подготовкой Стратегии пространственного развития Российской Федерации вновь активизировалась дискуссия о закономерностях социально-экономического развития территорий страны, о месте в пространственном развитии крупнейших городских агломераций. Последние нередко предлагаются в качестве основных потенциальных объектов федеральной политики, хотя существует и сугубо противоположная точка зрения – о необходимости сдерживания роста ключевых городов (спектр существующих мнений по этому вопросу был обобщен в [1]). В свою очередь, решение о необходимости и целесообразности особого федерального внимания к крупнейшим городам зависит от их роли в социально-экономическом развитии страны, места в пространственной структуре ее экономики. Эти вопросы уже неоднократно рассматривались в научных исследованиях, однако однозначных представлений по некоторым аспектам до сих пор не существует.

Прежде всего нет однозначных представлений о том, до какой степени концентрация населения и экономической активности в крупнейших городах полезна для их социально-экономического развития и страны в целом. С одной стороны, общепризнанными являются наличие так называемого агломерационного эффекта, лидирующие позиции городов в экономическом развитии, которые рассматривались и в классических теориях

регионального роста и размещения (подробно представленных нами в [2]), и на основе популярной в настоящее время новой экономической географии [3; 4; 5]. Неоднократно изучались и разнообразные проявления агломерационного эффекта, в т. ч. в прикладных аспектах [6; 7; 8; 9]. Причем в названных исследованиях анализировались и зарубежные, и российские города, и при безусловном наличии специфики отдельных стран или их типов, в целом факторы концентрации экономической активности в крупнейших городах общие.

На основании накопленных знаний можно выделить следующие преимущества крупнейших городов:

- наличие емкого рынка, позволяющего существенно экономить на издержках по доставке продукции потребителю, а также развивать все возможное многообразие видов услуг (связанных с обслуживанием как населения, так и предприятий); концентрация производства позволяет экономить и на взаимодействии с поставщиками;

- как результат, высокий уровень развития так называемой рыночной инфраструктуры, т. е. доступность банковских, юридических, консалтинговых и других услуг;

- наличие транспортной инфраструктуры, связывающей города с другими странами и регионами (крупные города, как правило, являются крупными транспортными узлами), что важно как для сбыта продукции, так и для доставки сырья и комплектующих;

- высокий уровень развития профессионального образования (что особенно спра-

ведливо для России, где не было практики развития университетских центров в небольших городах), обеспеченность кадрами максимально высокой (по меркам страны) квалификации;

- повышенный инновационный потенциал в силу как уже названного развития профессионального образования, так и благодаря концентрации научных исследований и разработок (что тоже особенно актуально для России, где города науки, в отличие от университетских городов, существуют, но все равно, как будет показано ниже, сконцентрированы в Московской области);

- сравнительно высокие возможности для профессиональной самореализации граждан в силу диверсифицированности экономики крупнейших городов, что тоже вносит свой вклад в рост производительности труда; доступность для предпринимателей трудовых ресурсов разнообразной квалификации;

- высокий уровень развития социальной сферы, привлекающей (наряду с возможностями самореализации) высококвалифицированные кадры в города;

- интенсивное взаимодействие, общение людей, предпринимательского сообщества, дающее высокую скорость генерации и распространения новых знаний, инноваций, технологий, чему в современной экономике придается особое значение.

С другой стороны, очевидны и негативные последствия чрезмерной концентрации в крупнейших городах (рост издержек, транспортные проблемы и др.), приводящие к замедлению темпов экономического роста как самих городов, так и стран в целом. Причем значимость таких последствий доказана не только на конкретных примерах (например, латиноамериканских агломераций [10]), но и с помощью эконометрических методов, на основе анализа статистических данных по более чем сотне стран мира [11], хотя эта работа и не бесспорна.

Еще один неоднозначный вопрос – роль крупнейших городов в промышленности своих стран. С одной стороны, применительно к России неоднократно говорилось о том, что

промышленные функции городов заметно сократились, спад промышленного производства в крупнейших городах был выше по сравнению с другими типами населенных пунктов, при этом увеличивалась доля отраслей сырьевой специализации и ориентированных на местных или региональных потребителей [9; 12; 13].

С другой стороны, если обратиться к зарубежным исследованиям, на их основе можно говорить не столько об утрате индустриальных функций городов, сколько о трансформации их промышленности, причем прогрессивной: в ее результате более сложные виды производства остаются в городах, тогда как более простые перемещаются в места с пониженными издержками. Таким образом, город может терять свое промышленное значение только в части производства простой дешевой продукции (из-за складывающейся существенной разницы в издержках производства в городе и за его пределами), но продолжать оставаться центром высокотехнологичных производств в силу названных выше преимуществ крупнейших городов, а также лучших в них возможностей для формирования промышленных кластеров [14; 15; 16; 17]. Эта закономерность довольно очевидна в экономически развитых странах, например, в Германии [18], но ее проявления уже прослеживаются и в России [19].

Цель данной статьи – оценить масштабы и динамику концентрации экономической активности (причем не только в целом, но и по отдельным видам экономической деятельности) в двух крупнейших российских городах – Москве и Санкт-Петербурге², обобщить факторы такой концентрации и последствия для социально-экономического развития двух городов. При этом нам представляется важным дать ответы на следующие вопросы:

- достигла ли концентрация экономической активности в Москве и Санкт-Петербурге своих пределов, т. е. продолжается ли дина-

² Другие города-миллионники мы не рассматриваем, поскольку они являются муниципальными образованияами, а муниципальная статистика существенно «беднее» статистики по субъектам РФ, которыми являются Москва и Санкт-Петербург.

мичное развитие городов или темпы их экономического роста замедлились;

– меняется ли роль двух городов в пространственной структуре экономики страны – по каким видам деятельности наблюдается децентрализация, по каким, наоборот, роль Москвы и Санкт-Петербурга не ослабевает;

– существуют ли факторы экономической концентрации экономической активности в двух крупнейших городах, связанные не с их объективными конкурентными преимуществами, а со спецификой федеральной социально-экономической политики;

– является ли растущая концентрация населения в Москве и Санкт-Петербурге основой их экономического благополучия или же городам приходится в большей степени сталкиваться с проблемами своего социально-экономического развития.

Концентрация населения и экономической активности в Москве и Санкт-Петербурге

Хорошо известно, что два крупнейших российских города продолжают оставаться привлекательными для мигрантов, которые обеспечивают стабильный рост численности населения в городах и увеличение их доли в общероссийской численности населения. Так, доля Москвы в постоянном населении страны увеличилась с 7,4% в 2004 году до 8,4% в 2015–2016 гг., Санкт-Петербурга – с 3,2 до 3,6% соответственно³. В Москве некоторый вклад в рост числа жителей внесло изменение официальных границ города. Так, численность Москвы в ее нынешних границах выросла с переписи 2010 к началу 2017 года на 5,5%, а в границах на соответствующие даты – на 7,6%, Московской области – на 8,2 и 4,6% соответственно⁴. В итоге соотношение

³ Эти годы выбраны для сопоставимости с приводимыми ниже данными по валовому региональному продукту, данные по структуре которого начали публиковаться с 2004 года, а последние данные опубликованы за 2016 год.

⁴ Пересчет численности населения Москвы и Московской области в связи с изменением границ субъектов РФ с 1 июля 2012 года был осуществлен непосредственно Росстатом.

динамики численности населения Москвы и области оказалось примерно таким же, как в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, – 8,2 и 4,4% соответственно. При этом суммарный рост численности населения Санкт-Петербурга с областью в сравнении с Москвой и областью был выше – 7,2 и 6,5% соответственно.

Концентрация населения в крупнейших городах неразрывно связана с концентрацией в них и экономической активности, причем очевидно, что это два взаимосвязанных процесса: постоянная подпитка трудовыми ресурсами ведет к экономическому росту, высокий уровень экономического развития продолжает привлекать мигрантов. Доля Москвы в суммарном по субъектам РФ валовом региональном продукте (ВРП) безусловно свидетельствует о концентрации экономической деятельности в столице – доля Москвы в ВРП почти в 2,5 раза превышает ее долю в населении (табл. 1). При этом роль Москвы выше ее роли в населении страны по всем видам экономической деятельности, за исключением несвойственных городам (сельскому и лесному хозяйству, рыболовству, добыче полезных ископаемых). Концентрация экономической деятельности в Санкт-Петербурге уже гораздо слабее, но она все равно значима.

Не менее важно учитывать и то, что роль Москвы в экономике страны не растет. Доля производимого в Москве ВРП в 2015–2016 гг. была, как видим, всего на 0,2 п. п. выше, чем в 2004 году, при этом максимума показатель достиг в 2008 году, а после этого начал постепенно сокращаться. Роль Санкт-Петербурга, напротив, на протяжении последних десяти лет увеличивалась. Это иллюстрирует в общем-то известную закономерность: концентрация экономической активности в крупнейших городах может идти только до определенных пределов, по достижении которых темпы экономического роста в них замедляются.

Налицо также различия в степени сосредоточения в Москве и Санкт-Петербурге разных видов экономической деятельности. Собственно управленческие функции (госу-

Таблица 1. Доля Москвы и Санкт-Петербурга в валовой добавленной стоимости в стране по видам экономической деятельности в 2004–2016 гг. (сумма по субъектам РФ = 100%), %

Год	Валовая добавленная стоимость – всего и по разделам													
	Всего		D (обр. пр-ва)		G (торговля)		J (финансы)		K (услуги)		M (образов.)		N (здравоохран.)	
	Москва	Санкт-Петербург	Москва	Санкт-Петербург	Москва	Санкт-Петербург	Москва	Санкт-Петербург	Москва	Санкт-Петербург	Москва	Санкт-Петербург	Москва	Санкт-Петербург
2004	20,4	3,9	13,1	3,6	43,9	5,7	69,1	4,3	34,9	5,8	11,6	4,3	11,4	4,4
2005	22,9	3,7	15,0	4,2	46,7	4,2	73,0	3,1	40,8	5,0	12,5	5,7	12,3	6,1
2006	23,4	3,7	14,7	4,3	47,7	4,0	72,7	2,8	40,1	4,9	13,3	5,5	13,5	5,9
2007	23,9	4,0	19,0	4,2	43,9	4,5	69,6	3,6	42,9	5,5	14,5	5,6	14,9	5,5
2008	24,3	4,2	17,7	4,6	46,6	4,5	71,1	3,4	43,5	6,5	15,2	5,5	15,5	5,6
2009	22,3	4,6	18,4	6,1	40,2	5,0	46,5	4,8	42,8	6,8	16,3	5,7	16,8	5,7
2010	22,2	4,5	16,1	6,0	42,7	4,4	44,7	6,5	39,3	7,3	17,5	5,9	17,9	6,0
2011	21,9	4,6	15,2	6,2	43,7	4,9	48,0	6,3	37,4	7,4	16,7	5,8	17,8	6,1
2012	21,4	4,6	15,5	6,2	38,6	4,8	48,9	5,7	38,0	7,5	17,0	5,6	18,1	5,8
2013	21,8	4,6	18,8	5,6	39,7	5,2	55,1	4,8	35,9	7,8	15,6	5,6	17,0	6,0
2014	21,6	4,5	15,1	5,4	41,6	5,0	58,2	4,2	36,5	7,3	14,9	5,6	16,5	6,3
2015	20,6	5,2	14,9	5,3	37,4	5,8	55,2	5,5	36,2	9,3	14,3	6,0	16,1	6,9
2016	20,6	5,4	14,4	5,2	34,9	6,4	59,5	5,5	38,6	9,2	14,3	6,4	15,9	7,4

Источник: расчеты автора по данным ЕМИСС Росстата. URL: <http://www.fedstat.ru>

дарственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование) сконцентрированы в Москве не больше, чем экономическая деятельность в целом. Относительно «скромные» позиции у Москвы в образовании и здравоохранении, хотя именно здесь много высших учебных заведений и медицинских организаций федерального значения. Зато налицо доминирование столицы в финансовой деятельности, очень высокая концентрация в ней торгово-посреднической деятельности и других видов услуг. В качестве еще одного примера можно привести данные по внешней торговле российских регионов: в статистике на Москву стабильно приходится больше 40% и экспорта, и импорта страны.

Концентрация финансовой и торгово-посреднической деятельности в Москве наблюдается с начала рыночных преобразований в стране, принципиальным образом роль столицы не изменилась. Вместе с тем налицо происходящая децентрализация экономической активности по отдельным видам услуг, прежде всего по розничной и оптовой торговле. Такую ситуацию вполне можно объяснить как минимум развитием торгово-логистической инфраструктуры за пределами столицы.

Произошло сокращение концентрации в Москве и гостинично-ресторанного бизнеса (растет спрос на эти услуги по всей стране), и финансовой деятельности. Последнее связано с формированием региональных финансовых центров, что, правда, тоже говорит о столичной специфике, но только уже административных центров субъектов РФ [20].

Стабильной остается роль Москвы в валовой добавленной стоимости, производимой по разделу «операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг», а доля Санкт-Петербурга в этом виде деятельности стабильно растет и сейчас уже более чем в 2,5 раза превышает долю города в населении. Этот раздел ВРП обычно мало привлекает к себе внимание исследователей, поскольку в статистике ВРП нет данных по его внутренней структуре, а она на самом деле очень важна. Зато есть данные по отгрузке по этому виду деятельности⁵, которые позволяют оценить степень концентрации в двух столицах разных видов услуг (табл. 2).

⁵ Показатель «отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей) по «хозяйственным» видам деятельности».

Таблица 2. Доля Москвы и Санкт-Петербурга в объеме выполненных работ и услуг по виду деятельности «Операции с недвижимым имуществом, аренда и представление услуг» в 2016 году (сумма по субъектам РФ = 100%), %

Вид экономической деятельности	Москва	Санкт-Петербург
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, всего	43,0	9,5
Операции с недвижимым имуществом, в т. ч.:	26,2	14,1
– сдача внаем собственного недвижимого имущества	32,9	8,6
– предоставление посреднических услуг, связанных с недвижимым имуществом	15,7	19,3
Аренда машин и оборудования без оператора; прокат бытовых изделий и предметов личного пользования	30,8	3,2
Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий	57,8	11,3
Научные исследования и разработки	40,4	10,7
Предоставление прочих видов услуг, в т. ч.:	53,2	5,5
– деятельность в области права, бухгалтерского учета и аудита; консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления предприятием	69,3	4,8
– технические испытания, исследования и сертификация	26,7	5,5
– трудоустройство и подбор персонала	51,4	5,0
– рекламная деятельность	80,4	2,7
– проведение расследований и обеспечение безопасности	17,7	8,1
– чистка и уборка производственных и жилых помещений, оборудования и транспортных средств	9,2	11,7

Источник: расчеты автора по данным ЕМИСС Росстата. URL: <http://www.fedstat.ru>

Москва, как видим, продолжает оставаться ведущим центром науки в стране, вместе с Санкт-Петербургом это больше половины всего объема работ (услуг) по научным исследованиям и разработкам. Важно и то, что вторым после Москвы по значимости регионом является Московская область⁶, доля которой в 2016 году по этому виду деятельности в стране составила 16,8% (что неудивительно с учетом числа расположенных на территории региона городов науки). Иначе говоря, заведомо больше половины всех научных исследований и разработок в стране приходится на столичный (Московский) регион в целом. Аналогичных данных по другим городам-миллионникам, к сожалению, нет, но в разрезе субъектов РФ как минимум десятка регионов-лидеров – это субъекты РФ, центрами которых являются города-миллионники.

Еще больше (по сравнению с научными исследованиями и разработками) концентрация в Москве и Санкт-Петербурге деятельности в сфере ИКТ (в статистике – деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий),

на которые вместе приходится более $\frac{2}{3}$ валовой добавленной стоимости⁷.

Таким образом, приведенные данные подтверждают, что крупнейшие города и прежде всего Москва – это центры концентрации не только финансовых и торгово-посреднических услуг, но и сложных направлений деятельности (научных исследований и разработок, сферы ИКТ), и так называемых рыночных услуг. Причем если концентрация финансово-торгово-посреднической деятельности в Москве имеет тенденцию к снижению, то особых признаков снижения концентрации сложных услуг не наблюдается.

Нет и очевидной тенденции сокращения вклада двух столиц в обрабатывающую промышленность страны. Доли Москвы и Санкт-Петербурга в общероссийском производстве нестабильны, но в Москве показатели середины 2010-х гг. были на уровне показателей середины 2000-х, а в Санкт-Петербурге даже выше. Нестабильность значений показателей по годам может быть связана и с изменением соотношения цен на производимую в городах и за их пределами продукцию, и со структур-

⁶ Санкт-Петербург на третьем месте.

⁷ Роль Московской области в этом виде деятельности незначительна; нет и безоговорочного лидерства субъектов РФ с городами-миллионниками.

ной перестройкой производства непосредственно в городах (но для точного ответа на вопрос о модернизации промышленности нужны дальнейшие исследования).

Федеральная политика как фактор концентрации экономической активности в Москве

Концентрация экономической активности в крупнейших городах, как следует из изложенного в первом разделе статьи, во многом является объективной реальностью. Однако в отношении концентрации экономической, прежде всего финансово-торгово-посреднической, деятельности в Москве российские эксперты единодушно сходятся во мнении, что концентрация названной деятельности в Москве определяется не только традиционным разделением труда между столицей и остальными территориями, но и сугубо российскими особенностями федерального регулирования экономики [21; 22]. Дело не только в том, что в России исторически Москва – и формальная, и экономическая столица (в Москве сосредоточены высшее образование и наука, Москва – центр транспортной системы страны), но и в том, что существуют особенности системы государственного управления, которые вполне могут быть скорректированы. Называются по меньшей мере два фактора.

Первый – чрезмерная концентрация полномочий в руках федеральных властей, принятие важных для бизнеса решений именно на федеральном уровне, что заставляет многие компании иметь штаб-квартиры в Москве. Это актуально для сырьевого сектора экономики (принятие решений по недропользованию федеральными структурами), для банковского сектора (концентрация которого в Москве является максимальной среди всех видов экономической деятельности). В уже цитировавшейся работе показано, как «рост государственного участия в кредитной сфере выразился в концентрации бизнеса в Москве. Существует обоюдная заинтересованность банков и госвласти во взаимодействии для принятия и исполнения решений» [20, с. 39].

Второй фактор чрезмерной концентрации не только экономической активности, но и населения в столичных городах – не вполне справедливое распределение налоговых доходов и отчасти всех бюджетных средств по территории страны. Ситуация с уплатой налога на прибыль (трансфертным ценообразованием, консолидированными группами налогоплательщиков) не совсем простая, поэтому приведем более очевидный пример – по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ). НДФЛ является основным источником налоговых доходов регионов и муниципальных образований⁸, а его специфика в России – уплата налога по месту работы граждан, а не по месту их жительства (как это делается, например, в Германии). При массовых поездках на работу из пригородов в город складывается ситуация, когда НДФЛ попадает в бюджет города, тогда как бремя социально ориентированных расходов ложится в основном на бюджеты по месту жительства граждан.

В части последствий уплаты НДФЛ по месту работы граждан Москва и Санкт-Петербург не сильно отличаются друг от друга. По всей видимости, дело в примерно равной доле мятниковых мигрантов в количестве занятых в Москве и Санкт-Петербурге. Оценки по мятниковой миграции по городам существуют разные: максимальные – до 1,2–1,3 млн человек в Москве и до 0,45 млн человек в Санкт-Петербурге [23; 24] – пропорциональны численности населения городов. Но от других субъектов РФ две столицы заметно отличаются: объемы НДФЛ на душу населения в Москве стабильно выше среднероссийских (в 2,9–3,0 раза), в Санкт-Петербурге – в 1,7–1,8, в 2017 году даже в 1,9 раза, тогда как показатель среднедушевых денежных доходов населения, по данным Росстата, в Москве в последние годы превышает среднероссийский в 1,9–2,1 раза, в Санкт-Петербурге – в 1,2–1,3 раза. По среднемесячной номинальной начисленной заработной плате анало-

⁸ В Москве и Санкт-Петербурге доля НДФЛ в налоговых и неналоговых доходах городских бюджетов составляла в 2016 году 42–43% (по данным Федерального казначейства РФ).

гичные показатели составляют 1,8–1,9 и те же 1,2–1,3 раза соответственно.

Конечно, ситуация с взаимным влиянием Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области не столь уж проста – существует еще пусть и не большой, но обратный поток маятниковых мигрантов, дачная миграция, жизнь на два дома, но все же выгоды от существующей практики для двух столиц очевидны. На самом деле эта же проблема актуальна и для остальных субъектов РФ, только на более низком уровне: поскольку часть НДФЛ зачисляется в местные бюджеты, региональные столицы тоже концентрируют платежи по НДФЛ от жителей, приезжающих на работу в город из пригородов⁹.

Проблемы развития крупнейших городов

Достижение пределов роста крупнейших городов – не единственная проблема их развития, причем в разных странах мира. Одной из известных работ по этой теме является доклад «Мегаполисы: Проблемы развития», представленный на Мировом экономическом форуме в Давосе в 2007 году. Доклад был подготовлен исследовательским подразделением британского журнала «Экономист» на основе социологических опросов [25]. В данном исследовании опрашивались лица, прямо или косвенно связанные с различными аспектами управления крупнейшими мегаполисами мира: выборные депутаты городских парламентов и сотрудники муниципальных исполнительных органов власти, представители частного бизнеса и влияющие на принятие управленческих решений лица (эксперты, ученые, представители неправительственных организаций, публицисты, журналисты и т. п.). В опросе участвовали респонденты из 25 мегаполисов мира, включая Москву. При всем многообразии и специфике мегаполисов

⁹ В России неоднократно поднимался вопрос о необходимости зачисления НДФЛ в бюджеты по месту жительства граждан, однако в силу целого ряда причин (как технических (отсутствие должного качества регистрации налогоплательщиков), так и политических) такое решение не было принято.

мира (разный уровень социально-экономического развития и, соответственно, жизни населения стран, различия в стадиях развития самих мегаполисов) эксперты сделали общий для всех мегаполисов вывод о том, что городское управление стоит перед задачей сбалансированного решения трех основных проблем:

- экономической конкурентоспособности, для обеспечения которой необходимы современная и эффективная инфраструктура (включая транспортную), высокое качество услуг для удовлетворения запросов высококвалифицированных кадров, благоприятная для бизнеса государственная политика;

- защиты окружающей среды;
- качества жизни городского населения, при этом общей для мегаполисов проблемой является значительный уровень дифференциации населения.

В российских научных исследованиях также говорится об экономических (инфраструктурных), экологических, социальных проблемах мегаполисов [26; 27]. Обобщая сложившиеся представления и дополняя их результатами собственного анализа, совокупность проблем крупнейших городов можно представить следующим образом.

В России, в отличие от ряда других стран, города-миллионники однозначно являются самыми благополучными с экономической точки зрения территориями. Даже если они уступают сырьевым территориям по формальным показателям производимого валового продукта или средней заработной платы, они все равно выигрывают в диверсифицированности экономики и, как результат, ее стабильности, для них не характерна, например, обсуждаемая применительно к городам других стран проблема безработицы.

Однако крупнейший российский город – Москва – уже столкнулся с важной экономической проблемой – замедлением темпов роста из-за достижения его пределов. Об этой проблеме российские эксперты заговорили еще как минимум в середине 2000-х гг. [28], однако по формальным показателям динамики ВРП она проявилась позже (табл. 3). С 2007 года индекс физического объема ВРП

Таблица 3. Индексы физического объема валового регионального продукта на душу населения (значение показателя за год), %

Год	Среднее по субъектам РФ	Москва	Санкт-Петербург
2005	108,0	110,5	107,8
2006	108,6	108,8	107,7
2007	108,5	107,0	112,5
2008	105,7	106,7	108,8
2009	92,4	86,4	93,6
2010	104,6	100,3	104,5
2011	105,3	101,8	107,0
2012	102,9	100,1	103,0
2013	101,6	99,9	100,0
2014	99,5	99,3	99,4
2015	99,2	97,0	100,5
2016	100,6	100,3	101,4

Источник: составлено по данным ЕМИСС Росстата. URL: <http://www.fedstat.ru>

в Москве стабильно ниже среднего по российским регионам и по сравнению с Санкт-Петербургом (темпы роста которого за этот же период в большинство лет были выше среднероссийских), хотя численность населения Москвы, как уже говорилось, продолжает стабильно расти. Такая ситуация неизбежно ведет к ухудшению социальных показателей. Так, по данным Росстата, Москва на протяжении многих лет отличалась наименьшим среди всех субъектов РФ уровнем безработицы, тогда как в последние годы стала регулярно уступать Санкт-Петербургу¹⁰.

К сожалению, замедление темпов экономического роста в Москве весьма заметно сказалось на уровне доходов жителей столицы (табл. 4). Если до середины 2000-х годов отношение среднедушевых денежных доходов населения к среднероссийскому их уровню составляло более 3 раз, а с учетом стоимости жизни – более 2 раз, то в дальнейшем показатели стали сокращаться, и в 2016 году даже без учета стоимости жизни доходы населения в Москве менее чем в 2 раза превышали

среднероссийский уровень, а с учетом уровня цен – только на треть. В Санкт-Петербурге ситуация очень нестабильна, но можно говорить как минимум о неухудшении положения.

Вполне логично предположить, что причинами замедления темпов экономического роста в Москве могут являться дефицит свободных пространств для новых предприятий, связанная с этим высокая стоимость земли и недвижимости; высокая стоимость жизни, требующая и более высокой оплаты труда работников, этому же способствует и определенная конкуренция за высококвалифицированные кадры между работодателями; неблагоприятная транспортная ситуация, затрудняющая поставку продукции в рамках технологических цепочек. Возрастает также конкуренция со стороны других территорий, например, нет смысла продолжать некоторые виды деятельности в столице при развитии транспортно-логистической инфраструктуры в регионах. Эти объективные факторы могут дополняться и недостаточно благоприятным предпринимательским климатом (высоким уровнем административных барьеров и т. п.).

Можно также говорить о том, что процесс структурной перестройки экономики крупнейших городов, связанный с замещением в них относительно простых видов деятельности (старой промышленности, торговли) высокотехнологичной, инновационной, далеко не всегда может проходить безболезненно

¹⁰ В 2016 году уровень безработицы в Москве составил 1,8%, в Санкт-Петербурге – 1,6%, тогда как в среднем по России – 5,5% (речь идет о среднем за год показателе, определяемом по данным выборочных обследований населения). Аналогичная ситуация и с уровнем зарегистрированной безработицы (данные Федеральной службы по труду и занятости). На конец 2016 года этот показатель в Москве составлял 0,5%, в Санкт-Петербурге – 0,4%, в среднем по России – 1,2%.

Таблица 4. Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг и денежные доходы населения в Москве и Санкт-Петербурге в сравнении со среднероссийскими

Год	Отношение среднедушевых денежных доходов населения в городе к среднему по РФ, раз (1)		Отношение стоимости набора в городе к среднему по РФ, раз (2)		(1) к (2), раз	
	Москва	Санкт-Петербург	Москва	Санкт-Петербург	Москва	Санкт-Петербург
2002	3,16	1,14	1,54	1,09	2,05	1,05
2003	3,25	1,33	1,54	1,08	2,11	1,22
2004	3,26	1,43	1,53	1,07	2,13	1,33
2005	2,97	1,52	1,48	1,06	2,00	1,43
2006	2,78	1,35	1,47	1,05	1,89	1,29
2007	2,66	1,29	1,45	1,06	1,83	1,22
2008	2,15	1,14	1,41	1,07	1,52	1,06
2009	2,37	1,28	1,40	1,06	1,70	1,20
2010	2,32	1,31	1,42	1,05	1,64	1,25
2011	2,28	1,25	1,41	1,06	1,62	1,19
2012	2,11	1,20	1,42	1,06	1,48	1,13
2013	2,12	1,21	1,44	1,06	1,47	1,15
2014	1,96	1,25	1,41	1,06	1,39	1,18
2015	1,97	1,31	1,44	1,08	1,36	1,21
2016	1,93	1,34	1,45	1,09	1,33	1,22

Источник: расчеты автора по данным ЕМИСС Росстата. URL: <http://www.fedstat.ru>

для города (и это показывает в т. ч. и зарубежный опыт). Создание условий для подобной структурной перестройки – в любом случае вызов для управляющих городским развитием властей. Необходимы грамотная политика территориального планирования (создания условий для реновации старых производственных площадей), поддержки инновационных производств, создания благоприятного инвестиционного климата в целом и т. д.

Вообще недостаточно высокое качество управления крупнейшим городом можно обозначить в качестве самостоятельной проблемы, но, в отличие от всех остальных, необязательно ему свойственной. Причем среди особенностей городов-миллионников можно назвать как те, которые способствуют повышению качества управления, так и те, которые ведут к его снижению. Так, повышению качества управления должны способствовать в целом более высокие качество человеческого капитала и уровень квалификации кадров. Вместе с тем высокий уровень конкуренции среди предпринимателей за свободные площади, дефицит инфраструктурных мощно-

стей могут способствовать росту коррупции или как минимум увеличению административных барьеров.

Как видно из таблицы 4, стоимость жизни в Москве по отношению к среднему по России уровню за рассматриваемый период немного сократилась, но в целом остается со значением почти в 1,5 раза выше. По разным группам товаров и услуг ситуация, конечно, отличается, но особенно контраст заметен в ценах на рынке жилья. На вторичном рынке в 2016 году цена квадратного метра в Москве была в 3,4 раза выше средней по стране, в Санкт-Петербурге – в 1,7 раза выше (на первичном рынке – в 2,9 и 1,8 раза соответственно, но важно помнить, что первичный рынок жилья в Москве во многом связан с «новой» Москвой, где цены априори ниже из-за транспортной удаленности; хотя сам факт повышения доступности жилья за счет появления новых районов массовой жилой застройки стоит оценивать положительно). Как результат, на средний годовой доход населения в среднем по стране на вторичном рынке жилья можно было купить 6,8 кв. м жилья, в Санкт-Петербурге – 5,5 кв. м, а в Москве – только

Таблица 5. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года), кв. м

Год	Среднее по субъектам РФ	Москва	Санкт-Петербург
2005	20,8	18,5	21,3
2010	22,6	18,7	23,0
2011	23,0	18,7	23,3
2012	23,4	19,3	23,8
2013	23,4	19,2	23,3
2014	23,7	19,2	21,4
2015	24,4	19,1	23,6
2016	24,9	19,1	24,3

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

3,9 кв. м (на первичном рынке – 6,9 кв. м, 5,1 кв. м и 4,6 кв. м соответственно)¹¹.

Результат такой ситуации с ценами на жилье – еще одна проблема, связанная с ростом численности населения городов, – жилищная. Правда, проявляется она со всей очевидностью в Москве, что еще раз иллюстрирует достижение этим крупнейшим российским городом пределов своего роста. Обеспеченность жильем в Москве (табл. 5) остается на одном из самых низких уровней в стране (хуже ситуация только в Крыму, Севастополе и некоторых республиках Северного Кавказа) и при этом не растет. Хотя, конечно, качество жилого фонда в Москве лучше, чем в целом по стране, но такое же, как в Санкт-Петербурге (в обоих городах удельный вес ветхого и аварийного жилого фонда в 2016 году составлял 0,1% при среднем по стране в 2,4%; при этом в столицах весь этот жилой фонд был ветхим, но не аварийным, тогда как в целом по стране на аварийный жилищный фонд приходилось 0,6%, соответственно, ветхий – 1,8%).

Важно также помнить и о высоком уровне расслоения населения по уровню доходов. По данным Росстата, в 2016 году по коэффициенту Джини Москва (0,421) уступала только газодобывающему Ямалу, высокое значение показателя было характерно и для Санкт-Петербурга (0,414). Наглядно иллюстрируют проблему и показатели соотношения среднемесячной начисленной заработной платы и среднего размера назначенных пенсий с величинами прожиточного минимума по соответствующим социально-экономическим

группам (трудоспособное население и пенсионеры). На конец 2016 года в среднем по России эти показатели составляли 380,5 и 217,8% соответственно, в то время как в Москве – 452,2 и 172,2%, в Санкт-Петербурге – 465,6 и 226,2%. Иначе говоря, положение пенсионеров в Москве было хуже, чем в стране в целом: превышение размера пенсии над размером прожиточного минимума пенсионеров в Москве составляло только 1,7 раза, тогда как в среднем по регионам – почти 2,2 раза. При этом в целом высокий уровень экономического развития приводит к сохранению в крупнейших городах относительно невысокой доли населения с доходами ниже прожиточного минимума: в Москве этот показатель в 2016 году составил 8,9 против 13,4% в среднем по субъектам РФ. Но и по этому параметру ситуация в Санкт-Петербурге оказалась лучше (8,0%).

Но дифференциация доходов населения неизбежна и в рамках коммерческого сектора: появление высокооплачиваемых рабочих мест для высококвалифицированных кадров не отменяет спроса на низкоквалифицированные (низкооплачиваемые) рабочие места, в т. ч. в торговле, гостинично-ресторанном бизнесе, коммунальном хозяйстве (дворники, уборщицы, горничные, посудомойки, кассиры и т. п.). Конечно, некоторая автоматизация и повышение производительности труда возможны и в этих секторах, однако в весьма ограниченных масштабах. Из этого вытекает еще одна проблема крупнейших городов – отсутствие спроса на низкооплачиваемые рабочие места со стороны местных жите-

¹¹ Расчеты автора по данным Росстата.

лей и необходимость его удовлетворения за счет мигрантов, причем не всегда российских граждан.

Являющиеся носителями другого языка и культуры по отношению к местным жителям мигранты в городах – это особый пласт проблем для многих городов мира, приток таких мигрантов чреват как минимум ростом социальной напряженности. С притоком мигрантов, как и с социальным расслоением населения, в крупнейших городах связывается еще одна проблема – риск ухудшения криминальной обстановки.

Даже если оставить за скобками проблему национального состава мигрантов, сам по себе рост численности населения городов, происходящий прежде всего именно за счет миграции, ведет к возникновению целого ряда проблем. Важнейшая – ухудшение транспортной ситуации. Острота транспортных проблем во многом зависит от своевременности и эффективности предпринимаемых властями усилий по развитию транспортно-дорожной инфраструктуры: строительство необходимых городу автомобильных дорог, парковок, регулирование движения, развитие общественного транспорта. При этом разрастание города требует все более сложных и дорогостоящих решений, в т. ч. развития скоростного транспорта, а в каких-то случаях и не особо популярных среди населения. Но даже скоростной транспорт не решает проблему растущей удаленности рабочих мест и мест проживания. Это, в свою очередь, ведет к нескольким проблемам. Во-первых, снижается качество жизни населения – долгая дорога до работы негативно сказывается на здоровье. Во-вторых, отчасти теряется одно из главных преимуществ крупнейших городов – многообразие рабочих мест, поскольку чрезмерная удаленность работы от места проживания, как показывает опыт, является одним из факторов (пусть и не главных) отказа от такой работы¹².

С ростом численности населения городов увеличивается и нагрузка на все остальные виды инженерной инфраструктуры: энергетическую, водоснабжения, водоотведения. Своевременно заниматься их развитием тоже необходимо, несмотря на то, что уровень проблем здесь и не такой, как в транспортной инфраструктуре.

Высокая концентрация большого числа жителей на ограниченной территории крупнейших городов неизбежно приводит к появлению целого ряда экологических проблем, хотя их острота, как и большинства других проблем, тоже зависит от качества управления, прежде всего, от опоры на современные экологически чистые технологии. Однако в любом случае имеют место проблемы загрязнения воздуха и водных ресурсов, утилизации отходов, повышенного шума, сокращения площади зеленых насаждений. Как показывает опыт Москвы, даже при сохранении в черте города парков и лесопарков, уплотнение жилищной застройки, переход к более высотному строительству все равно приводят к сокращению зеленых насаждений.

Выводы

Таким образом, как было показано выше, крупнейшие российские города – Москва и Санкт-Петербург – отличаются значительной концентрацией экономической активности в стране, причем на основе детализированных данных по структуре экономики городов нами были выявлены их доминирование в сложных услугах и потеря роли в простых услугах. Это подтверждает особую роль ключевых городов в экономике страны как центров инноваций и одновременно делает несправедливыми подчас появляющиеся утверждения о том, что при размещении предприятий все меньше учитываются особенности территорий, просто на первый план вышли другие особенности (связанные с качеством человеческого капитала и

¹² Это показал, например, проведенный Исследовательским центром портала Superjob опрос (среди 1600 представителей экономически активного населения страны) о причинах отказа соискателей работодателям после успешно пройденного собеседования. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/111753/rejting-prichin-otkaza-robotodatelyam> (дата обращения 25.04.2018).

наличием креативного класса, инновационным потенциалом в целом). Иначе говоря, в размещении сложных видов деятельности сохраняется значимость пространственного фактора.

Выявленные закономерности неизбежно придется учитывать и в федеральной политике регионального развития: основными центрами инноваций будут крупнейшие города, и это потребует поиска баланса между созданием условий для динамичного развития самих городов и территорий за их пределами (точнее, пределами их агломераций).

Сложившаяся концентрация экономической активности в крупнейших городах страны – во многом результат их объективных преимуществ. Вместе с тем в России это усугубляется особенностями федеральной политики – чрезмерной централизацией управленческих решений, особенностями распределения бюджетных ресурсов. Поэтому, на наш взгляд, задача федеральных властей – использовать потенциал развития городов, но не создавать

искусственно условий для гипертрофированного роста столичных агломераций.

Москва и Санкт-Петербург отличаются продолжающейся концентрацией в них населения страны. А тенденции концентрации экономической активности в двух городах нами были выявлены разнонаправленные: Санкт-Петербург продолжает наращивать свою роль в экономике страны, тогда как Москва – теряет. Это проявляется и в замедлении темпов экономического роста в столице, и в относительном снижении уровня жизни населения. В Москве налицо и другие проблемы, включая жилищную. Это ставит перед системой государственного управления очень сложные задачи: с одной стороны, необходимо создавать условия для деконцентрации экономической активности и создания точек роста за пределами столицы, с другой стороны, необходимо способствовать решению ее проблем (в т. ч. ради сохранения условий для экономического роста там, где для этого есть объективные предпосылки).

ЛИТЕРАТУРА

1. Швецов А.Н. Поляризация урбанистического пространства: особенности российского процесса в контексте мировых тенденций // Регионалистика. 2017. № 5. С. 20–34. DOI: 10.14530/reg.2017.5
2. Кузнецова О. Теоретические основы государственного регулирования экономического развития регионов // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 46–66.
3. Fujita M., Krugman P., Venables F.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. Cambridge: The MIT Press, 2000. 367 p.
4. *Reshaping Economic Geography. World Development Report 2009*. The World Bank, 2009. 410 p.
5. Растворцева С.Н. Управление развитием процессов концентрации экономической активности в регионе: подходы новой экономической географии. М.: Экон-информ, 2013. 131 с.
6. Гладкий А.В. Сущность агломерационного эффекта территории и его влияние на прибыльность регионального развития предприятий // Региональные исследования. 2014. № 2. С. 10–14.
7. Гоффе Н.В. Мегалополисы – инкубаторы инноваций // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 3. С. 46–59.
8. Жук Н.П. Взаимодействие как фактор инновационного развития: агломерационные эффекты // Инновации. 2014. № 1. С. 32–43.
9. Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5–19.
10. *Regional Problems and Policies in Latin America*. Ed. by Juan R. Cuadrado-Roura, P. Aroca. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2013. 569 p.
11. Brülhart M., Sbergami F. Agglomeration and growth: cross-country evidence. *Journal of Urban Economics*, 2009, no. 65, pp. 48–63. DOI:10.1016/j.jue.2008.08.003
12. Лексин В.Н. Города власти: административные центры России // Мир России. 2009. № 1. С. 3–33.

13. Власова Н.Ю. Новые и старые функции крупнейших городов России (эволюция или революция?) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 88–92.
14. *Industrial Development Report 2013. Sustaining Employment Growth: The Role of Manufacturing and Structural Change*. UNIDO: Vienna, 2013. 246 p.
15. *Urbanization and Development: Emerging Futures. World Cities Report 2016*. UN-Habitat: Nairobi, 2016. 262 p.
16. Black D., Henderson V. A Theory of Urban Growth. *Journal of Political Economy*, 1999, vol. 107, no. 2, pp. 252–284.
17. Duranton G., Pugo D. *The Growth of Cities*. OECD, 2013. 67 p.
18. Findeisen S., Suedekum J. *Industry Churning and the Evolution of Cities: Evidence for Germany*. Bonn, 2007. 25 p.
19. Анимица Е.Г. Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов // *Ars administrandi* (Искусство управления). 2013. № 1. С. 82–96.
20. Агеева С.Д., Мишура А.В. Региональная неравномерность развития банковских институтов // *Регион: экономика и социология*. 2016. № 1. С. 34–61. DOI: 10.15372/REG20160102
21. Гладкий Ю.Н. Роль ренты столичного статуса в усилении межрегионального неравенства // *Вестник Забайк. гос. ун-та*. 2014. № 10. С. 106–115.
22. Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // *Pro et contra*. 2012. № 6 (57). С. 6–18.
23. Бугаев М.А. Маятниковые миграции на рынке труда Санкт-Петербурга и Ленинградской области // *Вестник Санкт-Петерб. ун-та*. Сер. 5. 2015. Вып. 4. С. 86–116.
24. Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // *Региональные исследования*. 2015. № 1. С. 117–125.
25. Мегалополисы: развитие в условиях глобализации: сб. обзоров и рефератов. М.: ИНИОН РАН, 2008. 178 с.
26. Гоффе Н.В. Социальные проблемы в экономическом пространстве мегалополиса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 10. С. 62–72.
27. Папенков К.В., Никоноров С.М., Земскова О.В. Социо-эколого-экономические проблемы крупных мегалополисов // *Проблемы прогнозирования*. 2015. № 5. С. 119–126.
28. Балацкий Е.В., Гусев А.Б., Саакянц К.М. Пределы роста мегалополисов // *Пространственная экономика*. 2006. № 4. С. 34–58.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецова Ольга Владимировна – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник. Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук. Россия, 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 9. E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru. Тел.: +7(916) 225-64-57.

Kuznetsova O.V.

CONCENTRATION OF ECONOMIC ACTIVITY IN MOSCOW AND SAINT PETERSBURG: TRENDS, FACTORS, IMPLICATIONS FOR THE CITIES

The discussion of the strategy for spatial development of the Russian Federation has intensified the discussion about the role of the largest cities in the spatial development of the country, because despite the deep elaboration of the problem, there remain some issues that need to be discussed (on the limits of urban growth, their role in the development of industry, etc.). The article uses the data of the Unified Inter-Agency Information and Statistics System (EMISS) to analyze the scale and dynamics of population concentration and economic activity in the two largest Russian cities – Moscow and Saint Petersburg (for the first time special attention is paid to the complex types of services – the structure

of production by type of economic activity “real estate transactions, rent and provision of services”), the drivers of such concentration and its implications for the socio-economic development of the cities. On the basis of the analysis, it is revealed that the key cities preserve their dominant role in the country’s economy as centers of innovation (primarily centers of complex services) and become less important in simple services due to the decentralization of the latter, and due to the fact that the cities preserve their industrial functions. It is shown that the concentration of economic activity in the largest cities of the country is mainly the result of their objective advantages, but in Russia it is aggravated by the specific features of the federal policy. It is revealed that with the continuing concentration of the population in Moscow and Saint Petersburg, the trends of concentration of economic activity in them are multidirectional: Saint Petersburg continues to increase its role in the country’s economy, and Moscow is losing it. Other problems of socio-economic development of the capital city are also shown: the slowdown in economic growth, the deterioration of the situation with the monetary incomes of the population, a significant stratification of the population by income, and reduced availability of housing. This situation is a challenge for the federal regional policy and requires the creation of conditions that would promote the emergence of comparable points of economic growth for the population outside the capital city and at the same time for solving the problems of Moscow itself, aimed at maintaining its sustainable socio-economic development, primarily for the use of its innovation potential.

Agglomeration effect, concentration of population and economic activity, federal policy, innovation, economic growth, living standards.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsova Olga Vladimirovna – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher. Federal Research Center “Informatics and Management” of the Russian Academy of Sciences. 9, 60-Letiya Oktyabrya Avenue, Moscow, 117312, Russian Federation. E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru. Phone: +7(916) 225-64-57.

НЕСЫРЬЕВОЙ ЭКСПОРТ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

ЯКУШЕВ НИКОЛАЙ ОЛЕГОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: nilrus@yandex.ru

В последнее время значительно возрастает актуальность задач, связанных с повышением экономической устойчивости регионов, увеличением валового регионального продукта, расширением бюджетных доходов территорий. Развитие несырьевых производств и увеличение их удельного веса в поставках на мировые рынки в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры относятся к приоритетным задачам, стоящим как на национальном, так и на региональном уровне. В отсутствие развития экспорта сложной продукции высокотехнологических отраслей промышленности невозможны ее полноценная интеграция в мировое экономическое пространство и эффективное развитие страны и ее территорий, а значит, и выполнение стратегических задач по форсированным темпам роста экономики. В статье представлены результаты исследования классификации экспорта Союзного государства. Изучена и обоснована роль экспорта с высокой добавленной стоимостью в экономическом развитии. Проанализированы ключевые характеристики экспортной деятельности сегмента продукции в мировых поставках. Представлены тренды экспорта продукции в общемировом сравнении в доле поставок отраслей обрабатывающей промышленности. Рассмотрена структура несырьевого экспорта Союзного государства. Показано состояние экспортной специализации с разбивкой по видам продукции несырьевой направленности. Проведен анализ структуры российского экспорта продукции. Представлена спецификация несырьевого экспорта с зарубежными странами по объектам сделок и географии поставок по группам стран. Рассмотрены ведущие потенциальные партнеры в экспорте продукции с высокой до-

Цитата: Якушев Н.О. Несырьевой экспорт Союзного государства как фактор экономического развития территории России и Беларуси // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 41–54. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.3

Citation: Yakushev N.O. Non-resource exports of the Union State as a factor in the economic development of the territory of Russia and Belarus. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 5 (97), pp. 41–54. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.3

бавленной стоимостью. Приводится анализ состояния экспортной деятельности в секторе технологической продукции среди основных субъектов Российской Федерации по стоимостному объему поставок на мировой рынок. Выделены и детализированы перспективные точки роста экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью регионов с интеграцией внешнеторговых рынков и возможными направлениями. В заключение делаются выводы относительно определения ключевых инструментов развития доли товаров технологического экспорта в Союзном государстве.

Экспорт, несырьевой экспорт, продукция, мировой рынок, сырье, развитие, регион.

В настоящее время значительно возрастает актуальность задач, связанных с повышением экономической устойчивости регионов, увеличением валового регионального продукта, расширением бюджетных доходов территорий. Одним из важных, но не используемых в полной мере ресурсов экономического развития территорий является их экспортная деятельность, и в особенности несырьевой экспорт. В то же время развитие несырьевых производств и увеличение их удельного веса в поставках на мировые рынки в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры относятся к приоритетным задачам, стоящим на национальном и региональном уровне.

Еще большую актуальность вопросы развития несырьевого экспорта, а также реализации политики импортозамещения приобретают в свете последних международных событий, применения санкций со стороны ведущих экономик мира к России. Именно в условиях жесточайшей конкуренции и внешних ограничений должны быть активизированы экспортные возможности, в том числе за счет формирования альянсов.

Модель «стратегических альянсов» может стать важным инструментом экономического развития страны и регионов. Президент РФ также отмечает, что в стране необходимо создать механизм продвижения на внешние рынки продукции и содействовать экспорту в регионах¹.

Для достижения поставленных задач необходимо стимулировать и вовлекать успешные и конкурентоспособные предприятия (особенно имеющие инновационные и высо-

котехнологичные продукты/услуги) в сферу экспортной деятельности, способствовать реализации их экспортных возможностей, повышать квалификацию и уровень знаний сотрудников в сфере внешнеэкономической деятельности, содействовать в поиске деловых партнеров и проведении маркетинговых исследований, разработке и реализации экспортной стратегии [1]. Одной из таких площадок для реализации может стать развитие экономического пространства в рамках построения Союзного Государства России и Беларуси. При этом поддержка и содействие со стороны государства должны оказываться в интересах всех отраслей в целом, а не отдельных предприятий, которые имеют значимый экономический потенциал и могут внести существенный вклад в развитие экономики региона.

В связи с этим основной целью является выявление ключевых проблем, оказывающих влияние на развитие экспортной деятельности в рамках построения Союзного Государства России и Беларуси. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать теоретические аспекты экспорта; уточнить содержание категории технологический экспорт; проанализировать состояние экспорта несырьевых товаров Союзного государства; определить ключевые особенности в формировании несырьевого экспорта; выделить направления развития в поставках на зарубежные рынки продукции с высокой добавленной стоимостью и разработать ключевые инструменты адаптации модели «союзного» несырьевого экспорта.

За период с 2007 по 2016 год объемы экспорта в мире увеличились на 19,7% (табл. 1).

¹ Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53333>

Таблица 1. Индекс физического объема экспорта товаров и услуг, % к предыдущему году

Страна	Год										2016 год к 2007 году, %
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
БРИКС	122,6	118,7	81,3	130,3	124,9	104,9	105,4	102,9	90,9	122,6	148,9
Индия	126,6	114,2	94,8	137,1	119,5	100,2	105,3	99,2	89,9	103,1	172,0
Бразилия	116,9	123,3	78,8	131,1	126,5	96,2	99,7	94,0	86,0	96,5	120,5
ЮАР	117,4	109,4	80,9	130,0	118,1	92,9	96,1	96,7	88,0	92,7	95,8
Китай	124,8	115,3	84,5	128,7	125,2	108,4	108,2	107,2	96,3	90,5	172,3
Еврозона	118,7	110,7	80,1	109,5	115,7	96,7	105,0	103,6	89,1	101,3	106,7
США	112,8	110,7	86,2	116,7	113,7	104,4	103,6	104,3	95,3	95,3	136
Япония	109,8	111,1	74,6	130,9	107,2	98,2	90,9	103,7	90,9	90,9	97,9
ЕАЭС	118,8	134,2	65,6	130,2	131,7	103,6	98,9	94,5	69,4	84,8	86,1
Армения	118,4	99,3	76,3	144,1	124,9	121,5	107,7	105,1	94,6	111,4	197,9
Вьетнам	121,5	127,7	95,7	125,0	128,9	115,9	114,8	112,4	107,8	109,3	347,5
Беларусь	124,3	134,2	67,2	118,2	164,8	106,8	85,1	98,3	75,6	90,8	107,7
Россия	117,4	132,6	65,7	130,4	128,8	103,5	100,0	94,0	70,1	84,3	84,2
Казахстан	125,2	147,5	63,3	135,8	136,6	102,5	99,6	95,3	60,4	83,0	84,4
Киргизия	170,2	136,8	93,2	96,3	136,8	86,8	105,7	90,2	89,0	89,0	123,7
Мир	116,2	113,8	80,6	119,2	118,7	101,5	103,0	101,9	89,1	97,2	119,7

Составлено по: World Development Indicators – World Bank Group. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=NE.EXP.GNFS.CD&country>

Среди анализируемых стран наибольшее увеличение зафиксировано во Вьетнаме – в 3,5 раза. Также положительная динамика наблюдается в США, Евроне, в ряде стран группы БРИКС (Индия, Бразилия, Китай), за исключением Южной Африки, где отмечается сокращение объемов экспорта на 4,2%. Незначительное снижение наблюдается в Японии – на 2,1%. В государствах – участниках ЕАЭС в Армении, Беларуси и Киргизии отмечается рост, а в России и Казахстане – снижение, что также в целом отражает тренд по международной организации региональной экономической интеграции.

На сегодня несырьевой экспорт в развитых и развивающихся странах в общем объеме вывозимых товаров и услуг составляет наибольшую долю и является одной из точек экономического развития территорий и эффективной экспортной политики.

По данным статистики, доля несырьевого экспорта России в общих объемах поставок составляет 34% (2016 год). Для сравнения, в Германии – 83%, Японии – 70%, США – 62%, Великобритании – 48%, Китае – 94%, Респу-

блике Кореи – 60%, Малайзии – 41%². При этом к несырьевому экспорту в данных странах относятся продукция машиностроения и товары высоких переделов обрабатывающей промышленности. В то же время в России в несырьевом экспорте основную группу составляют товары обрабатывающей промышленности низкой степени переработки с незначительной долей продукции высокой добавленной стоимости. Так, например, доля продукции машиностроения в несырьевом экспорте России в 2015 году при общих объемах всех поставок на внешние рынки в 7,9% составляет только 13,4%³.

В 2016 году основными товарными позициями Российской Федерации в поставках на международные рынки являются сырьевая группа – 38,3% (сырая нефть – 26,1%, газ природный – 12,2%), товары низкой степени переработки – 33,9% (топливно-энергетические товары – 26,2%), которые составляют в 2016 году в общенациональных объемах экспорта 72,2%⁴. В то же время поставки продукции машиностроения (ключевые точки роста несырьевого экспорта в построении

² Показатели мирового развития Всемирного банка. URL: <http://data.worldbank.org>

³ Там же.

⁴ Таможенная статистика Федеральной таможенной службы РФ. URL: www.customs.ru

цепочек добавленной стоимости) на зарубежные рынки составляют 7,4%⁵. Из чего следует, что международной специализацией России является сырье и товары низкой степени переработки, что в результате дает эффект получения краткосрочной выгоды и не способствует экономическому развитию в долгосрочной перспективе. Поэтому особое внимание следует уделить именно этому компоненту экспортной деятельности.

Существуют обстоятельства, характеризующие отрицательные стороны сырьевого экспорта.

1. Концентрация на производстве сырьевых товаров может помешать экономическому росту территорий (согласно теории сравнительных преимуществ, сформулированной Д. Рикардо (экономическая модель)). Теория сравнительного преимущества показывает, что страна, специализирующаяся на производстве определенного продукта, может предложить его на зарубежном рынке. При этом экономически эффективным это будет до тех пор, пока затраты на производство единицы экспортируемого товара внутри страны будут ниже, чем за рубежом. Кроме того, согласно модели Д. Рикардо, уровень благосостояния страны зависит и от условий внешней торговли. Так, например, если условия внешней торговли ухудшаются, то уровень благосостояния территории, осуществляющей экспорт, снижается. Изменение условий внешней торговли также влияет и на национальную безопасность страны, вызывая снижение конкурентоспособности ее экономики. Если страна специализируется на экспорте сырья, изменение конъюнктуры внешней торговли менее устойчиво к внешним шокам, вызванным колебаниями мировых цен, и дальнейшей зависимости от них, что позволяет получить только краткосрочный эффект и не способствует экономическому росту территории в долгосрочной перспективе [2; 3].

2. Торговля может привести к меньшему равенству (на основе анализа работ Э. Хекшера «Влияние внешней торговли на распределе-

ние дохода» и Теория международной торговли Хекшера-Олина). Торговля изменяет распределение дохода в пользу тех факторов производства, которые интенсивно используются в экспортном секторе. При этом страны, производящие трудоемкие и сложные изделия, имеют примерно одинаковую производительность и квалификацию труда, а также степень риска при экспорте на зарубежном рынке. Из этого следует, что экспорт товаров с высокой добавленной стоимостью имеет большее распространение и распределение на мировой арене, чем экспорт сырья [4; 5].

3. Низкая эластичность спроса на сырьевые товары (на основе работ А. Маршала, основоположника неоклассического направления в экономической науке, и Е.Е. Слуцкого – «уравнение Слуцкого»). По мере роста доходов в мире все меньшая доля этих доходов расходуется на сырьевые товары. В случае с сырьем, когда доходы людей растут, они склонны покупать все больше и больше дорогих товаров. Дополнительная стоимость этих товаров, однако, возникает не из дополнительного количества материалов, которое они могут содержать, а из их более высокой сложности [6; 7].

4. Технологические изменения (на основе исследования С.Л. Брю, В. Кошла, К. Кетельс, академика С.Ю. Глазьева и др.). Синтетические заменители во многих случаях заместили сырьевые товары при производстве товаров длительного пользования, промышленного оборудования. Процесс миниатюризации (микрочипы вместо целых машины) означал, что требуется все меньше и меньше сырьевых товаров для производства любого заданного объема продукции [8; 9; 10].

Ведущие российские ученые-экономисты говорят о том, что зависимость национальной экономики от мировых цен на нефть – это губительный путь для России, который может «загнать ее в тупик». Так, например, А.И. Татаркин и А.А. Куклин считают, что основные причины кризисных явлений, происходящих в России, также в большой степени связаны с наличием сырьевого сектора как в ВВП страны, так и в первую очередь в экспорте [11]. В.Е. Селиверстов также утверждает, что «то-

⁵ Показатели мирового развития Всемирного банка. URL: <http://data.worldbank.org>

пливно-сырьевая» модель экономического роста не предполагает дальнейшего эффективного развития экономики России и не способствует реализации инновационных приоритетов [12].

Одновременно с этим С.Ю. Глазьев в своем докладе «О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития» также подчеркивает, что зависимость российской экономики в экспорте от нефтяных цен несовместима с поступательным развитием экономики, обеспечивающим устойчивый рост [13].

В работе Л.И. Абалкина «Логика экономического роста» приводится характерное описание опасности сырьевой направленности, которая обратит страну в сырьевой придаток для обрабатывающих отраслей развитых стран [14]. Говоря о роли государства, стоит вспомнить труды зарубежных авторов. В исследованиях Майкла Портера государству отводится особая роль относительно степени устойчивости страны на внешних рынках [15]. В связи с этим очень важно четко формулировать приоритеты экспортной политики государства. Из этого следует, что российский несырьевой экспорт состоит в большей степени из ассортимента простых изделий и товаров, близких к сырьевым. Очевидно, что это не позволит получить долгосрочного экономического эффекта для территории и стратегического видения в целом [16].

Роль государственного управления и регулирования должна являться основополагающим базисом в развитии и наращивании несырьевого экспорта для обеспечения экономического роста в долгосрочной перспективе [17; 18]. Так, основу экономического роста, согласно теории Райнета, должно составлять сочетание технического прогресса и возрастающей отдачи [19].

Развитие технологической конъюнктуры мирового экспорта и включенность стран в высокотехнологичные рынки опираются на долгосрочную выгоду. Так, одним из показателей оценки конкурентоспособности на экспортном рынке технологической продукции

гражданского назначения выступает показатель доли высокотехнологичного экспорта в мире [20]. Страны, развивая свою экспортную специализацию, могут повышать производительность имеющихся ресурсов и таким образом увеличивать объем производимой технологической продукции, формируя длинные цепочки стоимости. При этом под технологическим экспортом стоит понимать не только аналитические группы товаров гражданского назначения, но и саму систему взаимосвязанности построения длинных цепочек стоимости, базирующуюся на модели «стратегических альянсов» [21].

В Российской Федерации ключевую роль государственного альянса в экспорте выполняет группа РЭЦ. Миссией группы является поддержка и развитие несырьевого экспорта через участие в государственной политике и создание единого эффективного института развития⁶. Согласно аналитическому отчету группы РЭЦ за 2016 год, специфику несырьевого экспорта составляет в большей степени продукция низших переделов – 54,4%, а технологическая продукция с высокой добавленной стоимостью – только 29,5%⁷.

Таким образом, при традиционном подходе к оценке несырьевого экспорта в России складывается ситуация с преобладанием продукции в основном низких, а также, в чуть меньшей степени, средних переделов топливно-энергетического комплекса и металлургической промышленности. Это, в свою очередь, говорит о получении только краткосрочной выгоды и невозможности должного экономического эффекта в долгосрочной перспективе.

С нашей точки зрения, несырьевой товарный экспорт – это в первую очередь экспорт деталей и комплектующих для восходящих глобальных цепочек добавленной стоимости (процесс создания определенной сложной продукции в целях достижения глобальной цели – выход на новые и формирующие рынки) [22].

⁶ Стратегические перспективы. URL: <https://www.exportcenter.ru/company/perspective>

⁷ Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. URL: https://www.exportcenter.ru/international_markets/classification

Развитие несырьевого экспорта Союзного государства может стать одной из составляющих, оказывающих существенное влияние на внешнеэкономическую конъюнктуру рынка стран и экономическое развитие территорий.

Нами были проведены расчеты на основе авторского подхода, который заключается в выделении товарных групп экспорта на основе таможенной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС, полученные данные сопоставлены с результатами расчетов в рамках стран Союзного государства (табл. 2)⁸. Главным критерием для отнесения товара к сырью или несырью является степень возрастающих видов экономической деятельности в мировом экспортном рынке с учетом международной специализации страны. Так, основные товарные позиции несырьевого экспорта Союзного государства в поставках на внешние рынки формируются из продукции машиностроительной отрасли, химической и деревообрабатывающей промышленности. При этом несырьевой экспорт Союзного государства в общих объемах всех поставок в 2016 году составил 11,1%. В целом за 15 лет несырьевой экспорт увеличился в 2,4 раза. Потенциально рост его был обеспечен за счет большего числа поставок на мировой рынок по всем товарным группам. Среди наиболее крупных возросших товарных позиций можно выделить продукцию машиностроения – на 211,5% с потенциально суммарным вкладом России в союзный экспорт величиной в 79,1% и Беларуси – 20,9%⁹. В территориальном рассмотрении обеих стран наибольшую долю в экспорте машиностроения имеют г. Минск (28,1%), Минская (19,3%), Брестская (17,7%) области, г. Санкт-

Петербург (9,2%), Свердловская (7,5%), Московская (5,4%), Новосибирская (4,1%), Ярославская (1,3%), Калужская (1,1%) области¹⁰.

Ко второй группе относятся поставки продукции химической промышленности, рост которых составляет 130,5%. Наибольшая доля химической продукции в региональном экспорте отмечается в Могилевской (29%), Гродненской (23,8%) областях, Пермском крае (12,3%), Самарской (5,3%), Ленинградской (4,6%), Тульской (3,8%), Новгородской (2,9%) областях.

Товары деревообработки и продукция бумажной промышленности занимают в структуре несырьевого экспорта Союзного государства третье место с долей 9,9% с увеличением объемов вывоза на 120%. Ключевыми экспортерами являются Иркутская область (22,8%), г. Санкт-Петербург (7,5%), Архангельская область (7,1%), Хабаровский край (6,0%), Ленинградская (5,2%), Республика Карелия (3,7%), Вологодская область (3,3%), также входит во второй круг товаров Гродненская область (13%).

Значимую величину в несырьевом союзном экспорте также составляют готовые продукты пищевой промышленности с долей 8,7%, что подтверждает и положительная динамика роста на 168,6%. В этом случае основными региональными игроками выступают Гродненская (35,4%), Витебская (22,3%), Гомельская (13,7%), Ростовская (18,8%) области, Краснодарский край (10,4%), Калининградская область (5,4%)¹¹.

В общемировом объеме несырьевого экспорта несырьевой экспорт Союзного государства составлял в 2016 году только 0,4%. Между тем совокупная доля России и Белару-

⁸ Trade statistics for international business development. URL: https://www.trademap.org/countrymap/Country_SelProduct.aspx?nvpm=1

⁹ Trade statistics for international business development. URL: https://www.trademap.org/countrymap/Country_SelProduct.aspx?nvpm=1

¹⁰ Подробнее: Таможенная статистика Федеральной таможенной службы. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:2:247336933264668::NO>; Показатели внешней торговли Национального статистического комитета Республики Беларусь. URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2

¹¹ Подробнее: Таможенная статистика Федеральной таможенной службы. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:2:247336933264668::NO>; Показатели внешней торговли Национального статистического комитета Республики Беларусь. URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2

си в объеме сырьевого экспорта существенно выше (4,1%). Это обуславливает актуальность постановки и решения задач, связанных с развитием несырьевого экспорта¹².

В целом формирование процессов в экспортной деятельности Союзного государства и повышение объемов несырьевого экспорта продукции в реализации проактивной политики должны являться приоритетом экономического развития как на федеральном, так и на региональном уровне. Вследствие этого должны быть адаптированы экспортные приоритеты, прежде всего за счет модели «альянсов» в гражданской обрабатывающей промышленности.

Развитие поддержки союзного несырьевого экспорта может осуществляться в различных формах, начиная с информации об имеющихся возможностях на международных рынках и заканчивая оказанием специализированной помощи в составлении и реализации программ маркетинга и кампаний по продажам за границей, что стимулирует или совершенствует экспорт.

Поддержка экспорта за рубежом представляет собой систему взаимодействующих и взаимоувязанных между собой правительственных и неправительственных организаций, к числу которых относятся профильные министерства и ведомства, специализированные агентства и экспертные центры, финансовые структуры, дипломатические миссии и т. д.¹³

Основой презентации готовой экспортной продукции на мировом рынке является ее маркировка. Генезис экспорта относится к ключевым элементам инструментов промощена в цепочке выстраивания маркетинговых коммуникации. Так, в Европейском союзе существует маркировка CE, обозначающая со-

¹² Необходимо применять опыт альянсов вместо дележа рынков. URL: <https://www.sonar2050.org/publications/vologodchina-i-belarus>

¹³ Подробнее: Материалы по внешнеэкономической деятельности Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity>; Exports by business size. URL: <https://data.oecd.org/trade/exports-by-business-size.htm#indicator-chart>; Mechanical Engineering Industry Association. URL: www.vdma.org

ответствие продукции определенным требованиям по безопасности. Кроме того, использование обозначения «Сделано в ЕС» было широко поддержано большинством стран Европейского союза¹⁴. Добавим, что применение единых узнаваемых форматов в рамках Союзного государства могло бы, с одной стороны, адаптировать экспортный рынок, с другой – аккумулировать накопленный опыт стран в производстве качественной продукции с высокой добавленной стоимостью в целях обеспечения экономического роста территории стран. При этом сохранение независимой маркировки продукции каждым государством при собственном экспорте на зарубежные рынки должно являться приоритетным правом.

В настоящее время процессы экономического характера, происходящие на мировом рынке, находятся на исследовательском этапе партнерства, на котором главным является изучение опыта формирования альянсов между компаниями, ориентированными на экспорт, в разных индустриях. Формирование альянсов наиболее распространено в производстве, разработке и выпуске сложной продукции, а также высокотехнологичных технических устройств. Анализ мировых практик показывает, что развитие партнерских отношений между компаниями должно строиться на основах паритета [23]. Между тем не должно возникать эффекта доминирования одного из партнеров, что может привести к большему экономическому риску и потере экспортного рынка. Именно это стало причиной «заморозки» в начале 2000-х годов глобального проекта между компаниями Volkswagen и Suzuki. Также в 2007 году «рухнуло» образованное в 1998 году слияние Daimler с Chrysler в связи с большим недовольством в Детройте доминирующей позицией немецкой автомобилестроительной группы¹⁵.

Однако, если не углубляться в частные аспекты эволюции слияния автопроизводи-

¹⁴ CE маркировка и правила. URL: <http://www.icqc.eu/ru/certifikacija-ce/ce-markirovka>

¹⁵ Will carmaker alliances result in identikit cars. URL: <http://www.bbc.com/news/business-19784691>

Таблица 2. Объемы несырьевого экспорта Союзного государства в 2001–2016 гг. (авторский подход)

Товарная группа	2001 год			2010 год			2016 год		
	РФ	РБ	СГ	РФ	РБ	СГ	РФ	РБ	СГ
Объемы несырьевого экспорта, млн долл. США									
Всего, в т. ч.:	10962	3281,9	14243,9	19535,2	8119,0	27654,2	26405,6	8232,1	34637,7
Машиностроительная продукция	7624,6	1935,6	9560,2	13766,7	4572,6	18339,3	15999,8	4225,3	20225,1
Продукция химической промышленности	733,5	350,0	1083,5	1910,8	1170,9	3081,7	3547,9	1083,6	4631,5
Продукция металлургической промышленности	613,7	131,8	745,5	406,5	381,4	787,9	703,2	374,4	1077,6
Готовые продукты пищевой промышленности	287,7	162,7	450,4	874	866,8	1740,8	1793,8	1230,7	3024,5
Товары деревообработки и продукция бумажной промышленности	1319,3	198,2	1517,5	1998,1	393,5	2391,6	2834,2	591,7	3425,9
Товары легкой промышленности (одежда, обувь и прочие)	287,5	414,0	701,5	177,6	598,7	776,3	580,8	606,7	1187,5
Готовые изделия из стекла, керамики, камня	61,8	73,7	135,5	145,3	128,3	273,6	237,1	95,2	332,3
Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности	21,5	0,004	21,5	26,5	0	26,5	0	0	0
Разные промышленные товары	12,4	15,8	28,2	229,7	6,9	236,6	709,0	24,6	733,6
Доля несырьевого экспорта в общих объемах экспорта, %									
Несырьевой экспорт	10,9	44,2	13,2	4,9	32,1	6,6	9,1	35,0	11,1
Доля товарных групп (несырьевого экспорта) в общих объемах экспорта, %*									
Машиностроительная продукция	7,6	26,0	8,9	3,5	18,1	4,3	5,6	18,0	6,5
Продукция химической промышленности	0,7	4,7	1,0	0,5	4,6	0,7	1,2	4,6	1,5
Продукция металлургической промышленности	0,6	1,8	0,7	0,1	1,5	0,2	0,2	1,6	0,3
Продукция пищевой промышленности (включая с/х сырье, кроме текстильного, и прочие)	0,3	2,2	0,4	0,2	3,4	0,4	0,6	5,2	1,0
Товары деревообработки и продукция бумажной промышленности	1,3	2,7	1,4	0,5	1,6	0,6	1,0	2,5	1,1
Товары легкой промышленности (сырье, текстильные изделия, одежда, обувь и прочие)	0,3	5,6	0,7	0,0	2,4	0,2	0,2	2,6	0,4
Материалы и изделия из стекла, керамики, камня	0,1	1,0	0,1	0,0	0,5	0,1	0,1	0,4	0,1
Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Разные промышленные товары	0,0	0,2	0,0	0,1	0,0	0,1	0,2	0,1	0,2
РФ – Российская Федерация; РБ – Республика Беларусь; СГ – Союзное Государство России и Беларуси.									
* Товарная группа «Продукция топливно-энергетического комплекса» не отражена, т. к. величина составляет 0% за весь исследуемый период.									

телей, стоит отметить, что именно создание альянсов является не только способом извлечения выгоды для самих компаний, но и основой для улучшения их бизнеса, в том числе в кризисные периоды. Развитие партнерских отношений в этом случае рассматривается в глубоком и широком смысле. Так, например, производственное подразделение Roger Tawich (2012 год, производящее специализированное буровое оборудование и имеющее экспансию по всему миру, является стратегическим альянсом между Tawich Construction

Inc. и машинами Roger International inc¹⁶. Делая упор на внедрении инноваций, компания также поддерживает бизнес-альянс с Sandvik, который разрабатывает уникальное сверло ИТН для бурового оборудования, в целях удовлетворения потребностей отрасли¹⁷.

Распространенность альянсов в технологических инновациях формируется за счет реализации крупных проектов компаниями на основе проведения исследований и разработок. Одним из подтверждений этому служит уровень интеграции Группы MOSS

¹⁶ Strategic alliance Machines Roger Tawich. URL: <http://www.machines-roger.ca/en/alliances-and-partnerships>

¹⁷ Там же.

Alliance¹⁸. Общий размер Группы предлагает значительную инвестиционную программу в НИОКР. Каждая из компаний (4 единицы) фокусируется на решениях при производстве металлических деталей с отделами НИОКР к достижению общей цели и накоплению опыта в области знаний всей Группы, действующей на международной арене¹⁹. Компании, объединяющиеся для производства готового продукта «под ключ», с помощью индивидуальных решений и технологических разработок способны максимально удовлетворять спрос, а значит, могут достигнуть высокого уровня интеграции [24].

Анализируя альянсы в секторе глобальных игроков автомобилестроения, стоит отметить, что компании автоиндустрии, объединившись, создают эффект синергетического преимущества на мировом рынке, используя взаимный опыт и ресурсы. Для сравнения, автогруппа Nissan – Renault – Mitsubishi Motors обогнала по продажам в первом полугодии 2017 года таких гигантов, как Toyota и Volkswagen AG, реализовав на рынке 5,27 миллиона единиц автомобилей²⁰. Это приводит к зарождению новой чистой конкуренции, вынуждает компании искать партнерские отношения для получения большей выгоды (так, вследствие этого позднее был оглашен план по автозаводу между Toyota и Mazda на 1,6 млрд долл. США²¹). Модель сотрудничества может быть разной и в различных сферах, но необходимо понимать, что альянсы – это не только платформа для компаний, реализуемая сейчас, а составной элемент будущей особенности глобализации экспортных рынков в долгосрочной перспективе.

Переход к шестому технологическому укладу уже формирует новые правила для конъюнктуры

экономического цикла, и в дальнейшем процесс роста высокотехнологичных секторов будет только ускоряться. При полном переходе к шестому технологическому укладу соотношение высокотехнологичного и энергосырьевого рынков будет составлять 10:1 [25]. В целом в перспективе ближайших 10–12 лет компаниям необходимо будет формировать не просто однотипные союзы, а технологические альянсы с зонтичной структурой. Так, в частности, передовые мировые компании уже начинают реализацию масштабных проектов. Например, BMW сотрудничает с Intel, Delphi и Continental, чтобы разработать программное обеспечение и прочие цифровые элементы и технологии для самоходного флота к 2021 году²².

На основе анализа зарубежных практик формирования альянсов стоит отметить, что реализация данной модели в рамках построения и интеграции Союзного Государства может дать синергетический эффект для предприятий машиностроительной и смежных отраслей, способствующий получению выгоды в среднесрочной и долгосрочной перспективе, а также стать источником экономического роста в регионах стран Союзного Государства.

Анализ статистических данных за 2014–2016 гг. показал, что ключевой перспективной и крупной позицией в экспорте, имеющей высокий потенциал (точки роста), обладает продукция машиностроительного комплекса с выделением возможных рынков для поставок, в числе которых страны Африки (Гвинея, Непал, Нигерия, Марокко, Эфиопия и др.), Америки (Бразилия, Куба, Чили и прочие) и Азии (Камбоджа, Индия, Саудовская Аравия и др.), а также ряд других государств (табл. 3)²³.

¹⁸ More & Better MOSS Alliance. URL: http://www.moss-alliance.com/?page_id=47

¹⁹ Там же.

²⁰ Honda's Solo Act Turns Risky in the Alliance-Happy Auto Industry. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-08-06/honda-s-solo-act-turns-risky-in-the-alliance-happy-auto-industry>

²¹ Honda's Solo Act Turns Risky in the Alliance-Happy Auto Industry. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-08-06/honda-s-solo-act-turns-risky-in-the-alliance-happy-auto-industry>

²² By 2030, automakers will be part of tech alliances – and won't be calling the shots trade. URL: http://www.autonews.com/article/20171105/INDUSTRY_REDESIGNED/171109905/redesigning-the-industry-suppliers-call-shots

²³ Подробнее: Exploring interdependencies in global resource trade. URL: <https://resourcetrade.earth/>; Trade statistics for international business development. URL: https://www.trademap.org/countrymap/Country_SelProduct.aspx?nvpm=1; World Customs Organization. URL: <http://www.wcoomd.org>

Таблица 3. Перспективные точки роста несырьевого экспорта
Союзного государства на зарубежных рынках

Товарная группа/позиция	Объем стоимостного прироста в странах-импортерах с 2014 по 2016 год, % в интервале	Потенциально растущие экспортные рынки (объем стоимостного прироста импорта с 2014 по 2016 год, %)
1. Машиностроительная продукция		
Тракторы и с/х техника	137–667,8	Австралия – 137; Мьянма – 147; Непал – 156; Пакистан – 187; Литва – 222,5; Джибути – 234; Камбоджа – 296,5; Кувейт – 310; Шри-Ланка – 329; Куба – 420; Гвинея – 667,8
Грузовые автомобили	112,7–619	Мексика – 112,7; Марокко – 118; Гватемала – 120; Государство Палестина – 122; Португалия – 123; Доминиканская Республика – 125; Эфиопия – 133; Вьетнам – 143,7; Аргентина – 144; Камбоджа – 193; Филиппины – 234,7; Пакистан – 235; Куба – 619
Мотоциклы (включая мопеды) и велосипеды	122–956,4	Таиланд – 122; Турция – 135; Мьянма – 150; Индия – 152; Гватемала – 154,7; Мальта – 159; Эфиопия – 167,1; Непал – 177; Филиппины – 209,3; Румыния – 223; Куба – 225,7; Того – 236,8; Гвинея – 391; Йемен – 956,4
Прицепы и полуприцепы	127,4–976	Маврикий – 127,4; Португалия – 193,5; Аргентина – 229; Румыния – 233; Сингапур – 238; Албания – 274; Никарагуа – 296,8; Мексика – 328,5; Бразилия – 525; Чили – 570; Австралия – 614; Эфиопия – 730,1; Филиппины – 899; Куба – 967; Саудовская Аравия – 976
Аппаратура электрическая для коммутации или защиты электрических цепей	102–350	Иордания – 102; Молдавия – 103; Нигерия – 116,7; Марокко – 151; Мексика – 350
2. Продукция химической промышленности		
Мыло (в разных формах)	106–1170,7	Румыния – 106; Мексика – 113; Филиппины – 122,7; Панама – 179; Азербайджан – 193,6; Гвинея – 264; Республика Ирак – 1170,7
Средства для волос	106–264,1	Мексика – 106; Катар – 126; Аргентина – 126,8; Сейшельские Острова – 164,3; Албания – 173; Филиппины – 176,4; Гвинея – 227,1; Шри-Ланка – 264,1
3. Разные промышленные товары		
Игрушки	104,8–272,9	Йемен – 104,8; Алжир – 114,8; Панама – 121; Бразилия – 145; Саудовская Аравия – 161,6; Чили – 179,2; ОАЭ – 201,3; Мексика – 272,9
Лампы и осветительное оборудование	107,2–317,5	Таиланд – 107,2; Ботсвана – 110,7; Индия – 152,9; Пакистан – 192; Вьетнам – 223,3; Руанда – 240,3; Куба – 240,4; Йемен – 261,9; Нигер – 317,5

Из этого следует, что основными потенциальными позициями в несырьевом товарном экспорте, востребованными на мировых рынках, являются машиностроительная продукция и товары агропродовольственной сферы, что определяет главное направление развития экспорта Союзного государства и возможности обеспечения реализации в регионах.

Формирование общей экспортной политики Союзного государства и многоуровневой системы управления экспортной деятельностью должно включать в себя три блока: оперативный, тактический и стратегический [26].

Так, оперативный уровень касается решения задач, связанных с созданием максимально благоприятных условий для экспортных операций текущего периода. На данном уровне возможно объединение усилий России и

Беларуси в части взаимодействия структур, оказывающих идентичные формы поддержки: АО «Российский экспортный центр» и Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен; АО «Эксар» и «Белэксимгарант»; «Росэксимбанк» и ОАО «Банк развития Республики Беларусь»; Торгово-промышленная палата РФ и Белорусская торгово-промышленная палата.

Тактический уровень затрагивает согласования среднесрочных программ поддержки и развития экспорта. Здесь главным направлением должно стать развитие освоения и продвижения на внешние рынки экспортно ориентированной высокотехнологичной продукции. Ключевыми моментами являются финансовое стимулирование реализации совместных проектов в рамках Союзного государства (совместные программы Фонда

развития промышленности и Белорусского фонда финансовой поддержки предпринимателей; МСП-банк, ОАО «Белинвестбанка» и ОАО «Банка развития Республики Беларусь» и т. д.), создание условий для локализации экспортными Союзного государства собственных производств на целевых рынках как гарантии поддержания или расширения вывоза продукции и хеджирования рыночных рисков.

Стратегический уровень включает в себя долгосрочное прогнозирование динамики мировых рынков несырьевой и высокотехнологичной продукции: определение перспективных с точки зрения экспорта направлений производственной деятельности с учетом потенциала территорий Союзного государства; финансовая поддержка совместных исследований и разработок, направленных на создание новых видов продукции, которые будут востребованы на мировых рынках в долгосрочной перспективе.

По мере формирования общей экспортной политики Союзного государства России и Беларуси целесообразно учесть следующие приоритетные направления в развитии несырьевого и высокотехнологичного экспорта.

1. В части расширения экспортной деятельности:

- обеспечение доступа промышленных предприятий к совместным и зарубежным технологиям;

- развитие совместного производства высокотехнологичной продукции в регионах с целью повышения экспортного потенциала и формирования длинных цепочек стоимости;

- поддержка реализации совместных с партнерами и государствами – участниками ЕАЭС проектов в науке и промышленности с целью содействия трансферу технологий.

2. В направлении разработки и производства продукции для экспорта:

- развитие сетевой региональной инфраструктуры поддержки экспортно ориентированных предприятий, обеспечивающей создание условий для генерации инноваций в производство продуктов, востребованных на зарубежном рынке;

- формирование системы многофункциональности на базе центров поддержки экспорта в регионах с целью выделения аналитической функции, учитывающей изменения окружающей среды и потребностей мирового экспортного рынка, чтобы обеспечить осведомленность субъектов предпринимательства об их экспортном потенциале, а также создать единую базу данных проектов, имеющих экспортный потенциал;

- совершенствование системы профессиональной подготовки менеджеров на уровне, соответствующем международному, к работе в обстановке жесткой конкуренции в качестве стимулирующего условия повышения конкурентоспособности и качества подготовки трудовых ресурсов в секторе ВЭД.

3. В части международной кооперации и региональной интеграции:

- разработка единой аналитической товарной классификации (кодов) и системы статистических показателей для оценки экспорта в регионах (несырьевого, технологического, высокотехнологичного);

- организация совместных наднациональных стейкхолдеров, обеспечивающих информирование о нормативно-правовых особенностях законодательства зарубежных стран и сложностях оценки соответствия (сертификация, испытание, декларирование и др.) правилам внешних рынков, включая организацию защиты интеллектуальной собственности;

- формирование логистических хабов на пространстве евразийских коридоров в целях возможного снижения стоимости логистики для участников экспортной деятельности за пределами (внутри) Союзного государства в перестройке стратегий глобальных цепочек поставок.

Следовательно, к основным драйверам экономического роста регионов Союзного государства можно отнести экспорт продукции несырьевых производств, выпускающих конкурентоспособные товары с высокой степенью переработки, и расширение присутствия на мировых рынках по товарным позициям машиностроения в части поставок деталей и комплектующих для восходящих глобальных цепочек добавленной стоимости.

Таким образом, одним из ключевых экономических ресурсов, способствующих устойчивому развитию территории, может стать сырьевой экспорт с использованием совместных разработок и местного сырья при производстве товаров с высокой добавленной стоимостью с выстраиванием стратегических горизонтов в развитии альянсов между компаниями в долгосрочной перспективе, а не с получением краткосрочной выгоды. Для этого необходим

системный подход, включающий в том числе комплекс решений, направленных на формирование диверсифицированного экспортного портфеля предпринимательства в Союзном государстве, который представляет собой совокупность номенклатуры товаров конкретного предприятия и общего количества зарегистрированных субъектов бизнеса, осуществляющих производство (изготовление) в регионе и поставку продукции на зарубежные рынки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миролюбова Т.В. Концептуальные подходы к развитию внешнеэкономической деятельности региона // Вестник ПГУ. Сер. «Экономика». 2010. № 3. С. 36–48.
2. Ricardo D. 1817. Principles of Political Economy. *Works and Correspondence of David Ricardo*, edited by Piero Sraffa, with the collaboration of M.H. Dobb. Vol. I–XI. Cambridge: Cambridge University Press, 1959. 73 p.
3. Муртузалиева С.Ю. Внешнеэкономические связи регионов России со странами СНГ // Социальные и гуманитарные науки. Сер. «Экономика». 2007. № 4. С. 165–172.
4. Хекшер Э.Ф., Киреев А.П. Влияние внешней торговли на распределение дохода // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. М.: ТЕИС, 2006. С. 154–173.
5. Дегтярева О.И., Полянова Т.Н., Саркисов С.В. Внешнеэкономическая деятельность. М.: Дело, 2008. 424 с.
6. Helmers C., Pasteels J.-M. *Assessing Bilateral Trade Potential at the Commodity Level: An Operational Approach*. Geneva: International Trade Center, 2006, pp. 69–88.
7. Татаркин А.И. Развитие внешнеэкономической деятельности России на основе использования особенностей социально-экономического комплекса региона // Экономика региона. 2009. № 1. С. 125–135.
8. Глазьев С.Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2016. 640 с.
9. Chaudhuri B.R., Chakraborty D. *Export Potential at the State-Level: A Case Study of Karnataka*. Indian Institute of Foreign Trade (IIFT). New Delhi and Kolkata, 2012, pp. 73–86.
10. Ketels C. What is regional strategy? *Strategies for Shaping Territorial Competitiveness*, 2015, pp. 37–54.
11. Татаркин А.И., Куклин А.А. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // Экономика региона. 2012. № 2. С. 25–39.
12. Селиверстов В.Е. Новое позиционирование Сибири в контексте реализации долгосрочной стратегии, направленной на закрепление населения макрорегиона // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия «Социально-экономические науки». 2009. Т. 9. Вып. 4. С. 231–235.
13. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. М.: Институт экономических стратегий, Русский биографический институт, 2015. 60 с.
14. Абалкин Л.И. Логика экономического роста. М.: Институт экономики РАН, 2002. 228 с.
15. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер, 2016. 947 с.
16. Thirlwall A.P. Development and economic growth. *The Companion to Development Studies*. Third Edition. Routledge, 2014, pp. 47–49.
17. Малое предпринимательство в экономике территорий: монография / К.А. Гулин [и др.]. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. 128 с.
18. Проблемы формирования и реализации социально-экономического потенциала развития территорий: монография / К.А. Гулин [и др.]. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 386 с.
19. Reinert E.S. The role of the state in economic growth. *Journal of economic Studies*, 1999, vol. 26, no. 4/5, pp. 268–326.

20. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 384 с.
21. Crescenzi R., Pietrobelli C., Rabellotti R. Regional strategic assets and the location strategies of emerging countries' multinationals in Europe. *European Planning Studies*, 2016, vol. 24, no. 4, pp. 645–667.
22. Якушев Н.О. Проблемы диверсификации несырьевого экспорта территории // Экономика и менеджмент систем управления. 2017. № 4. С. 445–450.
23. Wise E., Ketels C. Regional Integration in the Baltic Sea Region: lessons for Asia? *Technical Assistance*, 2016, no. 8664, pp. 3–29
24. Delgado M., Mills K.G. *The Supply Chain Economy: A New Framework for Understanding Innovation and Services*, 2018. 10 p.
25. Якушев Н.О. Высокотехнологичный экспорт России и его территориальная специфика // Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). С. 62–77.
26. Гулин К.А. Вопросы развития несырьевого экспорта Союзного государства // Формирование единого научно-технологического пространства Союзного государства: проблемы, перспективы, инновации (заседание 51, г. Минск, 28–29 ноября 2017 г.) / под ред. С.Г. Стрельченко. Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2017. С. 186–192.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Якушев Николай Олегович – младший научный сотрудник отдела проблем научно-технологического развития и экономики знаний. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: nilrus@yandex.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Yakushev N.O.

NON-RESOURCE EXPORTS OF THE UNION STATE AS A FACTOR IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE TERRITORY OF RUSSIA AND BELARUS

Recently, the urgency of objectives related to regions' increasing economic stability, gross regional product, and expanding budget revenues of the territories, has significantly increased. The development of non-resource industries and the increase in their share in supplies to world markets amid unfavorable economic conditions are among the priorities at both national and regional levels. The absence of development of exports of complex products of high-tech industries, its full integration into the world economic space and effective development of the country and its territories, and hence the implementation of strategic objectives for accelerated economic growth are impossible. The article presents the results of studying the classification of exports of the Union State. The role of exports with high value added in economic development is studied and substantiated. The key characteristics of the export activity of the product segment in the world supply are analyzed. The article presents trends in exports of products in the global comparison in the share of supply of manufacturing industries. The structure of non-resource exports of the Union State is covered. The state of export specialization by type of non-resource materials products is shown. Analysis of the structure of Russian exports is conducted. The specification of non-resource exports with foreign countries on transaction objects and geography of supplies by groups of countries is presented. The leading potential partners in the export of high-value-added products are considered. Analysis of the state of exports activity in the sector of technological products among the main Russian constituent entities in terms of the value of supplies to the world market is carried out. The prospect points of exports growth with high value added of regions with integration of foreign trade markets and possible directions are distinguished and detailed. The article presents conclusions regarding the definition of key tools for

the development of the share of technological exports in the Union State.

Exports, non-resource exports, products, world market, raw materials, development, region.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yakushev Nikolai Olegovich – Junior Research Associate, Department for Issues of Scientific and Technological Development and Knowledge Economy. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: nilrus@yandex.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.4

УДК 334.724 | ББК 65.292.5

© Артамонова А.С.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

АРТАМОНОВА АННА СТАНИСЛАВОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: bushmanova@vscc.ac.ru

Важной предпосылкой активного развития российских регионов является наиболее полное использование их внутреннего потенциала, в связи с чем возникает необходимость поиска возможностей для обеспечения эффективного и взаимовыгодного сотрудничества между органами государственной власти и другими субъектами экономической деятельности. Одним из важных партнеров в решении проблем в общественно значимых сферах считают социально ориентированные некоммерческие организации. Их функционирование в настоящее время находится под пристальным вниманием государства и научного сообщества, однако относительно субъектов Российской Федерации этот вопрос недостаточно изучен. В связи с этим цель настоящей статьи заключается в оценке состояния и функционирования социально ориентированных некоммерческих организаций в российских регионах. Для достижения заявленной цели предполагается решить задачи, связанные с обзором ключевых особенностей функционирования подобных организаций в регионах, а также анализом статистических показателей федеральных округов Российской Федерации, касающихся деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций. В ходе исследования было выявлено увеличение числа организаций «третьего» сектора, количества человек, вовлеченных в их деятельность, а также объемов поступлений денежных средств и имущества. Анализ численности занятых в социально ориентированных некоммерческих организациях показал, что наиболее предпочтительными работодателями являются те из них, которые предо-

Цитата: Артамонова А.С. Функционирование социально ориентированных некоммерческих организаций в российских регионах // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 55–67. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.4

Citation: Artamonova A.S. The functioning of socially oriented non-profit organizations in Russian regions. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 5 (97), pp. 55–67. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.4

ставляют услуги в сферах образования и здравоохранения, но в целом доля работающих в некоммерческом секторе невелика. В то же время темп роста численности добровольцев с 2012 по 2016 год составил по стране более 260%. В ходе изучения источников поступлений денежных средств и имущества было выявлено, что, несмотря на растущую поддержку государства, наибольший доход социально ориентированным некоммерческим организациям приносит реализация товаров и оказание услуг.

Негосударственные некоммерческие организации, «третий» сектор, социально ориентированные некоммерческие организации, российские регионы.

Введение

Как отмечают исследователи, одной из основных тенденций территориального развития в последние десятилетия является регионализация социально-экономических процессов [1; 2; 3]. В связи с нацеленностью на повышение комплексности и сбалансированности развития регионов, сокращение дифференциации уровня и качества жизни в субъектах РФ становится актуальной необходимостью более полного использования их внутреннего потенциала и поиска путей оптимизации процессов при реализации мер региональной политики. Для реализации этих задач органы государственной власти нуждаются в обеспечении взаимодействия с другими субъектами экономической деятельности, обладающими определенными ресурсами (финансовыми, трудовыми, инновационными и пр.) и готовыми принять делегируемые полномочия. Важным аспектом подобного взаимодействия является общность поставленных задач. Как отмечают исследователи, государство и бизнес-структуры при осуществлении своей деятельности часто преследуют разные цели и порой с трудом находят точки соприкосновения [4, с. 10]. Бизнес-предприятия ориентируются на проекты, выгодные с коммерческой точки зрения, в то время как органы государственной власти несут ответственность за благополучие населения региона в целом. Являясь основным гарантом социальной справедливости и поддержки, государство, однако, в силу ряда причин не в состоянии обеспечить адресную помощь каждому нуждающемуся. В экономической литературе такая ситуация описывается в рамках теории о «провалах» рынка и государства, в которой решением проблемы

становятся негосударственные некоммерческие организации (НКО). В российских условиях подобное взаимодействие в первую очередь касается социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) как наиболее заинтересованных в решении острых социальных проблем. Для достижения цели настоящей статьи, заключающейся в оценке состояния и функционирования социально ориентированных некоммерческих организаций в российских регионах, автор опирался прежде всего на данные Федеральной службы государственной статистики, поскольку в ее ведении находится сбор и представление основных сведений о деятельности СОНКО. Временной период охватывает 2012–2016 годы.

Теоретические основы исследования

Поскольку социально ориентированные некоммерческие организации являются частью сектора НКО, на наш взгляд, представляется целесообразным предварительно уделить внимание вопросу возникновения и функционирования последних. Активное распространение негосударственных некоммерческих организаций наблюдается с 1970-х годов. Несмотря на существующие сложности с их однозначной дефиницией, классифицированием и определением точного количества, следует отметить несомненную заинтересованность ученых в исследовании так называемого третьего сектора, основу которого эти организации составляют (сектор выделен по аналогии с государственным и коммерческим секторами экономики). Так, справочно можно отметить следующие работы: вопросам возникновения и развития некоммерческих организаций посвящены работы Ch. Reichard

[5], P.D. Hall [6], Archambault [7], E.N. MacDonald и Luc Tayart de Borms [8], И.Н. Гавриловой [9], В.Н. Якимца [10]; роль некоммерческого сектора в решении экономических и социальных проблем описывали L.M. Salamon, Н.К. Anheier [11], A. Pennerstorfer [12], M. Shumate и соавторы [13], В.К. Крутиков [14], И.В. Мерсиянова [15] и др.; разработкой методик для оценки эффективности некоммерческих организаций занимались M. Kirschner [16], G. Zappala и M. Lyons [17], J. Willems [18], D.C. Mihaltan [19], Е.Г. Тарханова [20], В.Н. Волгунина [21] и др.

В настоящее время в отношении организаций часто употребляются понятия «неправительственные», «благотворительные», «добровольные», «общественные» (в том числе и касательно всего сектора, в котором они функционируют [12]), которые, однако, не являются синонимичными. В 1996 году в Центре исследований гражданского общества Университета имени Дж. Хопкинса (США) был инициирован проект сравнительного изучения «третьего» сектора в 22 странах, по итогам которого были определены основные черты, являющиеся базовыми для негосударственных некоммерческих организаций [11, с. 17]:

- 1) функционируют вне государственного аппарата;
- 2) не распределяют полученную прибыль;
- 3) предлагают добровольное участие;
- 4) обладают определенной степенью институционализации;
- 5) самоуправляемы.

В настоящее время дефиниция, которую предложили Л.М. Саламон и Х.К. Анхайер, является ключевой, ее использует большая часть зарубежных исследователей. Юридически деятельность некоммерческих организаций регламентируется в каждой стране различными законами и правовыми актами (например, § 34–35 ВАО в Австрии, раздел 501 (с) (3) Налогового кодекса в США). Для самих зарубежных организаций признание их в качестве НКО гарантирует, в первую очередь, довольно существенные налоговые льготы.

В Российской Федерации деятельность некоммерческих организаций регламентируется Гражданским кодексом, Федеральным

законом № 7-ФЗ от 12.01.1996 «О некоммерческих организациях», Федеральным законом № 82-ФЗ от 19.05.1995 «Об общественных объединениях», Федеральным законом № 135-ФЗ от 11.08.1995 «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Нормативные акты определяют НКО как организацию, не имеющую извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющую полученную прибыль между участниками¹. При этом термин «некоммерческая организация» используется для идентификации организаций некоммерческого сектора экономики без акцента на государственном или негосударственном статусе [15, с. 5]. В настоящей работе под негосударственными некоммерческими организациями будем понимать добровольно-общественные самоуправляемые организации, не имеющие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющие полученную прибыль между участниками.

Система национальных счетов условно делит некоммерческие организации на рыночные и нерыночные. Нерыночные НКО оказывают услуги бесплатно или по низкой цене и финансируются за счет членских взносов, пожертвований, трансфертов и т. п. (например, общественные объединения, фонды, религиозные организации). К рыночным НКО относятся организации, которые взимают плату за свои услуги, что позволяет им возмещать понесенные затраты и получать прибыль. Среди них, например, могут быть НКО, образованные коммерческими организациями для своих нужд (торгово-промышленные палаты, ассоциации предпринимателей), или некоммерческие организации, созданные для оказания платных услуг высокого качества (школы, больницы, университеты). Осуществляя предпринимательскую деятельность, рыночные некоммерческие организации становятся такими же налогоплательщи-

¹ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О некоммерческих организациях». Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824

ками, как и коммерческие. Законодательно определено, что НКО вправе осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность, если это служит достижению целей, ради которых создана организация, и соответствует указанным целям, при условии что такая деятельность указана в ее учредительных документах². Получение прибыли является принципиальным элементом функционирования негосударственных некоммерческих организаций. Они могут устанавливать плату за свои товары или услуги, но не имеют права распределять полученную прибыль между участниками. Доходы организации могут идти на уплату налогов, выплату заработной платы сотрудникам. Собственно говоря, это и является главным отличием НКО от коммерческих предприятий, в которых цель максимизации прибыли напрямую связана с улучшением личного благосостояния их руководителей. Другим важным моментом является то, что некоммерческие организации чаще всего функционируют в таких сферах, которые не представляют значительного интереса для бизнес-структур. Деятельность в области социальной помощи нуждающимся или правовой поддержки потребителей, охраны окружающей среды или защиты животных и т. п. сближает НКО с органами государственной власти, поскольку именно государство является ключевым поставщиком общественных благ. В свою очередь, государство предоставляет некоммерческим организациям свободу выбора наиболее подходящей организационно-правовой формы для осуществления деятельности, а также оказывает определенную поддержку.

Результаты исследования

В современных условиях деятельность региональных некоммерческих организаций приобретает все большее значение. Следует отметить, что это вполне соотносится с ми-

ровым опытом. В развитых странах все чаще возникает вопрос о некоторой ригидности крупных НКО, усилия которых в большей степени направлены на поддержание статуса-кво и фандрайзинг, нежели на реальную помощь своим клиентам³. В США ученые Университета Нью-Йорка и Принстона выяснили, что 15% некоммерческих организаций Нью-Йорка являются крупными, из них лишь половина функционирует на уровне города, превалирующую часть услуг его населению оказывают небольшие НКО⁴. В развитых странах с течением времени некоммерческие организации приобрели более узкий, специализированный характер [22, с. 46]. На смену традиционным добровольным объединениям граждан пришли иерархически четко выстроенные структуры под управлением профессионалов и в большей степени финансируемые государством или крупными спонсорами. Особое значение приобрели предприятия, работающие в конкретных регионах. В субъектах РФ сегодня происходят схожие процессы: возникли понятия «социально ориентированные некоммерческие организации», «поставщики общественно значимых услуг», приняты правовые акты, регламентирующие деятельность альтернативных поставщиков социальных услуг, развивается социальное предпринимательство.

Ядро российского «третьего» сектора составляют социально ориентированные некоммерческие организации (СОНКО). Ими признаются организации, осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации⁵. На современном этапе социально ориентированные некоммерческие организации приобретают все большую известность и значимость, не

³ Are Nonprofits Getting in the Way of Social Change? URL: https://ssir.org/articles/entry/are_nonprofits_getting_in_the_way_of_social_change

⁴ Is Bigger Better? The Case for Small Nonprofits. URL: <https://nonprofitquarterly.org/2009/09/21/is-bigger-better-the-case-for-small-nonprofits>

⁵ Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О некоммерческих организациях». Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824

² Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О некоммерческих организациях». Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824

в последнюю очередь благодаря вниманию органов государственной власти высшего уровня. После закрепления за СОНКО статуса исполнителя общественно полезных услуг⁶ региональным органам власти поставлена задача увеличить долю учреждений социального обслуживания, имеющих негосударственную форму собственности (в том числе некоммерческих), до 10% в общем числе таких организаций. Этот показатель включен в систему оценки эффективности деятельности высших должностных лиц регионов, а работа по поддержке СОНКО контролируется федеральным центром [23, с. 74]. Число СОНКО в стране неуклонно растет. Темп роста в среднем по России составил с 2014 по 2016 год 109% (табл. 1).

Самый высокий показатель темпа роста СОНКО наблюдается в Уральском федеральном округе (129%), самый низкий (97%) – в Дальневосточном и Северо-Кавказском. В то

же время доля социально ориентированных организаций от общего числа юридических лиц в Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах существенно выше среднего показателя по стране, который в 2016 году составил 3,15%. Кроме этого, Дальневосточный ФО является лидером по числу СОНКО на 10000 чел. населения (табл. 2).

Аналогичные расчеты в разрезе субъектов РФ (табл. 3) позволили выявить, что наиболее высокие показатели – от 20 до 32 социально ориентированных некоммерческих организаций на каждые 10000 чел. – наблюдаются в четырех регионах. В 51 субъекте РФ количество социально ориентированных некоммерческих организаций на 10000 чел. составляет 10–20 единиц, в 28 – от 5 до 10 организаций. Четыре региона имеют самые низкие значения показателя – менее пяти социально ориентированных организаций на 10000 жителей. В их число входит и город фе-

Таблица 1. Количество СОНКО в РФ в 2014–2016 гг., ед.

Федеральный округ	2014 год	2015 год	2016 год	2016 год к 2014 году, %
РФ	132087	140031	143436	109
Центральный	27234	31961	32649	120
Приволжский	32315	31688	32004	99
Сибирский	20284	20617	20880	103
Южный (в 2015 году с Крымским)	12799	14582	15642	122
Северо-Западный	12771	14105	13792	108
Уральский	8276	9215	10664	129
Дальневосточный	10167	10180	9840	97
Северо-Кавказский	8241	7683	7965	97

Источник: Основные сведения о деятельности СОНКО по Российской Федерации за 2014, 2015, 2016 годы. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 2. Количество СОНКО в 2016 году

Федеральный округ	Доля от общего числа юридических лиц, %	На 10000 чел. населения, ед.
РФ	3,15	9,77
Центральный	1,97	8,33
Приволжский	4,15	10,8
Сибирский	4,2	10,8
Южный	4,51	9,52
Северо-Западный	2,31	9,92
Уральский	2,87	8,64
Дальневосточный	5,25	15,92
Северо-Кавказский	6,51	8,15

Источники: Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. URL: <https://www.nalog.ru> (данные на 01.01.2017); расчеты автора.

⁶ Постановление Правительства РФ от 26.01.2017 № 89 (ред. от 24.01.2018) «О реестре некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг». Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211967

Таблица 3. Количество СОНКО в субъектах РФ в 2016 году (выборочно)

Субъекты РФ, имеющие наиболее высокие значения показателя	На 10000 чел.	Субъекты РФ, имеющие наиболее низкие значения показателя	На 10000 чел.
Ненецкий АО	32,35	г. Москва	4,85
Магаданская область	26,24	Челябинская область	4,55
Камчатский край	25,14	Республика Тыва	3,11
Республика Саха (Якутия)	20,34	Чеченская Республика	2,86

Источники: Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. URL: <https://www.nalog.ru> (данные на 01.01.2017); расчеты автора.

дерального значения Москва, несмотря на то что по абсолютному показателю количества СОНКО он уступает лишь Краснодарскому краю (6001 против 6339 организаций).

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить стабильное увеличение числа социально ориентированных некоммерческих организаций в России и в то же время значительные территориальные диспропорции по этому показателю, что, на наш взгляд, свидетельствует о различной степени востребованности СОНКО в качестве альтернативы государственным учреждениям.

Активно развиваясь, социально ориентированные некоммерческие организации охватывают практически все сферы деятельности и способствуют занятости населения. Согласно данным Росстата, наиболее предпочтительными работодателями являются СОНКО, предоставляющие коммунальные, социальные и персональные услуги. Доля их работников в общем числе занятых в этой сфере составляет 23%. Однако это значение отчасти обусловлено особенностями сбора и предоставления статистической информации. В данный раздел включен общий блок «Деятельность общественных организаций» без указания конкретных областей работы. С учетом этого факта основными работодателями становятся сферы образования и здравоохранения. Количество работающих в них колеблется на уровне 2,5–4% от общей численности занятых в этих отраслях. В СОНКО, осуществляющих деятельность в сферах, связанных с добычей полезных ископаемых, производством, строительством, торговлей, транспортом, финансовой деятельностью и прочее, число занятых составляет менее 1,5%. Кроме этого, проведенный анализ позволил выявить следующую особенность.

В целом для всех российских регионов характерно преобладание числа работников в сфере образования. Их доля составляет до 50% от общего числа занятых в СОНКО. Однако в разрезе субъектов РФ удельный вес этих работников различен. Так, доля занятых в социально ориентированных некоммерческих организациях, осуществляющих деятельность в сфере образования, является наибольшей в Московской, Калининградской областях и Ханты-Мансийском АО и составляет 45–50% от общего числа работников в СОНКО. Аналогичный показатель в сфере здравоохранения несколько ниже. Максимальные значения имеют Ставропольский и Забайкальский края, Амурская область и Республика Бурятия (38–43%). Таким образом, в целом пока довольно сложно говорить о значительном интересе к СОНКО со стороны потенциальных работников. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что СОНКО не имеют возможности предложить работникам существенное финансовое обеспечение. Штатные работники социально ориентированных некоммерческих организаций в большей степени руководствуются не столько потребностью в карьерном росте или финансовых гарантиях, сколько внутренним желанием заниматься деятельностью, направленной на достижение целей организации. Это не означает, однако, что ситуация должна оставаться неизменной. Недостаточное ресурсное обеспечение является одним из важнейших барьеров, препятствующих развитию СОНКО.

Нехватка кадров отчасти компенсируется трудом добровольцев, что является отличительной особенностью социально ориентированных некоммерческих организаций. Так, согласно данным по итогам ежегодного

Таблица 4. Средняя численность добровольцев

Федеральный округ	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2016 год к 2012 году, %
РФ						
всего, тыс. чел.	1416,8	1346,3	2388,2	2493,0	3799,9	268,2
на 1000 чел. нас.	9,88	9,37	16,33	17,0	25,88	261,9
Центральный						
всего, тыс. чел.	206,5	239,8	417,5	564,0	2157,3	1044,6
на 1000 чел. нас.	5,34	6,18	10,72	14,42	55,02	1030,3
Приволжский						
всего, тыс. чел.	168,2	283,5	542,4	519,5	478,6	284,6
на 1000 чел. нас.	5,65	9,53	18,25	17,51	16,15	285,8
Сибирский						
всего, тыс. чел.	599,5	304,4	525,5	435,8	362,6	60,5
на 1000 чел. нас.	31,1	15,78	27,21	22,55	18,76	60,3
Южный (в 2015 году с Крымским)						
всего, тыс. чел.	136,4	138,0	216,3	263,6	214,0	156,9
на 1000 чел. нас.	9,81	9,89	13,27	16,1	13,03	132,8
Северо-Западный						
всего, тыс. чел.	119,7	122,6	191,2	224,0	183,5	153,2
на 1000 чел. нас.	8,73	8,88	13,81	16,17	13,2	151,2
Уральский						
всего, тыс. чел.	88,8	119,3	147,7	148,2	131,2	147,8
на 1000 чел. нас.	7,28	9,75	12,03	12,04	10,63	146,0
Дальневосточный						
всего, тыс. чел.	80,1	78,3	228,5	214,1	104,4	130,3
на 1000 чел. нас.	12,81	12,58	36,79	34,56	16,89	131,9
Северо-Кавказский						
всего, тыс. чел.	17,6	60,4	119,1	123,7	168,3	957,4
на 1000 чел. нас.	1,84	6,3	12,33	12,73	17,22	935,9
Источники: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru ; расчеты автора.						

выборочного обследования СОНКО, проводимого Федеральной службой государственной статистики РФ, темп роста средней численности добровольцев с 2012 по 2016 год составил более 260% (табл. 4).

Данные говорят о все большей вовлеченности населения в деятельность некоммерческих организаций. При этом максимально эффективно работа по привлечению добровольцев осуществляется в Центральном федеральном округе. Центральный регион вполне ожидаемо занимает лидирующие позиции. Традиционно большая часть крупных мероприятий проходит в Москве. Столичные социально ориентированные некоммерческие организации имеют возможность, с одной стороны, организовать мероприятия для представителей региональных СОНКО, с другой – массово привлекать к участию в проектах многочисленных гостей города. Так,

анализ данных по такому показателю, как численность человек, принявших участие в мероприятиях, проводимых СОНКО, позволил выявить следующее. Среднее значение по стране составляет 591,3 чел. на 1000 жителей. В г. Москва, Хабаровском и Пермском краях, Воронежской и Омской областях этот показатель значительно превосходит норму (более 1000 чел.). Самые низкие значения показателя (менее 100 чел.) зафиксированы в Ростовской области, Дагестане, Тыве, Ингушетии и Чеченской Республике.

Вместе с увеличением количества социально ориентированных некоммерческих организаций наблюдается и рост числа потребителей, которым они оказывают услуги. Так, если по данным Росстата в 2012 году СОНКО предоставили социальные услуги 17,6 тыс. чел., то в 2016 году эта цифра выросла почти до 32 тыс.⁷ В соответствии с утвержденным

⁷ Основные сведения о деятельности СОНКО по Российской Федерации за 2012, 2013, 2014, 2015, 2016 годы. URL: <http://www.gks.ru>

порядком населению предоставляются следующие виды социальных услуг⁸:

1) социально-бытовые, направленные на поддержание жизнедеятельности получателей социальных услуг в быту;

2) социально-медицинские, направленные на поддержание и сохранение здоровья получателей социальных услуг путем организации ухода, оказания содействия в проведении оздоровительных мероприятий, систематического наблюдения за получателями социальных услуг для выявления отклонений в состоянии их здоровья;

3) социально-психологические, предусматривающие оказание помощи в коррекции психологического состояния получателей социальных услуг для адаптации в социальной среде, в том числе оказание психологической помощи анонимно с использованием телефона доверия;

4) социально-педагогические, направленные на профилактику отклонений в поведении и развитии личности получателей социальных услуг, формирование у них позитивных интересов (в том числе в сфере досуга), организацию их досуга, оказание помощи семье в воспитании детей;

5) социально-трудовые, направленные на оказание помощи в трудоустройстве и в решении других проблем, связанных с трудовой адаптацией;

6) социально-правовые, направленные на оказание помощи в получении юридических услуг, в том числе бесплатно, в защите прав и законных интересов получателей социальных услуг;

7) услуги в целях повышения коммуникативного потенциала получателей социальных услуг, имеющих ограничения жизнедеятельности, в том числе детей-инвалидов;

8) срочные социальные услуги.

Для регионов России характерна выраженная дифференциация по объему услуг, оказанных социально ориентированными некоммерческими организациями. Так, анализ, основанный на данных Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)⁹, позволил выявить следующее (табл. 5).

В 2016 году в РФ среднее количество потребителей социальных услуг в сфере образования составило 41,3 чел. на 1000 жителей. Самый высокий показатель зафиксирован в Алтайском крае (358,6 чел.), наименьший – в Республике Ингушетии, Ленинградской области, Чукотском АО и Забайкальском крае (менее 2 чел.).

В сфере здравоохранения среднее количество жителей, получивших услуги, оказываемые СОНКО, составило 47,1 на каждую 1000 чел. Значения показателя существенно выше нормы (более 100 чел.) наблюдаются в Забайкальском и Ставропольском краях, Новосибирской, Липецкой, Свердловской, Мурманской, Воронежской, Курской, Иркутской, Ивановской и Брянской областях. В 25 субъектах РФ на 1000 жителей приходится менее одного человека, получившего услуги в сфере здравоохранения.

Социальные услуги в области социальной политики (включая социальное обслуживание) в среднем по России в 2016 году были

Таблица 5. Дифференциация регионов по числу потребителей услуг СОНКО в 2016 году, чел.

Группа/сфера	Социальные услуги в сфере образования	Социальные услуги в сфере здравоохранения	Социальные услуги в области социальной политики
Среднее значение в РФ	41,3 чел. на 1000 жителей	47,1 чел. на 1000 жителей	3 чел. на 1000 жителей
Значение показателя \geq в 2 раза выше среднего по РФ	1 субъект	11 субъектов	11 субъектов
Выше среднего	20 субъектов	8 субъектов	10 субъектов
Ниже среднего	27 субъектов	10 субъектов	15 субъектов
Значение показателя \leq в 2 раза ниже среднего по РФ	39 субъектов	58 субъектов	51 субъект

⁸ Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/fc5ba61658eaba06fc1242940c47c8d070ac6d22

⁹ Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru>

оказаны трем жителям на каждую 1000 чел. Наиболее высокие значения показателя характерны для Чукотского АО (94 чел.), Вологодской области (40 чел.), Ненецкого АО (36 чел.) и г. Севастополя (15 чел.). В 51 субъекте РФ на каждую 1000 жителей приходится менее одного получателя услуг в области социальной политики.

Существенной проблемой для подобного рода анализа стало отсутствие аналогичных данных за предыдущие периоды времени. Это не позволяет оценить динамику происходящих процессов. Однако с учетом внимания к деятельности СОНКО в настоящее время можно надеяться на определенные положительные изменения в государственной системе сбора и предоставления статистической информации. Таким образом, среди субъектов Российской Федерации в числе лидеров преимущественно находятся регионы, относящиеся к Центральному и Приволжскому федеральным округам, которые, в свою очередь, в сумме насчитывают почти половину всех социально ориентированных некоммерческих организаций в России. Социально ориентированные некоммерческие организации, функционирующие в этих регионах, соответственно, аккумулируют большую часть финансовых ресурсов, что также было выявлено в ходе исследования и описано далее.

Привлекая социально ориентированные некоммерческие организации в социальную сферу, региональные власти получают возможность повысить эффективность исполь-

зования выделяемых на эти цели бюджетных средств, обеспечить индивидуальный подход к потребителю, а также через СОНКО открывают доступ к дополнительным ресурсам (грантам, средствам благотворительных фондов, пожертвованиям и пр.). Следует заметить, что речь идет о довольно значительных средствах. Темп роста поступлений денежных средств и иного имущества социально ориентированных некоммерческих организаций в России с 2012 по 2016 год составил 200% (табл. 6).

Источниками формирования денежных средств и иного имущества СОНКО являются поступления из бюджетов всех уровней, государственных внебюджетных фондов, гранты от физических лиц, коммерческих и некоммерческих организаций, доходы от реализации товаров и оказания услуг, доход от целевого капитала, пожертвования, средства и имущество, полученные в порядке наследования. По данным Росстата, наибольшей является доля доходов от реализации товаров, работ и услуг (табл. 7).

Данные по финансовой составляющей деятельности СОНКО вызывают вопросы и сомнения в достоверности у самих представителей некоммерческого сектора. По их мнению, «эти странные цифры» обусловлены тем, что в число СОНКО официально включены и такие организации, как Аналитический центр при Правительстве РФ, ДОСААФ, Фонд развития моногородов и различные правительственные фонды, на долю которых приходится максимальный объем выделяемых средств¹⁰.

Таблица 6. Поступление денежных средств и иного имущества, млн руб.

Федеральный округ	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2016 год к 2012 году, %
РФ	414074	516422	648504	686861	831892	200,90
Центральный	149159	219420	287394	302881	381047	255,46
Приволжский	95139	88974	101022	109586	134597	141,47
Уральский	39609	42672	65157	70783	89245	225,32
Южный (в 2015 году с Крымским)	22592	38363	33570	34802	65744	291,01
Сибирский	40920	41534	56738	62697	59475	145,35
Северо-Западный	36766	44455	49161	59258	54702	148,78
Дальневосточный	17333	26911	39275	29144	29980	172,96
Северо-Кавказский	12556	14093	16188	17710	17102	136,20

Источник: Основные сведения о деятельности СОНКО по Российской Федерации за 2012, 2013, 2014, 2015, 2016 годы. URL: <http://www.gks.ru>; расчеты автора.

¹⁰ Официальный сайт Комитета гражданских инициатив. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3410>

Таблица 7. Источники формирования поступлений СОНКО, % от общего объема

Источник формирования поступлений	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год
Доходы от реализации товаров, работ, услуг, имущественных прав (кроме доходов от целевого капитала)	35,9	37,4	32,6	32,9	30,6
Поступления (включая пожертвования) от российских коммерческих организаций, за исключением дохода от целевого капитала	18,2	13,8	19,0	18,3	20,9
Поступления (включая пожертвования), гранты от российских физических лиц, за исключением денежных средств и иного имущества, полученного по завещанию в порядке наследования	14,7	12,9	13,1	14,1	15,8
Бюджеты (федеральный, субъектов, муниципальный)	15,2	17,0	14,5	13,2	10,5
Прочие	16,0	18,9	20,8	21,5	22,2
Всего	100	100	100	100	100

Источник: Основные сведения о деятельности СОНКО по Российской Федерации за 2012, 2013, 2014, 2015, 2016 годы. URL: <http://www.gks.ru>

В соответствии с законом органы государственной власти и местного самоуправления оказывают поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям в приоритетном порядке. Меры государственной поддержки СОНКО не ограничиваются финансовой составляющей, хотя размер и количество субсидий, выделяемых на конкретные проекты СОНКО, увеличиваются с каждым годом. Растет и число субъектов РФ, которые реализуют программы поддержки СОНКО, в том числе благодаря субсидиям, выделяемым Минэкономразвития, Минтруда, Росмолодежью¹¹. Органы власти оказывают также имущественную, информационную, консультационную поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям. Так, на федеральном и региональном уровнях функционирует единая автоматизированная информационная система поддержки СОНКО, расположенная на официальном сайте Минэкономразвития. Кроме этого, ресурсная помощь содержится на порталах Минкультуры, Минтруда, Минюста России.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что важным условием активного развития регионов являются более полное использование их внутреннего потенциала и поиск путей оптимизации процессов при реализации мер

¹¹ Ежегодный доклад Минэкономразвития РФ о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Files/NewsDocuments/00f4f693-0547-47a2-809a-ad190e0dcb90.pdf>

региональной политики, в том числе налаживание взаимодействия государства и других субъектов экономической деятельности. Для того чтобы социально ориентированные некоммерческие организации стали полноправными эффективными партнерами государства в решении социальных проблем, необходимы тщательный анализ их функционирования в регионах и продуманная политика по их развитию. В настоящее время в России складывается четкая правовая основа их функционирования, принимаются меры государственной поддержки СОНКО в регионах, которая осуществляется под пристальным вниманием федерального центра. Происходящие события отражают в большей степени модель формирования институтов гражданского общества «сверху вниз». На наш взгляд, это вовсе не означает, что Россия идет «неправильным» путем. По мнению историка и политолога Я. Пляйса, «... с течением времени государство (и само, и под влиянием общества) передавало все больше своих функций и обязанностей самодеятельным структурам граждан. Чем своевременнее это делалось, тем в большем выигрыше оказывалось и государство, и общество» [24, с. 65]. Развитие социально ориентированных некоммерческих организаций идет довольно быстрыми темпами, что подтверждается увеличением как количества СОНКО, так и численности населения, вовлеченного в их деятельность. Преобладающими сферами деятельности СОНКО являются образование, здравоохранение и социальное обслуживание, однако в разрезе субъектов РФ имеются определенные различия как по составу, так и по

объему оказываемых услуг. Вместе с тем пока сложно говорить о значительном и достаточном вкладе организаций «третьего» сектора в социально-экономическое развитие.

Кроме того, в настоящее время аспект влияния социально ориентированных некоммерческих организаций на развитие регионов недостаточно изучен с экономической точки зрения. Для оценки их конкретного вклада в экономику представляется целесообразным разработать единую методику, основанную на общедоступных показателях и применимую к различным территориям. Так, представляется возможным использовать данные по количеству СОНКО, численности

штатных работников, количеству добровольцев, объему привлеченных средств для расчета интегрального показателя, который позволит сравнить и ранжировать регионы по уровню развития социально ориентированных некоммерческих организаций, а также определить проблемные зоны и скорректировать систему управления функционированием СОНКО в регионах. Методика оценки вклада СОНКО в экономику регионов позволит выявить, проанализировать и взять на вооружение наиболее успешный опыт взаимодействия органов региональной государственной власти и социально ориентированных некоммерческих организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ускова Т.В. Пространственное развитие территорий: состояние, тенденции, пути снижения рисков // Проблемы развития территории. 2015. № 1 (75). С. 7–15.
2. Невейкина Н.В. Актуальные тенденции социально-экономического развития российских территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 7 (286). С. 22–28.
3. Груздева М.А. Социально-культурная подсистема как фактор повышения региональной устойчивости: монография; под науч. рук. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 152 с.
4. Копытова Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: проблемы и перспективы развития: монография; под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. 174 с.
5. Reichard Ch. Der «Dritte Sektor», Ansätze zur Strukturierung eines Forschungsbereiches. *Zeitschrift für öffentliche und gemeinwirtschaftliche Unternehmen*, 1988, bd. 11., h. 1, s. 75–81.
6. Hall P.D. *Historical Perspectives on Nonprofit Organizations in the United States. The Jossey-Bass Handbook of Nonprofit Leadership and Management* (eds D.O. Renz, R.D. Herman). Hoboken, N. J., USA: John Wiley&Sons, Inc., 2016. 832 p. DOI: 10.1002/9781119176558
7. Archambault E. Historical roots of the nonprofit sector in France. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2001, vol. 30, no. 2, pp. 204–220.
8. MacDonald N., L.T. de Borms. *Philanthropy in Europe. A rich past, a promising future*. London: Alliance Publishing Trust, 2008. 304 p.
9. Гаврилова И.Н. Третий сектор и гражданское общество в России: проблемы становления и развития / Полития. 2003. № 3. С. 70–84.
10. Якимец В.Н. Некоммерческие организации России: динамика роста, проблемы развития, место и роль в реформе социальной сферы. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Yakimez_N_org_R.pdf
11. Salamon L.M. [et al.]. *Global civil society*. Baltimore: Johns Hopkins University, Center for Civil Society Studies, 1999. 512 p.
12. Pennerstorfer A. Die volkswirtschaftliche Bedeutung gemeinnütziger Organisationen in Österreich. *Der öffentliche Sektor – The Public Sector*, 2016, no. 42 (2), pp. 7–13.
13. Shumate M. [et al.]. The Nonprofit Capacities Instrument. *Nonprofit Management and Leadership*, 2017, no. 2, pp. 155–174.
14. Некоммерческий сектор экономики и инновационное развитие региона / В.К. Крутиков [и др.]. Калуга: ООО «Полиграф-Информ», 2013. 236 с.
15. Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение. Сер. «Мониторинг гражданского общества». Вып. VI. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 196 с.

16. Kirschner M. *Effektivitätsmessung in NPOs*. Universität Potsdam, 2008. 21 p.
17. Zappala G., Lyons M. Recent approaches to measuring social impact in the Third sector: an overview. *CSI Background Paper*, 2009, no. 6. 24 p.
18. Willems J., Boenigk S., Jegers M. Seven trade-offs in measuring nonprofit performance and effectiveness. *Voluntas*, 2014, no. 25, pp. 1648–1670.
19. Mihaltan D.C. [et al.]. Analysing the financial effectiveness of the nonprofits. Case study on health nonprofits. *Procedia Economics and Finance*, 2015, no. 26, pp. 367–374.
20. Тарханова Е.Г. Методы оценки эффективности деятельности некоммерческих организаций // Известия ИГЭА. 2011. № 4 (78). С. 110–114.
21. Волгунина В.Н. Особенности анализа финансового состояния некоммерческой организации // Некоммерческие организации в России. 2011. № 3. URL: www.nkor.ru/articles/2011/3/5373.html
22. Тарасенко А.В. Некоммерческий сектор в странах Европейского Союза и России в контексте трансформации государства благосостояния. СПб.: Норма, 2015. 224 с.
23. Заболотная Г.М., Ларионов А.В. Региональные практики институционализации негосударственных поставщиков социальных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 72–91.
24. Пляйс Я. Возникновение и этапы развития гражданского общества // Обозреватель. 2007. № 5. С. 65–75.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артамонова Анна Станиславовна – инженер-исследователь отдела редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: bushmanova@vscc.ac.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-32.

Artamonova A.S.

THE FUNCTIONING OF SOCIALLY-ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN RUSSIAN REGIONS

An important prerequisite for active development of Russian regions consists in the fullest use of their internal potential; therefore it becomes necessary to find opportunities for effective and mutually beneficial cooperation between public authorities and other actors of economic activity. Socially oriented non-profit organizations are considered to be important partners in addressing socially important issues. Their functioning is currently under close attention of the government and the scientific community, but this issue has not been sufficiently studied with regard to the subjects of the Russian Federation. In this regard, the goal of the present paper is to assess the status and functioning of socially oriented non-profit organizations in Russian regions. To achieve this goal, it is planned to review the key features of the functioning of such organizations in the regions and to analyze statistical indicators of the federal districts of the Russian Federation related to the activities of socially oriented non-profit organizations. The study revealed an increase in the number of organizations of the “third” sector, the number of people involved in their activities, as well as the volume of cash and property receipts. Analysis of the number of people employed in socially oriented non-profit organizations shows that the most preferred employers are those who provide services in the fields of education and health; but in general, the share of those who work in the non-profit sector is small. At the same time, the growth rate of the number of volunteers from 2012 to 2016 was more than 260% across the country.

In the course of studying the sources of income of money and property, we found that, despite the growing support from the government, socially oriented non-profit organizations receive the greatest income from the sale of goods and the provision of services.

Non-governmental non-profit organizations, "third" sector, socially oriented non-profit organizations, Russian regions.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artamonova Anna Stanislavovna – Research Engineer at the Department of Editorial-and-Publishing Activity and Science-Information Support. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: bushmanova@vscc.ac.ru. Phone: +7(8172) 59-78-32.

Качество жизни и человеческий потенциал территорий

DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.5
УДК 330.16 | ББК65.261.94(2Рос)

© Белехова Г.В.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ОСМЫСЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ

БЕЛЕХОВА ГАЛИНА ВАДИМОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: belek-galina@yandex.ru

Актуальность обращения научного познания к проблематике экономического поведения населения обусловлена не только признанием ведущей роли человеческого фактора в обеспечении роста национального богатства, но и активным использованием теоретических и прикладных разработок многочисленных исследований по данной тематике в реальной экономической практике – в деятельности Всемирного банка, в развитых и развивающихся странах при проведении социально-экономической политики. Стоит отметить и присуждение нобелевских премий по экономике американскому экономисту Г.С. Беккеру «за распространение сферы микроэкономического анализа на целый ряд аспектов человеческого поведения и взаимодействия, включая нерыночное поведение» (1992 год), англо-американскому экономисту А. Дитону «за анализ проблем потребления, бедности и социального обеспечения» (2015 год), чикагскому профессору Р. Талеру «за вклад в изучение поведенческой экономики» (2017 год). Предметом исследования в данной статье является осмысление и уточнение дефиниции категории «экономическое поведение населения», используемой в экономических исследованиях. Подчеркивается, что распространение междисциплинарного синтеза привело к размытию понятия исследуемой категории, появлению отличающихся по сути и наполнению трактовок. Целью статьи является обоснование авторского подхода к пониманию категории «экономическое поведение населения», который соответствует неоклассической парадигме экономической науки. При выполнении исследования использованы общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение). Систематизированы теоретические представления о сущности экономического поведения населения и моделях человека, используемых в качестве инструмента изучения данного явления; обозначены основные подходы к изучению экономического поведения, вы-

Цитата: Белехова Г.В. Экономическое поведение населения: осмысление категории // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 68–83. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.5

Citation: Belekova G.V. Economic behavior of the population: understanding the category. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 5 (97), pp. 68–83. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.5

делены их особенности; рассмотрен вопрос о главном компоненте поведения – рациональности. Отличительной чертой выполненного исследования является отход от междисциплинарного синтеза в понимании экономического поведения населения и обращение к чисто экономическому определению данной категории, которое соответствует преобладающей в экономике неоклассической традиции и позволяет учесть ключевые аспекты поведения, отсеять «внеэкономические» переменные (эмоции, настроения, традиции, другие внешние факторы) и создать пригодную для анализа и прогнозирования описательную или математическую модель поведения. Полученные результаты могут быть использованы при обосновании теоретико-методологических основ в ходе проведения исследований экономического поведения населения.

Экономическое поведение, междисциплинарный синтез, экономическая теория, модель человека, рациональность.

С конца XX века в отечественной политической, научной и общественной среде особую пристальную внимание уделяется человеческому фактору – вопросам повышения человеческого потенциала и особенностям использования человеческого капитала для обеспечения прогрессивного и устойчивого социально-экономического развития территорий [1, с. 7–8]. Такое внимание обусловлено тем, что, согласно оценкам экспертов Всемирного банка, «в структуре национального богатства всех стран мира доля физического капитала составляет в среднем 16% общего богатства, природного капитала – 20%, а человеческого – 64%» [2, с. 3]. В контексте исследований человеческого фактора активно изучаются вопросы адаптации поведения населения к постоянно трансформирующейся социально-экономической реальности. Также актуальным становится сбор информации о тенденциях и траекториях экономического поведения населения, о направлениях и механизмах регулирования поведенческих актов людей, что позволит использовать человеческий ресурс для формирования нового институционального пространства инновационной экономики и создаст условия для смены патерналистской модели поведения («ожидание помощи от государства») на модель активной адаптации («учусь жить и развиваться сам») [3, с. 6–7].

Все эмпирические исследования должны опираться на стройный теоретико-методологический фундамент. Однако обзор научной литературы по экономике показал, что многие аспекты исследования экономического

поведения населения по-прежнему остаются дискуссионными. В частности, не выработано единого понимания категории «экономическое поведение населения», а следовательно, существует проблема произвольного наполнения данной категории, подстроенного под конкретные исследовательские нужды. Иными словами, даже в русле экономической науки сосуществуют многообразные исследовательские парадигмы, которые создают отличающиеся по сущности и наполнению модели экономического поведения населения. Одновременно другие общественные дисциплины (например, социология, психология) привносят свою специфику в формирование представлений об экономическом поведении населения. В результате складываются разнообразные вариации междисциплинарного понимания экономического поведения населения, которые зачастую абстрагируются от «родовых» признаков поведения человека, принятых в мейнстриме экономической теории. Подобная полиморфность подходов осложняет разработку адекватного методологического и методического инструментария анализа экономического поведения населения, а также мешает получению целостного представления о действенных механизмах и инструментах воздействия на поведение населения.

В данной статье предпринята попытка систематизировать теоретические представления о сущности экономического поведения населения и выработать авторский подход к пониманию данной категории, который может быть использован при проведении эм-

пирических исследований по методологии экономической науки. Для достижения цели были изучены представления о человеке и его поведении как субъекта экономики; систематизированы основные экономические, социологические и психологические подходы, исследующие экономическое поведение населения. Также рассмотрен вопрос о главном компоненте поведения – рациональности, которая во многом определяет различия между обозначенными подходами. На основании проведенного анализа обоснован авторский подход к пониманию категории «экономическое поведение населения», сформулированный в рамках неоклассической экономической традиции.

Рассуждения о человеке и поведении

Человек, с одной стороны, существо биологическое, неотъемлемая часть природного мира, живой организм, имеющий генетически обусловленные потребности в выживании, самосохранении и продлении рода. С другой стороны, «человек есть существо общественное, принадлежащее социальной целостности» [4, с. 17], осваивающее и преобразующее предметный мир и мир социальных отношений, удовлетворяя тем самым свои социальные и биологические потребности. Являясь одним из элементов общественной системы и непосредственно экономической жизни, человек обладает особой формой реализации своих ценностных, трудовых, материальных, социокультурных, биологических и других потребностей и установок – экономическим поведением.

Экономическое поведение населения – предмет исследований и обобщений в первую очередь экономической науки. Именно она занимается изучением той сферы «человеческих действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния» [5, с. 56]. Как подчеркивал Л. Роббинс, «именно формы, которые принимает человеческое поведение, когда необходимо распорядиться редкими ресурсами, составляют единый предмет экономической науки» [6, с. 18].

В экономике, как и в других науках, изучающих человеческое поведение (психология, демография, социология, антропология и проч.), термин «поведение» употребляется наряду с категориями «деятельности», «действия» и «активности», хотя перечисленные понятия не идентичны и различаются по смысловому наполнению. Основу человеческого существования составляет активность, подразумевающая динамику, изменение, т. е. какой-либо процесс [7, с. 74]. Деятельность складывается из активности субъекта в ходе его взаимодействия с окружающим миром [8, с. 82]. Единицей деятельности является действие – форма активности, предполагающая воздействие, изменение действительности, т. е. это «осмысленный (сознательный) акт деятельности» [7, с. 74–75]. Деятельность сознательна, целенаправленна и структурна:

- деятельность – это внутренняя (психологическая) и внешняя (физическая) активность, регулируемая сознанием [9, с. 78];
- деятельность есть совокупность взаимосвязанных актов (действий), направленных на достижение цели и побуждаемых потребностей [10, с. 18];
- деятельность имеет четко определенную структуру, которая может быть представлена в виде схемы: потребность – установки – цели и мотивы (осознанные побуждения к цели) – способ – действие – результат¹.

Деятельность в научном смысле «выражает сущность человеческой активности и свойственна только человеку. Ее содержание – это процессы распредмечивания, т. е. освоения предметного мира, и опредмечивания как творчества» [4, с. 19]. Совокупность сознательных действий, предпринятых преднамеренно и осмысленно для достижения определенной цели, составляет поведение человека.

¹ Подробнее: Калачикова О.Н., Корчагина П.С. Основные тенденции самосохранительного поведения населения региона // Проблемы развития территории. 2012. № 5. С. 72–82; Шушунова Т.Н. Самосохранительное поведение студенческой молодежи: социологический анализ (на примере минских вузов). Минск: Право и экономика, 2010. 115 с.; Елкина О.С. Поведение личности в организационной среде: теоретический анализ // Вестник Омск. ун-та. Серия «Экономика». 2011. № 4. С. 72–77.

Иными словами, поведение является внешней формой проявления деятельности [7, с. 76], «непосредственно наблюдаемой деятельностью»², «лично ориентированной формой и способом осуществления деятельности» [11, с. 60]. Поведение «возникает в результате взаимодействия человека и среды»; оно «всегда есть результат личностного выбора, всегда непосредственно связано с отношением субъекта к объекту деятельности» [7].

Непосредственно категория «экономическое поведение населения» органически сложилась в ходе становления экономической науки. Однако по мере развития экономического знания основное внимание уделялось непосредственно субъекту поведения – человеку и его характерным чертам, тогда как вопрос формирования общепризнанной дефиниции самой категории «экономическое поведение населения» оставался за рамками научных изысканий. По существу, исследователи опирались на интуитивное понимание данной категории.

Первые рассуждения об экономическом поведении человека представлены в трудах классиков экономической мысли. А. Смит в «Теории нравственных чувств» и «Исследовании о природе и причинах богатства народов» излагает мысль о том, что «в хозяйственной жизни человек ведет себя определенным специфическим образом, и этот тип поведения является основой всей системы экономических отношений» [12, с. 16]. По мнению А. Смита, в основе поведения лежит стремление «улучшить свое положение» (накопление богатства, обеспечение себя предметами потребления, наличие возможности для отдыха, обладание политической или гражданской властью); при этом человек выбирает не максимально оптимальное решение, а лучшее в сравнении с предыдущим. Делая выбор, человек руководствуется собственными суждениями и интересами, т. е. проявляет эгоизм в отношениях с другими людьми (хотя и допускает оглядку на общественные потребности и со-

циально-исторический контекст поведения), и использует механизмы обмена (торговли) для координации своих действий с другими участниками системы общественных взаимоотношений. Взгляды А. Смита, по сути не являясь концепцией, фиксируют «модель поведения человека, ориентированного на следование частному интересу и на сотрудничество на основе взаимной выгоды» [12, с. 28], достаточно близко приближенную к реальному поведению людей.

И. Бентам, родоначальник утилитаризма, считал, что ценность поведения для человека определяется полезностью результата, а основными двигателями поведения выступают удовольствие (счастье) и страдания. Ориентиром человеческого поведения, по мнению ученого, является поиск «наибольшего счастья для наибольшего числа людей». Иными словами, «общественное благо встраивается в границы индивидуального интереса» [13, с. 30] – «способность поставить общественное благо в приоритет над своим частным интересом, оставаясь в рамках индивидуального свободного выбора, есть одновременно вершина рациональности и этический идеал утилитаризма» [13, с. 31]. Таким образом, в качестве основополагающих характеристик поведения человека определялись расчетная рациональность (расчет долгосрочных и общественно значимых последствий действий), произвольность и гедонизм индивидуальных целей (последовательное сведение всех мотивов к достижению удовольствия и избеганию огорчений), однородная шкала предпочтений.

Дж. С. Милль, последователь учения И. Бентама, предлагает иной взгляд на поведение человека, который он отразил в книге «О предмете политической экономии и о методе исследования, ей присущем». Милль ограничивает мотивацию человека некими хозяйственными целями («стремлением обладать богатством»), вводит максимизационный («как можно большее количество богатства с наименьшими затратами труда и самопожертвования») [14, с. 56] и когнитивный («оценка эффективности альтернативных средств достижения цели») [15, с. 660] прин-

² Кравченко А.И. Социология: учеб. пособие. М.: Академия, 1997. 62 с.

ципы деятельности. Другим словами, он формирует модель реального поведения человека, которая видится ему «некой абстрактной конструкцией, лишь до некоторой степени приближенной к реальному положению дел» [15, с. 660], т. е. которая специально сконструирована при помощи метода абстрагирования.

По мере развития экономической науки, как и других общественных дисциплин, возникали новые взгляды на модель человека и его поведение (табл. 1)³. Сама по себе модель выступает инструментом исследования, элементом используемого метода познания, предполагая упрощенное представление реальной ситуации, фиксацию только тех свойств явления и аспектов реальности, которые наиболее значимы для исследователя (или конкретной отрасли знания), и абстрагирование от остальных. Объединяющими для всех подходов являются неизменные компоненты модели человека: 1) мотивы и цели экономической деятельности человека; 2) ресурсы, используемые для достижения целей; 3) информация о процессах и явлениях, определяющая способы использования имеющихся ресурсов.

Экономический подход (чисто экономическая теория) создает своеобразные рамки, защищающие экономическое поведение населения от «эмпирической сложности мира» [17, с. 122] – политических, правовых, религиозных, культурных, социальных и прочих факторов. Междисциплинарные подходы, основанные на симбиозе экономической и социологической или экономической и пси-

хологической традиций, исходят из других моделей человека и предполагают (каждая со своей спецификой), что человек иррациональный, всегда является частью группы и соотносит свое поведение с другими ее членами, изменяет модели своего поведения в зависимости от социально-экономической ситуации, традиций и общественных норм, психофизиологических характеристик.

В данном контексте необходимо отметить, что зачастую исследования строятся именно на синтезе экономического, социологического и психологического подхода, объединяя не только аналитические инструменты данных наук, но и вводимые в определение «экономического поведения» допущения. Это ведет к более реалистичным, но менее систематизированным и теоретичным обобщениям – «чем меньше факторов принимается в рассмотрение, тем более определенный теоретический результат (объяснение или прогноз) можно получить, но расстояние между теоретическим выводом и реальным поведением моделируемых экономических субъектов может оказаться слишком большим» [18, с. 12].

Нельзя не согласиться с мнением американского экономиста лауреата Нобелевской премии по экономике 1992 года Г.С. Беккера⁴ о том, что «экономический подход уникален по своей мощи, ... он способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения... Экономический подход предлагает плодотворную унифицированную схему для понимания всего человеческого поведения ... является всеобъемлющим и применим ко всякому человеческому поведению» [19, с. 28–48]. Поэтому в исследованиях, проводимых в рамках «доминирующей ныне неоклассической концепции» [20, с. 26], при построении модели человека используются положения именно «чистой экономической теории», которые лаконично систематизировал В.С. Автономов [21]:

⁴ Нобелевская премия присуждена Г.С. Беккеру «за распространение сферы микроэкономического анализа на целый ряд аспектов человеческого поведения и взаимодействия, включая нерыночное поведение». Беккер применил экономические методы для анализа человеческого поведения.

³ Более подробно с ними можно ознакомиться в работах: Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. М.: Наука, 1993. 176 с.; Автономов В.С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19151770> (дата обращения 25.05.2018); Верховин В.И. Экономическое поведение как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 120–126; Желаяева С.Э. Методологические принципы исследования поведения человека в экономике // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 1 (93). С. 179–187; Радаев В.В. Экономическая социология: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2005. 603 с.; Кузина О.Е. Экономико-психологическое моделирование финансового поведения населения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 3. С. 83–105.

Таблица 1. Подходы к исследованию экономического поведения населения

Школы	Особенности подхода	Модель человека
Экономический подход (чисто экономическая теория)		
<ul style="list-style-type: none"> – классическая экономическая теория (А. Смит, Д. Рикардо, Бентам, Дж.С. Милль); – маржинализм (У.С. Джевонс, К. Менгер, Л. Вальрас); – кейнсианство (Дж.М. Кейнс, Дж. Хикс); – монетаризм (М. Фридман, И. Фишер, А. Шварц, К. Бруннер, Ф. Модильяни); – неоклассика (А. Маршалл, П. Самуэльсон); – институционализм и неоинституционализм (Т. Веблен, У. Митчелл, Дж.Р. Коммонс, Дж.К. Гэлбрейт) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Характерно различное наполнение процесса экономического выбора и поведения, однако подавляющее большинство едино в понимании сущности экономического поведения как процесса перебора альтернатив с целью выбора рационального варианта, т. е. варианта, в котором минимизируются издержки и максимизируется выгода. 2. Характерно стремление создать некую модель поведения, которая максимально была бы приближена к реальному поведению человека в хозяйственной жизни и могла бы поддаваться оцифрованию (количественному выражению). 3. Активное использование методов абстрагирования, обработки статистических данных, построения формализованных моделей. 4. Отличия состоят в различном понимании и соотношении характеристик человека: <ul style="list-style-type: none"> – независимость (индивидуализм, атомизированность или агрегированность); – эгоистичность (степень ориентации на собственный интерес); – рациональность (полная, ограниченная, иррациональность); – информированность (доступ к информации); – предпочтения и ограничения 	<p>В методологии экономической науки для анализа поведения используется модель экономического человека («homo economicus») и разные ее вариации. Наибольшее распространение получила модель REMM (Resourceful, Evaluating, Maximizing Man) – «изобретательный, оценивающий, максимизирующий человек». Данная модель экономического человека представляет его как константу, обладающую неизменным набором рационально выбранных потребностей, задач, стремлений, и предполагает, что человек по поводу извлечения полезности из экономических благ и удовлетворения своих потребностей ведет себя рационально [16], не зависит от социального окружения*</p>
Междисциплинарный экономико-социальный подход		
М. Вебер, Э. Дюркгейм, С. Линденберг	<ol style="list-style-type: none"> 1. При построении модели поведения человека учитывается влияние социальной и культурной среды на принимаемые им решения. 2. Характерна предпосылка об ограниченной рациональности и изменчивости предпочтений. 3. Характерно использование структурно-функционального подхода, при котором индивид рассматривается как исполнитель социальных ролей, регулируемый в своем поведении действием общественных санкций и ролевых ожиданий, и методологического дуализма, предполагающего сочетание групповых интересов и предпочтений индивидов (в противоположность методологическому индивидуализму экономической теории) 	<p>Для анализа используется модель SRSМ (Socialized, Role-Playing, Sanctioned Man), предложенная С. Линденбергом, – это «человек социализированный, исполняющий роли, его поведение санкционировано обществом». Логика модели такова: общество структурировано в виде множества ролей, обладающих определенными характеристиками, и индивиды адаптируются к этим ролям. Знание ролей позволяет в определенной степени предвидеть поведение окружающих. Но поведение человека необходимо контролировать, поскольку некоторые индивиды могут отклоняться от исполнения ролей. Позже С. Линденбергом была введена вторая модель социального человека – OSAM (Opinionated, Sensitive, Acting Man) – «имеющий собственное мнение, восприимчивый, действующий человек». Согласно этой модели, человек имеет мнение относительно разных сторон окружающего его мира. Он восприимчив, но действует в соответствии со своим мнением. При этом он не имеет ничего общего с экономическим человеком, т. к. у него отсутствуют изобретательность и ограничения**</p>
Междисциплинарный экономико-психологический подход		
<ul style="list-style-type: none"> – экономическая психология (Г. Тард), – психологическая экономика (Дж. Катона), – поведенческая экономика или бихевиоризм (Д. Канеман, А. Тверски, Р. Талер, Г. Саймон, Дж. Хекман, Р. Шиллер, Дж. Акерлоф, Ж. Тироль, Д. Макфадден) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Индивид рассматривается в комплексе его психологических и эмоциональных характеристик, тем самым признается иррациональность поведения. 2. Исследовательский интерес вместо количественной стороны сконцентрирован на изучении внутренних (лично-психологических) мотивов поведения, причин отклонения поведения от оптимальных (рациональных) моделей. 3. Предпочтения человека вариативны (изменчивы), формируются в процессе взаимодействия между людьми 	<p>В психологической экономике психологические переменные добавляются к существующим экономическим моделям с целью улучшения предсказательной силы этих моделей, в поведенческой экономике трансформируются сами модели</p>
<p>Источник: составлено автором. * Общая социология: учеб. пособие / под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2008. 654 с. ** Вольчик В.В. Лекции по институциональной экономике. Модели поведения человека в институциональной экономике. URL: http://institutional.narod.ru/lectures/lecture4.htm (дата обращения 17.04.2018).</p>		

1) экономический человек находится в ситуации ограниченных ресурсов;

2) выбор экономического человека определяют предпочтения (субъективные потребности; достаточно устойчивы) и ограничения (объективные возможности; более вариативны и изменчивы);

3) экономическому человеку свойственен индивидуализм в принятии решений (т. е. ориентация на собственный интерес);

4) осуществляя выбор, экономический человек способен сравнивать имеющиеся альтернативы;

5) экономический человек обладает ограниченной информацией (не все возможные альтернативы известны; информация изменчива во времени), что требует издержек на ее обработку;

6) выбор экономического человека является рациональным;

7) экономический человек может совершать ошибки, которые являются случайными, а не систематическими.

Между тем, проводимые в XX–XXI вв. исследования неоднократно показывали, что для обычных людей принятые «допущения» не свойственны, и решения они принимают преимущественно не рационально, а интуитивно, допуская систематические ошибки. Как отмечает д-р экон. наук И.Н. Дрогобыцкий, «...в неоклассической экономической теории homo economicus описан как существо не только рациональное, но гиперрефлексивное: мало того, что оно наделено упорядоченными предпочтениями, феноменальной памятью, способностью вычислять вероятности наступления различных событий и сопоставлять их при осуществлении выбора, оно еще органически не способно действовать по наитию, совершать ошибки, оценивая наиболее желательный из доступных вариантов, и выносить логически противоречивые суждения... Но отмеченные добродетели нетипичны для большинства людей ...» [20, с. 30]. Именно аспект рациональности стал «краеугольным камнем» в споре неоклассической концепции рационального выбора и поведенческой экономики.

К вопросу о рациональности поведения: взгляд неоклассики и поведенческой экономики

Термин «рациональность» имеет различные толкования. Во многих общественных науках рациональное поведение трактуется ближе к обыденному его пониманию и означает «разумное», «адекватное ситуации», «объективно способствующее сохранению или выживанию» [21]. В экономической литературе рациональность определяется как последовательный отбор лучших вариантов на пути к достижению возможно большей чистой пользы. Другими словами, среди возможных альтернатив действия человек выбирает те, которые, согласно его ожиданиям, наилучшим образом соответствуют его интересам и целям при условии определенности ограничений внешней среды [22; 23]. При этом особых требований к содержанию (рациональности) самой цели не предъявляется.

Антитезой экономически рациональному выступает иррациональное, или неадаптивное, поведение, т. е. непоследовательное и не соответствующее интересам индивида. «Непосредственной причиной экономически иррационального поведения должна быть когнитивная несостоятельность субъекта» [21].

Можно выделить следующие модели поведения, не укладывающиеся в рамки классической рациональности [16]:

- нравственное – следование ценностям, в основе которых лежит система убеждений и представлений человека, независимо от возможных последствий;
- нормативное – следование норме, стандарту социального поведения, заложенному культурной традицией и неподвластному рационализму;
- иерархическое – следование сложившимся в обществе или группе властным отношениям;
- эмоциональное – эмоциональная реакция человека от простого эмоционального проявления до бурного «выплеска»;
- интуитивное – следование в процессе принятия решений способности чувствовать

имеющиеся логические цепочки связей и таким образом находить правильное с точки зрения индивида решение;

– неосознанное – следование определенным, выработанным в ходе жизненного опыта принципам, привычкам, правилам.

В реальной жизни рациональность субъектов экономического поведения зачастую оказывается неполной и выражается в виде низкой склонности к «расчетливости», к «просчитыванию» возможных выгод и издержек от принятия решений. «Несклонность к расчетливости» может быть обусловлена наличием «внешних информационных ограничений» (ситуаций недостатка информации, ее масштабности или сложности) и факторов, связанных со спецификой предшествующих экономических систем, национальным менталитетом, общественными традициями, а также факторов природно-географического и культурного характера [24].

Согласно парадигме неоклассической микроэкономической теории поведение человека понимается как рациональный выбор между различными альтернативами в условиях дефицита ресурсов [25, с. 32]. В теории ожидаемой полезности (Дж. Нейман и О. Моргенштерн) – наиболее известной неоклассической теории – объясняется, что люди принимают решения исходя из полезности выбранной альтернативы и вероятности наступления этого альтернативного события [26]. Они способны абстрагироваться от влияния социальных, культурных и психологических факторов, обладают необходимой информацией, расчетливы, независимы от общественных интересов и ориентированы на собственные желания и максимизацию индивидуальной полезности. При этом люди действуют в системе предпочтений и ограничений. Предпочтения относятся к внутренним мотивам поведения и неизменны в краткосрочной перспективе, а

ограничения – к внешним стимулам и достаточно переменчивы⁵. В конечном итоге, обладая совершенной осведомленностью, рациональный и корыстный homo economicus выберет ту альтернативу, которая принесет ему наивысшую ожидаемую полезность. Как можно заметить, подобная рациональность ориентирована на результат и строится на упрощенных шаблонах поведения.

Эмпирические знания, полученные социологами и психологами в ходе экспериментов и полевых исследований, во многом опровергают неоклассическую концепцию рационального выбора. «Выявлено, что люди часто используют когнитивные эвристики и, соответственно, принимают решения, которые не служат их собственным интересам и не максимизируют социальное благосостояние» [25, с. 31–32]. В частности, почему происходят международные финансовые кризисы и «потребительские паники», если, согласно неоклассической концепции рационального выбора, экономические агенты ведут себя рационально, рынки эффективны и способны к адекватной саморегуляции? Эти и подобные рассуждения поставили под сомнение обоснованность модели рационального выбора и явились причиной появления и развития альтернативной поведенческой экономики, активно подключившей к рассмотрению психологические наработки с целью увеличить объяснительную силу экономической науки. Первым наиболее известным оппонентом стал Г. Саймон с его концепцией ограниченной рациональности (Simon, 1955, 1957). Идея Саймона заключается в том, что люди не ищут оптимального решения, а довольствуются первым удовлетворительным решением; критерии удовлетворения зависят от их субъективного взгляда на проблему. По мнению исследователя, рациональность индивидов ограничена прежде всего име-

⁵ «Предполагается, что на поведение человека можно систематически влиять изменением стимулов-ограничений (например, объемы автомобильного трафика более эффективно и быстрее могут быть снижены за счет увеличения цен на топливо, нежели путем призывов к автовладельцам уменьшить использование автомобиля в интересах экологической ситуации или ради собственного здоровья)» (Soukup A., Maitah M., Svoboda R. The Concept of Rationality in Neoclassical and Behavioural Economic Theory. Modern Applied Science, 2015, vol. 9, no. 3. Available at: https://www.researchgate.net/publication/276676364_The_Concept_of_Rationality_in_Neoclassical_and_Behavioural_Economic_Theory).

ющейся у них неполной и несовершенной информацией (несовершенная осведомленность), их когнитивными способностями и количеством свободного времени. В ситуации сложного выбора люди удовлетворяются достаточной (несовершенной) информацией, упрощают свои решения и выбирают удовлетворительное (но не оптимальное) решение [27; 28].

Начало современной поведенческой экономике как междисциплинарной области исследований, посвященных особенностям человеческого восприятия, формирования предпочтений и поведенческих эвристик и влиянию этих особенностей на принимаемые решения, положили Д. Канеман и А. Тверски [29, с. 8]. Именно они обнаружили такие общепризнанные явления, как несклонность к потерям (loss aversion), точка отсчета (reference point), эффект наделенности (endowment effect), ментальный учет (mental accounting), ставшие теоретическим конструктом теории перспектив [29, с. 9]. В своих работах (Thaler, 1980⁶), (Kahneman and Tversky, 1974⁷) они наглядно продемонстрировали, как теория перспектив (Kahneman and Tversky, 1979⁸) может применяться для описания и объяснения целого ряда решений, не вписывающихся ни в какие канонические теории рационального экономического выбора [26; 29, с. 10].

Современный исследователь, находясь в дискуссионном поле противостоящих концепций и ориентируясь на свои исследовательские задачи, стоит перед выбором наиболее приемлемой для него точки зрения. На наш взгляд, несмотря на высокую степень абстрактности рациональной модели человека, конструируемой в рамках неоклассической традиции экономической теории, она может успешно использоваться при исследованиях

экономического поведения населения, поскольку обладает хорошими обобщающими и прогнозными свойствами, пригодна для математизации и количественного выражения через агрегированные показатели.

Весьма кстати будет привести рассуждения М. Фридмана из статьи «Методология позитивной экономики» (1953), где он защищает неоклассическую теорию от критики и обвинений в редуccionизме и ложных предположениях. Как поясняет ученый, «максимизация полезности не означает, что любой человек на самом деле пытается это сделать, но предполагает, что результат его поведения такой же, как если бы он действовал таким образом... Теория – инструмент прогнозирования, а не зеркало реальности. Таким образом, эффективность теории не следует оценивать на основе того, насколько реалистичны ее предпосылки; напротив, эффективность теории должна быть доказана путем проверки практичности гипотез, разработанных с ее помощью, в действительности» [25, с. 33–34; 30, с. 14].

Значимым преимуществом использования «рациональной модели» является ее применимость к большим выборкам, что обусловлено более универсальной и менее трудоемкой схемой социологических исследований (а именно анкетный опрос вместо фокус-групп, экспертных обсуждений, экспериментов и прочих методов сбора информации, на которых основывается поведенческая экономика). Неоклассика и соответствующая ей «рациональная модель» нацелены на поиск шаблонов в поведении больших групп людей, на выявление внятных факторов, влияющих на поведение населения, и на разработку универсальных приемов административного воздействия, способных сориентировать граждан на принятие индивидуально и общественно оптимальных решений. Подобную цель преследует и поведенческая экономика, однако внимание к психологическим и когнитивным факторам зачастую «размывает» общие тренды, в результате чего выявляемые особенности и закономерности поведения

⁶ Thaler R.H. Toward a positive theory of consumer choice. Journal of Economic Behavior & Organization. 1980, vol. 1, no. 1, pp. 39–60.

⁷ Kahneman D., Judgement Under Uncertainty: Heuristics and Biases. Science, New Series, 1974, vol. 185, no. 4157, pp. 1124–1131. Available at: http://psiexp.ss.uci.edu/research/teaching/Tversky_Kahneman_1974.pdf

⁸ Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk. Econometrica, 1979, vol. 47, no. 2, pp. 263–291.

применимы для малых групп населения, подобных по характеристикам экспериментальным группам⁹.

Термин «экономическое поведение»

Наличие вышеобозначенных подходов к пониманию сущности экономического поведения населения обусловлено «различными исследовательскими традициями, исторически сложившимися в разных науках, а также различными представлениями о человеке»¹⁰. Бесспорна лишь суть экономического действия, формирующего экономическое поведение: «каждое действие, предполагающее затрату времени и редких ресурсов для достижения какой-либо цели, подразумевает тем самым что они не будут использованы для достижения другой цели. Такое действие имеет экономический аспект» [6, с. 17]. При этом представители разных общественных наук (в том числе и экономисты) понимают, что «экономическое поведение населения попадает под влияние разнообразных «факторов беспорядка». Ф. Энгельс писал по поводу данного рода зависимости: «человеческая деятельность в первую очередь имеет те последствия, на которые люди рассчитывают, но во вторую и третью очередь – уже совсем другие, непредвиденные последствия, которые часто уничтожают значение первых» [31, с. 495–496]. Другими словами, «осознанные намерения людей далеко не всегда согласуются с их реальным поведением» [4, с. 19], поскольку попадают под воздействие биологических, физических, психологических, социокультурных, политических и прочих факторов.

Ключевое различие сложившихся подходов к пониманию и исследованию экономического поведения состоит в том, что чисто

⁹ При этом мы не отрицаем, что в зарубежной практике, в том числе в деятельности Всемирного банка, результаты исследований поведенческих экономистов активно используются при проведении политики, направленной на подталкивание людей к принятию «нужных» решений (Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье: пер. Е. Петрова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 240 с.).

¹⁰ Радаев В.В. Экономическая социология: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2005. 603 с.

экономическая теория использует модель человека для «исследования результатов выбора в экономической сфере, а не самого выбора как процесса», тогда как междисциплинарные подходы концентрируются на внутренних составляющих поведения: междисциплинарный экономико-социологический подход учитывает действие общественных интересов, ценностей и социальных взаимодействий, а междисциплинарный экономико-психологический подход включает в модель специфические склонности и психические свойства индивидов. Междисциплинарные подходы ориентированы на объяснение и предсказание поведения населения, тогда как экономический подход стремится изучить изменение конкретных агрегатных показателей экономического поведения индивидов.

Объективно в реальной жизни человек осуществляет экономические действия в контексте сложившихся в обществе производственных, распределительных и социальных отношений, которые задают «правила игры» и систему ограничений, вносящие существенные коррективы в его планы и намерения на различных этапах реализации поставленных целей. В конечном итоге человек выбирает приемлемую для него модель экономического поведения из достаточно ограниченного числа возможностей. Взвешивая выгоды и издержки каждого из вариантов экономической активности (связанной с добыванием, распределением, обменом и потреблением различных благ), оценивая свои потенциальные и реальные возможности, человек совершает свой экономический выбор.

Поскольку поведение включает и экономические, и неэкономические (социальные, психологические, культурные, общественные) аспекты, сложно сконструировать однозначную трактовку понятия «экономическое поведение населения» (табл. 2).

Согласно логике научного исследования, дефиниция любого экономического явления должна, во-первых, четко и корректно определять набор критериев или параметров его выделения среди других экономических категорий, во-вторых, однозначно прописывать

Таблица 2. Подходы к трактовке категории «экономическое поведение населения»

Автор	Определение
Экономический подход (чисто экономическая теория)	
М. Вебер	Экономическое действие (поведение) – это цивилизованный (мирный) способ контроля над ресурсами со стороны субъекта, который, осуществляя его, субъективно и сознательно ориентируется на соображения выгоды
В.Л. Макаров	Экономическое поведение – рациональное поведение в мире ограниченных ресурсов и безграничных потребностей, когда необходимо постоянно принимать альтернативные решения
Н.Д. Кондратьев	Экономическое поведение – «те действия и поведенческие акты, которые реализуют экономический интерес или опосредованно трансформируются в таковой»; «бесконечные цепочки актов», которые «осуществляются в процессе удовлетворения человеческих потребностей или направлены на создание условий и средств для их удовлетворения ... с учетом различных схем мотивации – рациональной, утилитарно-прагматической, гедонистической, эмоционально-аффективной, традиционной, нормативно-императивной и т. п.»
Междисциплинарный экономико-социальный подход	
П.А. Князев	Экономическое поведение – социальный процесс, обусловленный сочетанием рациональных и подсознательно-иррациональных мотиваций людей, детерминированных как особенностями менталитета и ценностными ориентациями, так и факторами социальной, политической, экономической ситуации в обществе и личной экономической ситуации индивида
А.В. Пацула	Экономическое поведение субъектов (индивидов, групп, коллективов, организаций, классов, общностей, обществ, цивилизаций) представляет собой подвижную и развивающуюся совокупность специфицируемых образов социального действия/бездействия, воспроизводимых, ориентированных и направленных на достижение определенных результатов в сфере хозяйственной жизни
Междисциплинарный экономико-психологический подход	
Т.В. Огородникова	Экономическое поведение – это форма взаимодействия субъектов экономики с окружающей средой, возникающая в результате рефлексии над природными и социальными процессами. Результаты экономического поведения воплощаются в субъективных и объективных качественных оценках благосостояния индивидов
А.Л. Журавлев, В.П. Позняков	Экономическое поведение – это поведение, обусловленное экономическими стимулами. Оно предполагает различные формы активности субъектов, которые проявляются внешне в отношении различных экономических объектов
Ю.Д. Красовский	Экономическое поведение – это определенное поведение людей, которое проявляется как рационально-эмоциональный результат их «Я-выбора» тех или иных поступков и линий поведения с учетом собственных интересов
Источник: составлено автором.	

его экономическое содержание, что во многом значимо, например, в случае разработки правительственных документов, направленных на регулирование данного явления. Однако одновременно необходимо учитывать бесспорное многообразие целей исследования и управления, исходных концепций и теоретических предпосылок, применяемых методик и инструментов анализа, что естественным образом затрудняет выработку консолидированной и универсальной дефиниции того или иного экономического явления.

Современная экономическая наука характеризуется состоянием мультипарадигмальности, отсутствием методологического единства при некотором доминировании в объяснении и прогнозировании экономических явлений положений неоклассической ортодоксии. Поэтому наибольшее распространение получило понимание экономического поведения индивидов как рационального

поведения, в ходе которого они «максимизируют полезность при стабильном наборе предпочтений и накапливают оптимальные объемы информации и других ограниченных ресурсов на множестве разнообразных рынков» [19, с. 48].

В отличие от социологии, психологии, политологии, антропологии и других общественных наук, предлагающих свой взгляд на сущность человеческого (и, в частности, экономического) поведения, подход экономической науки (т. е. доминирующей в экономической теории неоклассической традиции) концептуально однороден и уникален, поскольку «он способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения» [19, с. 31]. Такая его способность обусловлена используемыми предпосылками (допущениями):

– «стремление к максимизации полезности или богатства любым агентом» [32, с. 49];

– «существование рынков, с неодинаковой степенью эффективности координирующих действия разных участников» [19, с. 31];

– стабильность предпочтений (не по отношению к рыночным товарам или услугам, а к основополагающим объектам выбора, к фундаментальным аспектам жизни людей – здоровье, самореализация, престиж, чувственные наслаждения, добродетель и проч.) во времени и их схожесть у людей, принадлежащих к разным группам, обществам и культурам [19, с. 31; 32, с. 49].

В результате такой «чисто экономический» подход становится применим к любым аспектам человеческой жизнедеятельности – «... к ценам денежным и теневым; к решениям, повторяющимся и однократным; к целям, эмоционально нагруженным и нейтральным; к поведению богачей и бедняков, пациентов и врачей, бизнесменов и политиков, учителей и учащихся» [19, с. 36]. Благодаря принимаемым допущениям, экономическая наука «не проводит концептуального разграничения между решениями важными и малозначащими, скажем, такими, которые касаются вопросов жизни и смерти, с одной стороны, и выбора сорта кофе – с другой; или между решениями, пробуждающими ... сильные эмоции и эмоционально нейтральными (например, выбор супруга или планирование количества детей в противоположность покупке красок); или между решениями людей с неодинаковым достатком, образованием или социальным происхождением» [19, с. 35].

Поэтому, абстрагируясь от акцентов на тех или иных предпосылках, формирующих экономическое поведение населения (максимизация, рациональность, информированность и др.), мы предлагаем подход к пониманию сущности «экономического поведения населения» в рамках неоклассической традиции экономической теории. Согласно принятой позиции, экономическое поведение населения представляет собой систему процессов (активностей и действий), связанную с использованием ограниченных ресурсов и ориентированную на получение максимальной субъективной выгоды от удовлетворения

потребностей (т. е. на максимизацию ожидаемой полезности).

Принимая такой подход, к экономическому поведению мы можем отнести как вполне закономерные действия (покупка продуктов, выбор банка для открытия вклада, смена места работы и проч.), так и, казалось бы, «внеэкономические» активности (выбор учебного заведения для получения профессии или повышения квалификации; принятие решение о регулярных занятиях спортом и т. д.). Весьма наглядно обширную применимость экономического подхода отразил Г.С. Беккер. Согласно его рассуждениям, «человек может быть заядлым курильщиком или пренебрегать физическими упражнениями из-за поглощенности своей работой, причем не столько потому, что он пребывает в неведении относительно возможных последствий или не способен к переработке имеющейся у него информации, сколько потому, что отрезок жизни, которым он жертвует, представляет для него недостаточную ценность, чтобы оправдать издержки, связанные с воздержанием от курения или с менее напряженной работой» [19, с. 38]. Интересным представляется его видение преступной деятельности через призму экономического подхода к толкованию поведения. «Преступная деятельность – такая же профессия, которой люди посвящают полное или неполное рабочее время, как и столярное дело, инженерия или преподавание. Люди решают стать преступниками ... потому, что ожидают, что «прибыль» от преступлений будет превосходить «прибыль» от занятия иными профессиями... Экономический подход предполагает, что преступления совершаются в основном менее состоятельными людьми не вследствие отчуждения, а из-за недостатка общего образования и профессиональной подготовки, что уменьшает для них «прибыль» от легальных видов деятельности» [19, с. 41–42].

Обобщая вышеизложенное, следует особо подчеркнуть, что неоклассика выступает своего рода «нормативным идеалом» в экономической теории, а поведенческая экономика – пока еще альтернатива доминирующей неоклассической концепции. Доказательства

того, что люди не ведут себя неоклассически, не подрывают экономическую теорию, так же как и поведенческая экономика не опровергает ключевые положения неоклассики об определяющих экономическое поведение предпочтениях и ограничениях, об альтернативных издержках, о стремлении людей к улучшению своего материального благополучия и их ориентации преимущественно на собственные интересы [33, с. 46]. В принципе «даже самые фундаментальные поведенческие модели отнюдь не бесспорны, хотя бы в силу сложности тестирования их предсказаний» [29, с. 16].

В заключение обозначим ключевые выводы исследования.

1. Через экономическое поведение субъектами реализуется способность соотносить свои предпочтения и потребности, свои экономические знания и мировоззренческие установки с реальной хозяйственной практикой для решения тех или иных социально-экономических задач. Полнота реализации субъектами своих сущностных сил и моделей экономического поведения в конечном счете свидетельствует о мере их включенности в экономическую деятельность [3, с. 44].

2. В связи с перманентными трансформациями общественной жизни и хозяйственной деятельности предлагаемые общественными науками теоретические конструкты категории «экономическое поведение населения» оказываются достаточно абстрактными и неспособны в полной мере отразить все многообразное содержание поведения и формирующих его факторов. Поэтому априори невозможно создать единую теорию, которая заменила бы реальную хозяйственную практику и смогла бы отразить все аспекты экономиче-

ского поведения населения. Выход состоит в выборе с учетом целей, поставленных исследователем, некоторого подхода (экономического, социологического, антропологического, психологического и т. д. или междисциплинарного) и создании на его предпосылках (допущениях) абстрактных моделей, с той или иной степенью условности и достоверности описывающих экономическое поведение индивидов.

3. По сравнению с подходами других общественных наук, подход экономической науки с позиции доминирующей в ней неоклассики наиболее концептуально однороден и универсален, поскольку имеет вполне конкретные предпосылки (о стабильности предпочтений, рациональности выбора и влиянии рынка), позволяет «отрешиться» от учета неэкономических (и зачастую трудно измеряемых) переменных, способен эффективно аккумулировать приемы анализа и достижения иных дисциплин, обеспечивает создание пригодных для анализа и прогнозирования описательных и математических моделей поведения.

4. По итогам проведенного исследования нами предлагается подход к пониманию категории «экономическое поведение населения», сформулированный в соответствии с неоклассической концепцией экономической науки. Согласно принятой позиции под экономическим поведением населения предлагается понимать форму активности человека, его осознанную деятельность в производственной сфере, направленную на субъективную оптимизацию результатов (максимизацию ожидаемой полезности) вследствие соотнесения имеющихся предпочтений и ограниченных ресурсов с возможными вариантами их использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности. Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.
2. Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 195 с.
3. Шабунова А.А., Белехова Г.В. Экономическое поведение населения: теоретические аспекты: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 34 с.

4. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / под рук. В.А. Ядова. 2-е расш. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
5. Маршалл А. Принципы политической экономии: пер. с англ. Р.И. Столпера. Т. 1. М.: Прогресс, 1983. 415 с.
6. Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 10–23.
7. Елкина О.С. Поведение личности в организационной среде: теоретический анализ // Вестник Омск. ун-та. Сер. «Экономика». 2011. № 4. С. 72–77.
8. Категории материалистической диалектики в психологии: сб. ст. / отв. ред. Л.Н. Анцыферова. М.: Наука, 1988. 224 с.
9. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. 256 с.
10. Овсянников А.А., Петтай И.И., Римашевская Н.М. Типология потребительского поведения. М.: Наука, 1989. 240 с.
11. Негруль В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации // Вестник ВГУ. Сер. «Философия». 2015. № 4. С. 58–68.
12. Чаплыгина И.Г. «Экономический человек» Дж.С. Милля и А. Смита: методологический аспект // Научные исследования экономического факультета. 2015. Т. 7. Вып. 2. С. 15–27. URL: <https://archive.econ.msu.ru/sys/gaw.php?o=3642&p=attachment> (дата обращения 17.04.2018).
13. Сушенцова М.С. Утилитаризм И. Бентама и Дж.С. Милля: от добродетели к рациональности // Вестник СПбГУ. Экономика. 2017. Т. 33. Вып. 1. С. 17–35.
14. Философия экономики. Антология / под ред. Д. Хаусмана; пер. с англ. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. 520 с.
15. Иваницкий В.П., Александров С.А. Формирование поведенческих финансов как закономерный этап эволюции модели человека в экономике // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 3. С. 658–671.
16. Желаева С.Э. Методологические принципы исследования поведения человека в экономике // Вестник Тамб. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2011. № 1. С. 179–187.
17. Елкина О.С. Сущность и особенности формирования экономического поведения // Вестник Омск. ун-та. 1999. № 3. С. 120–124.
18. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01. М., 1995. 33 с.
19. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
20. Дрогобыцкий И.Н. Поведенческая экономика: сущность и этапы становления // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 1. С. 26–31.
21. Автономов В.С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19151770> (дата обращения 25.05.2018).
22. Любченко В.С. Экономическое поведение: методология социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2007. № 2. С. 60–64.
23. Розмаинский И.В. Посткейнсианский анализ характеристик человеческого поведения в условиях макроэкономических, технологических и институциональных изменений // Журнал институциональных исследований. 2009. Т. 1. № 1. С. 43–56.
24. Розмаинский И.В. «Homo Post-Soveticus»: основные характеристики экономического поведения с точки зрения институционально-посткейнсианского подхода // Экономический вестник Ростов. гос. ун-та. 2007. Т. 5. № 1. С. 28–40.
25. Mathis K., Steffen A.D. Chapter 3. From Rational Choice to Behavioural Economics. *In European Perspectives on Behavioural Law and Economics*. Switzerland: Springer International Publishing, 2015, pp. 31–48.
26. Soukup A., Maitah M., Svoboda R. The Concept of Rationality in Neoclassical and Behavioural Economic Theory. *Modern Applied Science*, 2015, vol. 9, no. 3. Available at: https://www.researchgate.net/publication/276676364_The_Concept_of_Rationality_in_Neoclassical_and_Behavioural_Economic_Theory (accessed 04.07.2018).
27. Simon H.A. A Behavioral Model of Rational Choice. *The Quarterly Journal of Economics*, 1955, vol. 69 (1), pp. 99–118.
28. Simon H.A. *Models of Man, Social and Rational: Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting*. New York: John Wiley and Sons, 1957. 287 p.

29. Белянин А.В. Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 5–25.
30. Milton F. *Essays in positive economics*. Chicago: University of Chicago Press, 1953. 334 p.
31. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. 827 с.
32. Сушенцова М.С. Рациональность, мораль и экономическая координация: контуры взаимодействия // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9. № 2. С. 46–62. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.2.046-062
33. Altman M. Behavioral Economics, Economic Theory and Public Policy. *Australasian Journal of Economic Education*, 2008, no. 5, pp. 1–55.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белехова Галина Вадимовна – научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: belek-galina@yandex.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Belekhova G.V.

ECONOMIC BEHAVIOR OF THE POPULATION: UNDERSTANDING THE CATEGORY

The relevance of studying the problems of economic behavior of the population is due not only to the recognition of the leading role of the human factor in ensuring the growth of national wealth, but also to the active use of theoretical and applied developments of numerous studies on this topic in real economic practice – in the work of the World Bank, in developed and developing countries when they carry out socio-economic policy. It is worth mentioning some of the Nobel prize winners in economics: American economist G.S. Becker – “for the extension of the sphere of economic analysis to a number of aspects of human behavior and interaction, including non-market behavior” (1992), Anglo-American economist A. Deaton – “for the analysis of problems of consumption, poverty and social security” (2015), and Chicago Professor R. Thaler – “for his contribution to the study of behavioral economics” (2017). The subject of the study in the present article is the understanding and clarification of the definition of the category “economic behavior of the population” used in economic research. It is emphasized that the spread of interdisciplinary synthesis has led to the blurring of the concept of the category under consideration, the emergence of interpretations that are different in essence and content. The goal of the article is to substantiate the author’s approach to the understanding of the category “economic behavior of the population”, which corresponds to the neoclassical paradigm of economic science. General scientific methods (analysis, synthesis, comparison, generalization) were used in the study. We systematized theoretical ideas about the essence of economic behavior of the population and human models used as a tool for the study of this phenomenon; identified the main approaches to the study of economic behavior, highlighted their features; considered the main component of behavior – rationality. A distinctive feature of our study is its departure from the interdisciplinary synthesis in the understanding of the economic behavior of the population and an appeal to purely economic definition of this category, which is consistent with the prevailing economics in the neoclassical tradition and allows taking into account the key aspects of behavior, to exclude “non-economic” variables (emotions, moods, traditions, and other external factors) and to create a descriptive or mathematical model of behavior suitable for the analysis and forecasting. The obtained results can be used to substantiate the theoretical and methodological foundations in the course of studies of economic behavior of the population.

Economic behavior, interdisciplinary synthesis, economic theory, model of human, rationality.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belekhova Galina Vadimovna – Researcher. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: belek-galina@yandex.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ДЕТЕРМИНАНТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ УСЛУГ СЕЛЬСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ

БЫЛИНА СВЕТЛАНА ГЕННАДИЕВНА

Институт аграрных проблем Российской академии наук

Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94

E-mail: iagpran@mail.ru

Цель настоящего исследования – анализ региональных особенностей использования сельским населением средств информационно-коммуникационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей как для получения государственных и муниципальных услуг, так и для приобретения товаров и услуг, а также определение детерминант межрегиональных различий исследуемых параметров в России в целом и в регионах со сходными типологическими признаками. Выполнен пространственный анализ уровня использования сельским населением средств информационно-коммуникационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей для получения различного рода услуг и приобретения товаров. Получено четыре классификационные группы регионов РФ со сходными типологическими признаками: долей сельского населения, воспользовавшегося средствами интернета для получения государственных и муниципальных услуг, а также долей сельского населения, осуществившей приобретение товаров и услуг онлайн. Дана характеристика типологических групп в пространстве социально-экономических и демографических параметров развития регионов. На основе регрессионных моделей оценены роль и влияние экономических, демографических, социальных факторов на динамику процесса информатизации сельских территорий в плане использования возможности получения госуслуг и приобретения товаров в электронном виде в разных типологических группах регионов РФ. Проведены межрегиональные сопоставления, выполнен сравнительный анализ влияния рассмотренных факторов на по-

Цитата: Былина С.Г. Региональные особенности и детерминанты использования электронных услуг сельским населением // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 84–98. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.6

Citation: Bylina S.G. Regional characteristics and determinants of using electronic services among rural population. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 5 (97), pp. 84–98. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.6

ложительную динамику использования средств информационно-коммуникационных технологий для означенных целей сельским населением в каждой типологической группе. Установлено, что при наличии существенной региональной дифференциации при получении сельским населением электронных услуг можно выделить общие объективные факторы, детерминирующие данные процессы. Результаты исследования показали также существенную роль уровня развития человеческого капитала в развитии процесса информатизации российского села. Методы исследования включают кластерный анализ, регрессионное моделирование.

Сельское население, информационно-коммуникационные технологии, государственные и муниципальные услуги, приобретение товаров и услуг, региональная дифференциация.

Введение

Облик современного общества во многом определяют информационно-коммуникационные технологии в связи с переходом в цифровой формат всех сфер жизнедеятельности человека. Однако развитие процесса информатизации идет весьма неравномерно. В России существует значительный разрыв в уровне информатизации между различными регионами страны и по линии город-село, который усугубляется не только отсутствием доступа к техническим средствам, но и невозможностью их использования в силу различных причин. Для сельских территорий данная проблема представляется особо острой. Региональная дифференциация требует соответствующего дифференцированного подхода к решению проблем информатизации сельских территорий. В Концепции региональной информатизации, действующей до 2018 года, одной из основных целей региональной информатизации было заявлено «повышение качества жизни граждан за счет использования информационных и телекоммуникационных технологий»¹. Согласно документу регионам рекомендована разработка собственных региональных программ информатизации по ключевым направлениям социально-экономического развития. К таким направлениям относятся взаимодействие населения с органами государственной

власти и приобретение товаров и услуг с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

В настоящее время через интернет могут быть эффективно реализованы функции многих правительственных и муниципальных учреждений. В Государственной программе «Информационное общество (2011–2020 гг.)»² в качестве одного из индикаторов отмечена доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме (от численности граждан, получивших данные услуги). К 2016 году данный показатель должен достичь 50%. В предыдущей редакции данной Госпрограммы³ одним из индикаторов обозначена доля населения, использующего интернет для заказа товаров и (или) услуг, в общей численности населения. Данный показатель должен был достичь 35% к 2016 году. Возможность использования данных видов услуг в электронном виде для сельского населения трудно переоценить. Сравнительная динамика данных показателей для городского и сельского населения представлена на *рис. 1*.

Очевидно, что процент охвата сельского населения данными инновационными практиками существенно отстает от аналогичного показателя для городского населения РФ. Так, к 2016 году доля сельского населения, использующего интернет для получения го-

¹ Концепция региональной информатизации: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2769-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/Ea8035fPr31.pdf>

² Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313. URL: <http://government.ru/programs/218/events>

³ Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-п. URL: <http://government.consultant.ru/page.aspx?8411;1527297>

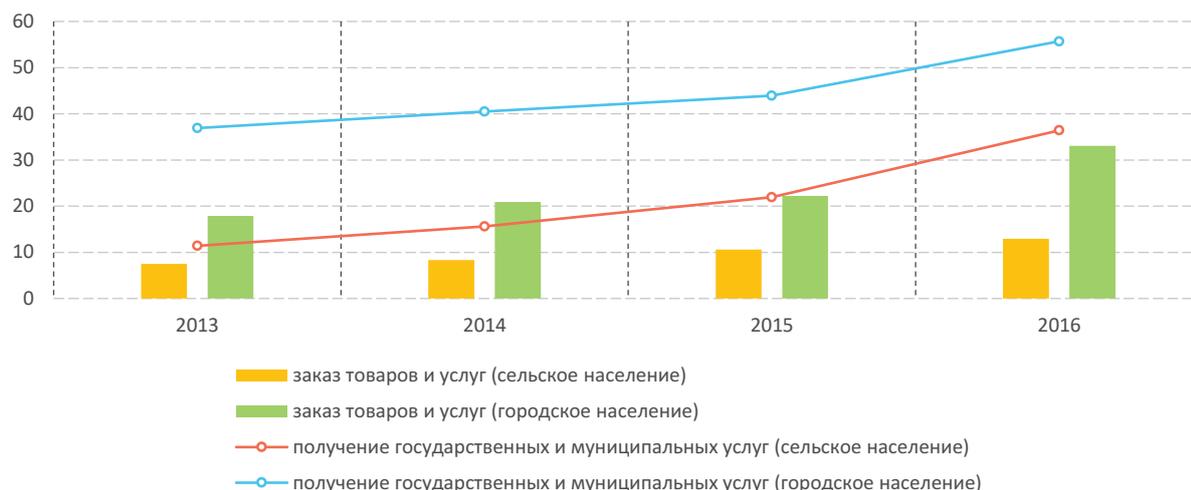

Рис. 1. Динамика доли населения, использующего интернет для получения государственных и муниципальных услуг, а также для приобретения товаров и услуг, % к численности соответствующих групп населения

Источник: Итоги Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html

сударственных и муниципальных услуг, от общего числа получивших данные услуги составила лишь 36,4 против 55,7% для городского населения. Аналогично доля сельских жителей, воспользовавшихся возможностью ИКТ для приобретения товаров и услуг, по данным за 2016 год составила 12,9 против 26,5% среди городского населения РФ [1]⁴. Таким образом, сельское население охвачено данными услугами существенно ниже, чем городское и чем предполагалось по Государственной программе.

Весьма значительна и региональная дифференциация по использованию сельским населением средств ИКТ для означенных целей. Так, по данным за 2016 год лишь пять субъектов РФ преодолели 50% рубеж по доле сельского населения, использующего средства интернета для получения государственных и муниципальных услуг. Это республики Татарстан (74,9%), Чеченская (55,7%), Ингушетия (52,6%), Чувашия (51,9%) и Ставропольский край (56,4%). В то же время в таких регионах как республики Тыва, Карачаево-Черкесская, Адыгея, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, Псковская область, данный показатель не достиг даже 10% [1]⁵. Значи-

тельная дифференциация регионов России наблюдается и по использованию сельским населением интернета для заказа товаров и услуг. Значений данного индикатора, обозначенных в Государственной программе «Информационное общество (2011–2020 гг.)», достигли к 2016 году лишь восемь регионов: республики Калмыкия и Коми, Камчатский край, Мурманская область, Чукотский, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа. Менее 10% сельского населения пользовались данными возможностями средств ИКТ и информационно-телекоммуникационных сетей (ИТС) в республиках Тыве и Чеченской, Брянской и Владимирской областях [1]⁶.

Проблема снижения неравномерности охвата населения услугами современных информационных сетей является в настоящее время весьма актуальной, требует кластерного регионального подхода. Отдельные аспекты данной проблемы освещены в результатах научных исследований российских ученых. Так, Министерством связи и массовых коммуникаций РФ проводится регулярный мониторинг уровня развития информационного общества в субъектах Российской Федерации для достижения целей Концепции региональ-

⁴ Таблицы 4.1, 5.3.

⁵ Таблица 5.7.

⁶ Таблица 4.2.

ной информатизации по 55 показателям, объединенным в 7 подындексов [2, с. 2]. В том числе рассчитываются индексы, характеризующие использование ИКТ для развития (подындексы: электронное правительство, использование ИКТ в домохозяйствах и населением и др.). Институт статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках деятельности Российской кластерной обсерватории регулярно проводит анализ инновационного развития российских регионов на основе комплекса рейтинговых оценок, включающих показатели, характеризующие уровень развития информационного общества. Авторы данной работы сделали вывод об устойчивости неравномерного территориального распределения регионов с разным уровнем инновационного развития [3, с. 13; 24]. Типология регионов РФ по уровню развития информационного общества в Российской Федерации разработана А.М. Носоновым [4, с. 119] на основе величины интегрального индекса развития ИКТ, рассчитываемого по трем группам показателей, в том числе отражающих уровень использования средств ИКТ в домашних хозяйствах. Однако все разработанные типологии регионов РФ носят обобщенный характер и не учитывают специфику развития процессов информатизации сельских территорий.

В связи с этим целью настоящего исследования является эмпирический анализ региональных особенностей использования сельским населением средств информационно-коммуникационных технологий как для получения государственных и муниципальных услуг, так и для приобретения товаров и услуг, а также определение детерминант межрегиональных различий исследуемых параметров для России в целом и для регионов со сходными типобразующими признаками.

Методика исследования

Развитие процесса информатизации является, по мнению исследователей, сложным, многоаспектным, процессом, включающим в себя технические, экономические, политиче-

ские, социальные и этические (общекультурные) факторы [5, с. 41]. В качестве таких факторов рассматриваются показатели развития информационной инфраструктуры и доступа, экономические показатели, отражающие возможности населения использовать средства ИКТ и ИТС, наличие информационных потребностей у пользователей, уровень информированности социума о возможностях информационных технологий, а также когнитивные компоненты, связанные с уровнем образования [6, с. 8]. Исследования влияния ряда перечисленных факторов на использование населением средств интернета проводились как экономико-статистическими, так и социологическими методами в работах отечественных и зарубежных ученых. Так, например, О.В. Волченко с применением регрессионных моделей доказывает детерминированность использования интернета социально-демографическими характеристиками населения в зависимости от типа населенного пункта: возраст, доход, уровень образования [7, с. 170–171]. Социальный портрет интернет-пользователя определен в работе М.Ю. Морехановой, где факторами, определяющими активность сельских жителей в использовании интернет-технологий, названы уровень образования, возраст и сфера занятости [8, с. 174]. Проникновение интернета обуславливают также рядом экономических переменных, таких как ВВП, а также уровнем образования и демографическими факторами (возраст) населения, уровнем урбанизации, показателями развития инфраструктуры (плотность интернет-хоста), факторами затрат, такими как цены на широкополосный Интернет [9, с. 22–23]. Однако целый ряд исследователей справедливо утверждает, что наличие доступа в интернет еще не означает его эффективного использования. Существенную роль в освоении информационных технологий играет качество человеческого капитала. Серьезными проблемами являются низкая компьютерная грамотность населения и слабая система образования [10]. Отмечается, что серьезным препятствием при переходе традиционной экономики в ее циф-

ровую форму является существующий разрыв в цифровых навыках между отдельными группами населения [5, с. 40].

Влияние различных факторов на активность использования населением средств ИКТ и ИТС для получения услуг «электронного правительства» исследовалось в основном зарубежными учеными с применением социологических методов. Установлено, что основными детерминантами данного процесса являются уровень образования, доходов населения [11; 12], а также личностные характеристики [13, с. 254–255]. Ряд исследований показал, что воспринимаемая легкость использования государственных услуг в электронном виде является одним из наиболее значимых факторов использования или восприятия электронного правительства [14, с. 437; 15, с. 192].

Электронная торговля используется во многих странах достаточно давно. Исследования применения средств ИКТ для приобретения товаров и услуг направлены в основном на изучение потребителей: возраст, пол, уровень образования и доходов [16, с. 68–69; 17]. Существенное значение, как отмечают исследователи, имеют бренд товара и положительное отношение к такого рода покупкам, то есть надежность онлайн-приобретений [18, с. 156].

Однако уровень использования информационных продуктов и сервисов в России все еще ниже, чем в странах Евросоюза [19, с. 34], а исследование детерминант региональной дифференциации использования сельским населением средств ИКТ и ИТС для означенных целей проводилось весьма фрагментарно. Настоящая работа является попыткой восполнить данный пробел и состоит из следующих этапов. На первом этапе построена типология регионов РФ по доле сельского населения, использующего средства информационно-коммуникационных технологий для получения государственных и муниципальных услуг в электронном виде и для покупки товаров и услуг. Определены однородные группы регионов со сходными качественными признаками. На втором этапе исследования проведен сопоставительный анализ

уровня использования сельским населением средств ИКТ для получения соответствующих услуг и показателей социально-экономического и демографического развития полученных классификационных групп. В состав факторов, которые могут детерминировать межрегиональные различия по исходным показателям, включены следующие группы переменных, характеризующие, во-первых, демографическую структуру сельского населения субъектов РФ, а также его образовательную структуру, во-вторых, уровень экономического развития региона (валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения, инвестиции на душу населения, величину среднедушевых денежных доходов), в-третьих, уровень развития информационной инфраструктуры и доступа (удельный вес телефонизированных сельских населенных пунктов, число пунктов коллективного доступа в интернет в сельской местности, наличие квартирных телефонов сети общего пользования на 1000 человек сельского населения, долю домохозяйств, имеющих доступ к интернету), кроме того, включены расчетные показатели: плотность расселения (число сельских населенных пунктов на 1 км² территории), а также затраты на информационные и коммуникационные технологии, рассчитанные относительно численности населения.

Проведенный анализ послужил основой для выявления факторов, оказывающих наибольшее влияние на использование сельским населением средств ИКТ для получения государственных и муниципальных услуг, а также приобретения товаров и услуг, на основе оценки регрессионных моделей, включающих демографические, экономические, социальные показатели, как для России в целом, так и для различных типов регионов.

Фактологической основой исследования являются результаты Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей Росстата за 2016 год (ИКТ-2016), а также данные официальных из-

даний Федеральной службы государственной статистики РФ. Единицами отбора обследования ИКТ – 2016 являются частные домашние хозяйства, единицами (объектами) наблюдения – домохозяйства и лица в возрасте от 15 лет и старше – члены этих домохозяйств. Месячный объем выборки при проведении обследования ИКТ составляет около 77 тыс. человек в возрасте 15 лет и старше (приблизительно 30 тыс. домохозяйств), что соответствует 0,06% численности населения данного возраста [1]. Регрессионно-корреляционный анализ осуществлен в пакете статистической обработки данных STATISTICA 10.

Результаты исследования

В качестве типологических признаков для построения классификации взяты следующие:

- доля сельского населения в возрасте от 15 до 72 лет, использовавшего в октябре – ноябре 2016 года возможности ИКТ для получения государственных и муниципальных услуг, от общей численности сельского населения, получившего данные услуги;
- доля сельского населения в возрасте от 15 до 72 лет, совершившего приобретение товаров и услуг в электронном виде за тот же период времени.

Принцип построения классификации основан на сравнении данных по региону со средними значениями соответствующего показателя по РФ. В результате получены четыре классификационные группы регионов РФ, численность и состав которых представлены в *табл. 1*.

К первой классификационной группе отнесены регионы РФ, в каждом из которых значения типобразующих признаков выше, чем в среднем по РФ. Вторую группу составили субъекты РФ со значениями показателя, отражающего долю сельского населения, пользующегося средствами ИКТ для получения госуслуг, выше, чем в среднем по РФ, но при этом со значениями второго показателя во

всех регионах группы ниже, чем по сельской России в среднем. Третья группа регионов РФ является зеркальным отражением второй: доля сельского населения, использовавшего средства ИКТ для приобретения товаров и услуг, выше, чем в среднем по РФ, а для получения государственных и муниципальных услуг, напротив, ниже. Четвертую (самую многочисленную группу регионов) составляют субъекты РФ, в каждом из которых значения обоих типобразующих признаков ниже их средних значений по РФ. Выделенные четыре группы регионов рассмотрены в пространстве социально-экономических и демографических признаков (*табл. 2*)⁷.

Анализ полученных результатов показывает следующее. Приобретение товаров и услуг в электронном виде наиболее активно происходит в регионах третьей и первой классификационных групп. Очевидно, что регионы, отнесенные к данным группам, характеризуются наиболее высокими значениями показателей уровня социально-экономического развития. В регионах, отнесенных к третьей классификационной группе, наблюдаются максимальные средние значения величины валового регионального продукта и размера инвестиций в основной капитал, приходящихся на душу населения, а также величины среднедушевых денежных доходов. Несколько ниже данные показатели в субъектах РФ, отнесенных к первой классификационной группе. Таким образом, высокая активность сельского населения данных регионов в приобретении товаров и услуг вполне закономерна с точки зрения уровня экономического развития и покупательной способности. При этом наблюдается активное использование средств ИКТ для данных целей.

Анализ уровня развития информационной инфраструктуры и доступа в регионах, отнесенных к данным группам, показывает следующее. Доля домохозяйств, имеющих доступ к интернету, выше, чем в среднем по РФ.

⁷ С использованием данных: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.; Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 686 с.; Абдрахманова Г.И., Гохберг Л.М., Ковалева Г.Г. Информационное общество: тенденции развития в субъектах Российской Федерации: стат. сб. Вып. 2. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 160 с.

Таблица 1. Классификация регионов РФ по использованию сельским населением средств ИКТ для получения государственных и муниципальных услуг и приобретения товаров и услуг

Номер группы	Число регионов	Состав групп
1	19	Республики: Алтай, Башкортостан, Ингушетия, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия. Края: Приморский, Ставропольский. Области: Белгородская, Волгоградская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Курская, Новгородская, Ростовская, Ярославская. Ханты-Мансийский автономный округ
2	11	Республики: Северная Осетия – Алания, Чеченская. Краснодарский край. Области: Амурская, Вологодская, Воронежская, Оренбургская, Пензенская, Тамбовская, Тульская, Тюменская
3	19	Республики: Бурятия, Калмыкия, Карелия, Коми, Саха (Якутия). Края: Камчатский, Хабаровский. Области: Кировская, Костромская, Магаданская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Омская, Саратовская, Сахалинская. Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа.
4	33	Республики: Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Крым, Марий Эл, Тыва, Хакасия. Края: Алтайский, Забайкальский, Красноярский, Пермский. Области: Архангельская, Астраханская, Брянская, Владимирская, Иркутская, Кемеровская, Курганская, Ленинградская, Липецкая, Новосибирская, Орловская, Псковская, Рязанская, Свердловская, Самарская, Смоленская, Тверская, Томская, Ульяновская, Челябинская. Еврейская автономная область.

Составлено по: расчеты автора.

Таблица 2. Средние по квалификационным группам значения некоторых социально-экономических параметров

Параметр	РФ	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа
Доля сельского населения, использующего средства интернета для получения государственных услуг, %	36,4	46,7	43,9	20,4	20,6
Доля сельского населения, использующего средства интернета для заказа товаров и услуг, %	19,7	26,1	15,1	32,8	14,9
Величина валового регионального продукта на душу населения, руб.	443951	588766	393669	758168	482024
Инвестиции в основной капитал на душу населения, млн руб.	99812	94419	93161	330565	67206
Среднедушевые денежные доходы, руб./мес.	30744	25607	26351	37543	23714
Плотность расселения (число сельских населенных пунктов на 1 тыс. км ²)	1,1	6,0	5,6	1,1	4,0
Численность сельского населения с высшим образованием, чел. на 1000 чел. населения в возрасте 15 лет и старше	111	115	107	113	104
Численность сельского населения с основным общим образованием, чел. на 1000 чел. населения в возрасте 15 лет и старше	176	169	180	188	186
Доля домохозяйств, имеющих доступ к интернету, %	74,8	75,4	72,9	75,5	71,5
Число пунктов коллективного доступа в интернет в сельской местности на один населенный пункт, шт.	1,1	1,1	1,2	1,0	1,0
Наличие квартирных телефонов сети общего пользования на 1000 человек сельского населения, шт.	88,6	88,2	101,3	109,1	75,0
Затраты на информационные и коммуникационные технологии, тыс. руб./чел.	33,1	26,3	8,5	76,0	13,6
Доля сельского населения в возрасте моложе трудоспособного, %	20,2	19,5	20,0	21,4	20,4
Доля сельского населения в трудоспособном возрасте, %	54,3	54,6	54,0	54,9	53,7

Источник: расчеты автора.

Наибольшие значения данного показателя наблюдаются в регионах третьей группы: Ямало-Ненецком (91,5%) и Чукотском (86,9%) автономных округах, а также Магаданской области (86,3%). Уровень телефонизации сельского населения в регионах первой классификационной группы ниже, чем в среднем по

РФ, а в регионах третьей классификационной группы, напротив, максимальный по РФ. При этом число пунктов коллективного доступа в регионах первой группы весьма велико и в среднем уступает лишь значениям по второй классификационной группе. Следует также отметить, что затраты на информационные и

коммуникационные технологии, рассчитанные относительно численности населения, в регионах третьей группы самые высокие по РФ. Таким образом, уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и доступа в регионах, где сельское население активно использует средства интернета для приобретения товаров и услуг, достаточно высок. Однако следует отметить, что наибольшее значение для осуществления рассматриваемых операций с помощью средств ИКТ имеет наличие возможности индивидуального доступа к интернету, в том числе с использованием стационарных телефонных линий. Демографическая структура населения в регионах первой и третьей групп схожа лишь выше средней по России долей сельского населения в трудоспособном возрасте, то есть в возрасте наиболее высоких покупательных возможностей. Доля сельского населения молодых возрастов в первой классификационной группе существенно ниже среднероссийской, а в третьей группе, напротив, в среднем максимальна среди классификационных групп. Анализ образовательной структуры населения первой и третьей групп показывает выше среднероссийской относительную долю сельского населения с высшим образованием. Регионы, отнесенные к первой классификационной группе, характеризуются также самой низкой по РФ долей населения с основным общим образованием.

Таким образом, активное использование сельским населением средств ИКТ для приобретения товаров и услуг наблюдается в типологических группах регионов, характеризующихся высокими экономическими показателями, достаточно высоким уровнем развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и доступа, значительной долей трудоспособных возрастов в демографической структуре населения и выше среднероссийской долей населения с высшим образованием.

Использование средств ИКТ для получения государственных и муниципальных услуг наиболее активно наблюдается в субъектах РФ, отнесенных к первой и второй класси-

фикационным группам. Вторая группа самая малочисленная и характеризуется невысокими показателями уровня экономического развития регионов. Так, величина валового регионального продукта на душу населения лишь в двух регионах группы выше, чем в среднем по РФ. Это Тюменская и Оренбургская области. Инвестиции в основной капитал на душу населения выше среднероссийских значений лишь в Воронежской, Тамбовской, Вологодской, Тюменской и Амурской областях. И только сельские жители Краснодарского края имеют среднедушевой ежемесячный доход выше среднего по России – 32785 руб. Уровень развития ИКТ инфраструктуры, характеризующийся наличием квартирных телефонов сети общего пользования на 1000 человек населения и пунктов коллективного доступа в интернет в сельской местности, приходящихся на один населенный пункт, выше, чем в регионах первой группы. Однако доля домохозяйств, имеющих доступ к интернету, лишь в четырех регионах группы выше, чем в среднем по сельскому населению РФ: Тульской (79,5%) и Воронежской (78%) областях, Республике Северная Осетия – Алания (76,2%) и Краснодарском крае (75,3%). При этом относительные затраты на информационные и коммуникационные технологии в среднем самые низкие среди классификационных групп. В демографической структуре сельского населения регионов второй группы ниже средних значений по РФ доля населения в молодых и трудоспособных возрастах, что означает высокий процент населения пенсионного возраста. В образовательной структуре населения относительный показатель численности сельского населения с высшим образованием превышает среднероссийское значение. Однако и относительная численность населения с самым низким уровнем образования также существенно выше среднего по РФ, а также выше, чем во всех остальных классификационных группах.

Таким образом, регионы второй классификационной группы с высокой долей сельского населения, использующего средства ИКТ для получения государственных и муници-

пальных услуг, имеют невысокие показатели уровня экономического развития, достаточно развитую информационно-коммуникационную инфраструктуру, однако сравнительно небольшую долю домохозяйств, имеющих доступ к интернету, что может свидетельствовать о высоком уровне затрат на подключение к сети. Регионы первой и второй классификационных групп имеют высокую относительную численность населения с высшим образованием и низкую долю сельского населения в возрасте моложе трудоспособного.

Четвертая классификационная группа является самой многочисленной и в своем составе содержит регионы РФ, в которых показатели долей сельского населения, использующего средства ИКТ и для получения государственных и муниципальных услуг, и для приобретения товаров и услуг, ниже их средних значений по РФ. Регионы группы характеризуются низкими значениями показателей экономического развития. Так, величина валового регионального продукта, приходящегося на душу населения, лишь в 11 регионах из 33 выше среднего значения по РФ. Инвестиции в основной капитал на душу населения в 5 регионах группы превышают среднероссийские значения. И только в Архангельской и Курганской областях среднедушевые денежные доходы населения превышают их средние значения по РФ. Регионы группы характеризуются также низким уровнем развития информационно-коммуникационной структуры и доступа. Доля домохозяйств, имеющих доступ к интернету, лишь в 6 регионах из 33 выше, чем в среднем по РФ. Это Свердловская (77,3%), Ленинградская (77,1%) области, республики Карачаево-Черкесская (77%) и Тыва (76,2%), Псковская (75,8%) и Астраханская (75,2%) области, а также Республика Адыгея (75,1%). Относительные затраты на информационно-коммуникационные технологии несколько выше, чем во второй классификационной группе, но ниже, чем в первой и третьей. Образовательная структура населения характеризуется низкой относительной численностью населения с высшим образованием, но, напротив,

весьма высокой его относительной численностью с основным общим образованием. В демографической структуре населения самая низкая среди классификационных групп доля трудоспособной части сельского населения, но выше средней по России доля молодых возрастов.

Следует отметить, что регионы первой и второй группы, характеризующиеся активным использованием средств ИКТ для получения государственных услуг, имеют достаточно высокую плотность расселения (число сельских населенных пунктов на 1000 км²), в то время как регионы третьей классификационной группы содержат в своем составе такие малонаселенные территории, как Магаданская, Сахалинская области, Республика Саха (Якутия). Камчатский край, Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа с большой площадью территории и малым числом сельских населенных пунктов, что имеет существенное значение для развития информационно-коммуникационной структуры и доступа. Компактность расселения благоприятствует развертыванию телекоммуникационной инфраструктуры.

Таким образом, использование сельским населением интернета для приобретения товаров и услуг характерно для групп регионов с высоким уровнем экономического развития и покупательной способности населения. Получение государственных и муниципальных услуг с использованием средств ИКТ более обусловлено качественными характеристиками сельского населения. Разработанная классификация регионов РФ послужила основой для выявления факторов, определяющих межрегиональную дифференциацию сельских территорий по использованию сельским населением средств ИКТ для получения электронных услуг.

Основные детерминанты межрегиональных различий уровня использования сельским населением России информационно-коммуникационных технологий для получения государственных и муниципальных услуг, а также для приобретения товаров и услуг были выделены с использованием ре-

грессионного анализа методом пошаговой регрессии. Модели строились как для России в целом, так и в отдельности для всех типологических групп регионов в системе STATISTICA 10.0. Исходные данные предварительно нормированы и центрированы, что в дальнейшем позволило сравнивать уровень влияния независимых переменных на исходные показатели. В качестве объясняющих переменных взяты показатели, рассмотренные ранее как характеристики выделенных групп регионов РФ по параметрам информационно-коммуникационной инфраструктуры, демографическим особенностям, уровню социаль-

но-экономического развития. Результаты оценки уравнений регрессий представлены в табл. 3 и 4.

Все полученные модели, а также их коэффициенты значимы на 5% уровне, независимо от уровня аппроксимации. Очевидна дифференциация параметров влияния на использование сельским населением средств ИКТ для означенных целей в различных группах регионов.

Модель, полученная на всем массиве данных по РФ (82 региона), демонстрирует положительную зависимость уровня использования средств ИКТ сельским населением для

Таблица 3. Параметры и коэффициенты регрессионных моделей зависимости доли сельского населения, использующего средства ИКТ для получения государственных услуг, от показателей развития региона

Параметр	Коэффициенты				
	РФ	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа
Константа	0,216	2,074	1,057	1,665	1,888
Плотность расселения, число сельских населенных пунктов на 1000 км ²	0,538				
Число пунктов коллективного доступа к интернету в сельской местности, шт.	0,223				
Удельный вес телефонизированных сельских населенных пунктов, %			0,441		
ВРП на душу населения, руб.		0,232	0,719		0,294
Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.	0,216			0,223	
Среднедушевые денежные доходы, руб./мес.				0,163	
Численность сельского населения со средним специальным образованием, чел. на 1000 чел. населения в возрасте 15 лет и старше	0,210		0,820		0,160
Численность сельского населения со средним (полным) общим образованием, чел. на 1000 чел. населения в возрасте 15 лет и старше		-0,452	-0,517		
Численность сельского населения с основным общим образованием, чел. на 1000 чел. населения в возрасте 15 лет и старше				-0,207	-0,234
Доля домохозяйств, имеющих доступ к интернету, %					0,503
Коэффициент множественной детерминации	0,540	0,639	0,838	0,720	0,713

Источник: расчеты автора.

Таблица 4. Параметры и коэффициенты регрессионных моделей зависимости доли сельского населения, использующего средства ИКТ для приобретения товаров и услуг, от показателей развития региона

Параметр	РФ	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа
Константа	0,586	1,830	0,066	6,258	0,416
Плотность расселения, число сельских населенных пунктов на 1000 км ²		0,133		0,150	
Наличие квартирных телефонов сети общего пользования на 1000 чел. сельского населения, шт.	0,290	0,273			0,105
Число пунктов коллективного доступа в интернет в сельской местности, шт.				0,059	
Доля сельского населения в трудоспособном возрасте, %	0,310				
Доля сельского населения в возрасте моложе трудоспособного, %	0,204			2,674	
Инвестиции в основной капитал на душу населения, млн руб.		1,453			0,934
Среднедушевые денежные доходы, руб./мес.	0,348				
Численность сельского населения со средним профессиональным образованием, чел. на 1000 чел. населения в возрасте 15 лет и старше			0,177		
Коэффициент множественной детерминации	0,651	0,742	0,565	0,825	0,507

Источник: расчеты автора.

получения государственных и муниципальных услуг от развития инфраструктуры ИКТ в виде пунктов коллективного доступа в интернет в сельской местности, показателя инвестиционной привлекательности регионов, а также образовательной структуры населения. Более высокий уровень образования позволяет легче осваивать инновационные практики. Навыки поиска информации, работы в интернете, безусловно, необходимы для получения государственных услуг в электронном виде. Сельчане, не обладающие подобными навыками, вынуждены неоднократно посещать госучреждения, в то время как через портал соответствующие услуги могут быть оказаны с наименьшими издержками. Самым значимым фактором, согласно полученной модели, является плотность расселения, то есть численности населенных пунктов, приходящаяся на 1000 км². Более плотное расселение благодаря развитию сотовых сетей и технологий мобильной передачи данных позволяет операторам сотовой связи, с помощью которой большая часть сельчан выходит в интернет, обеспечить услуги связи и доступа в интернет даже в отдаленных районах.

Модель, полученная для регионов первой, самой благополучной, группы, в качестве детерминант уровня использования сельским населением средств ИКТ для получения госуслуг определяет уровень экономического развития региона и образовательную структуру населения. Рост доли населения с более низким уровнем образования оказывает негативное воздействие на развитие процесса информатизации.

Наиболее значимым фактором влияния на использование сельским населением средств ИКТ для получения государственных услуг в регионах второй классификационной группы является относительная численность населения со средним специальным образованием. Существенное влияние на изучаемые процессы оказывает уровень экономического развития региона (ВРП на душу населения) и несколько меньшее – уровень телефонизации сельских населенных пунктов. В третьей классификационной группе регионов уро-

вень активности сельского населения в получении государственных услуг в электронном виде, согласно полученной модели, определяется инвестиционной привлекательностью регионов, уровнем доходов сельского населения, относительной долей населения с основным общим образованием. В четвертой, самой неблагополучной, группе регионов низкий уровень использования средств ИКТ для получения государственных услуг определяется, согласно полученной модели, уровнем экономического развития региона и образовательной структурой населения.

Регрессионные модели, отражающие зависимость доли сельского населения, приобретающего товары и услуги с использованием средств ИКТ, от показателей развития региона, хотя и имеют невысокие значения коэффициента множественной детерминации, тем не менее значимы на 5% уровне, как и коэффициенты при переменных, входящих в них.

Согласно зависимости, полученной для всех регионов РФ, активность сельского населения в приобретении товаров и услуг в электронном виде определяется прежде всего уровнем доходов и долей наиболее платежеспособной части населения в его демографической структуре, в несколько меньшей степени – уровнем телефонизации сельских территорий.

Детерминантами процесса осуществления покупок товаров и приобретения услуг в первой группе регионов с активным использованием сельским населением средств ИКТ определен, прежде всего, уровень инвестиционной активности в регионах группы, затем – развитие информационной инфраструктуры и плотность расселения. Для второй группы регионов выявлен лишь один значимый параметр, определяющий уровень использования сельским населением средств ИКТ для означенных целей, – относительная численность населения со средним специальным образованием. В третьей группе регионов, где наиболее активно используются средства ИКТ для приобретения товаров и услуг, наиболее значимым фактором является доля молодых возрастов в демографической

структуре населения. Плотность расселения и уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры также играют детерминирующую роль в развитии данного процесса. В четвертой классификационной группе с самыми низкими значениями рассматриваемых факторов важным параметром влияния на изучаемые процессы выявлена инвестиционная привлекательность регионов. Несколько меньшее влияние оказывает уровень телефонизации сельских населенных пунктов.

Таким образом, при наличии существенной региональной дифференциации при получении сельским населением электронных услуг можно выделить следующие общие объективные факторы, детерминирующие данные процессы. Высокий уровень использования сельским населением средств информационно-коммуникационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей для получения различных видов государственных и муниципальных услуг обусловлен, с одной стороны, уровнем экономического развития и инвестиционной привлекательности региона, с другой – уровнем развития человеческого капитала села, а именно образовательным потенциалом сельского населения. Приобретение товаров и услуг в электронном виде сельским населением детерминируется уровнем развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и доступа, плотностью сельского расселения, а также образовательным потенциалом населения.

Следует отметить, что используемая методика исследования не позволяет рассмотреть в качестве факторов влияния психологические установки сельского населения к использованию средств ИКТ для означенных целей. Между тем проблема готовности сельского населения к информатизации и к использованию получаемых в ходе ее результатов является одной из наиболее значимых и, по мнению специалистов, «обусловлена следующими факторами: низким уровнем компьютерной грамотности населения; недостаточным уровнем информационных по-

требностей и отсутствием желания их развивать; консерватизмом значительной части населения в отношении восприятия нового» [20, с. 52]. Данные выводы подтверждаются результатами Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. Согласно данному исследованию [1]⁸, в 2016 году среди причин отказа сельского населения от использования интернета при получении государственных и муниципальных услуг доминирует предпочтение личного визита и персонального контакта (69,3%), недостаток навыков и знаний отметили 10,6% сельских жителей, получивших госуслуги обычным образом. Аналогично, 55,2% сельских жителей, не использовавших интернет для заказа товаров и услуг, делали это по причине предпочтения личных покупок, а 17,7% не доверяют такого рода приобретениям. Таким образом, человеческий фактор играет существенную роль при определении готовности сельского населения к информационному обществу и требует отдельных социологических исследований. Социологи подчеркивают недостаточность обеспечения только технической и экономической доступности информационных и коммуникационных технологий и необходимость «создания равного доступа к получению умений и навыков для реализации возможностей новых технологий всеми социальными группами сельского населения» [8, с. 174].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Дифференциация регионов РФ по использованию средств информационно-коммуникационных технологий для получения государственных и муниципальных услуг, а также для приобретения товаров и услуг позволяет выделить четыре группы регионов со сходными типологическими признаками.

В субъектах РФ, отнесенных к первой, самой благополучной, классификационной

⁸ Таблицы 4.9, 5.19.

группе, сельское население имеет возможность использовать средства ИКТ и для получения государственных услуг, и для приобретения товаров и услуг. В регионах группы необходимо шире разъяснять сельским жителям возможные выгоды от использования средств ИКТ для означенных целей.

В регионах второй классификационной группы следует отметить работу органов государственной власти и местного самоуправления по привлечению сельского населения к использованию средств ИКТ при получении госуслуг, но низкая активность сельского населения в приобретении товаров и услуг объясняется в том числе и недостаточно высоким уровнем доступа к сети Интернет, а также стоимостью услуг подключения.

Для регионов третьей группы с высоким уровнем использования интернета для приобретения товаров и услуг, но низкой активностью сельского населения при получении госуслуг в электронной форме нужно отметить недоработку органов государственной власти по обеспечению доступности электронных государственных услуг. В Государственной программе «Цифровая экономика» отмечено, что «лишь 10% муниципальных образований отвечают установленным в законодательстве Российской Федерации требованиям по уровню цифровизации»⁹.

В регионах, отнесенных к четвертой классификационной группе, проблема использования средств ИКТ для получения означен-

ных услуг стоит особо остро. Причины, как показало исследование, заключаются как в слабо развитой инфраструктуре связи, технической и финансовой недоступности средств ИКТ для большей части сельского населения регионов данной классификационной группы, так и в низком уровне компьютерной грамотности сельского населения.

Сокращение степени дифференциации регионов РФ по уровню использования сельским населением информационных ресурсов для получения различных видов государственных услуг, а также приобретения товаров и услуг, как показали исследования, возможно в следующих направлениях: увеличение государственных инвестиций в развитие ИКТ и ИТС инфраструктуры, рост информированности сельского населения об имеющихся возможностях в области ИКТ, совершенствование системы обучения навыкам владения средствами ИКТ сельских жителей.

Дальнейшие исследования по данной проблеме должны быть направлены на изучение роли человеческого фактора в готовности сельского населения к информационному обществу.

Полученные результаты могут быть использованы для разработки региональных стратегий развития села и управления развитием сельских территорий, а также для координации региональных концепций и программ информатизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Итоги Федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html (дата обращения 15.01.2018).
2. Мониторинг региональной информатизации: справ. мат-лы // Минкомсвязь России. 2017. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/directions/783> (дата обращения 19.03.2018).
3. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации / Г.И. Абдрахманова [и др.]; под ред. Л.М. Гохберга. Вып. 5. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 260 с.
4. Носонов А.М. Формирование информационного общества в регионах России // Регионология. 2016. № 4. С. 114–126.
5. Осовин М.Н. Анализ текущего состояния и предпосылок к развитию цифровых компонент российской экономики // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем: мат-лы Всерос. школы молодых ученых 2017. Саратов: Изд-во ИАГП РАН, 2017. С. 34–41.

⁹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-п. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events>

6. Пименова Д.В. Информационное неравенство в современном российском обществе: социально-территориальный аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2007. 159 с. URL: <http://www.dissertcat.com/content/informatsionnoe-neravenstvo-v-sovremennom-rossiiskom-obshchestve-sotsialno-territorialnyi-as> (дата обращения 12.02.2018).
7. Волченко О.В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182. DOI:10.14515/monitoring.2016.5.10
8. Мореханова М.Ю. Социальные аспекты распространения информационно-коммуникационных технологий в сельской местности // Никоновские чтения: информатизация в АПК: состояние, тенденции, перспективы: тр. XVII Межд. науч.-практ. конф. М.: Энциклопедия российских деревень, ВИАПИ, 2012. № 17. С. 173–175.
9. Reinartz A. *Digital inequality: An interdisciplinary literature review and future research agenda. Digital Inequality and the Use of Information Communication Technology*. Dissertation Zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Wirtschaftswissenschaften an der Universität Passau, 2016, pp. 12–86.
10. Whitacre B.E. Carlson E., Goss J. *The State of the Urban/Rural Digital Divide*. National Telecommunication and Information Administration, 2016. Available at: <https://www.ntia.doc.gov/blog/2016/state-urban-rural-digital-divide>
11. Domínguez L. R, Sánchez I.M., Alvarez I.G. Determining Factors of E-government Development: A Worldwide National Approach. *International Public Management Journal*, 2011, vol. 14 (2), pp. 218–248. DOI: 10.1080/10967494.2011.597152
12. Hindman D.B. The Rural-Urban Digital Divide. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 2000, vol. 77, iss. 3. Available at: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/107769900007700306>
13. Venkatesh V., Sykes T., Venkatraman S. Understanding the use of the e-government portal in rural India: the role of demographic and personal characteristics. *Journal of Information Systems*, 2014, vol. 24 (3), pp. 249–269. DOI:10.1111/isj.12008
14. Liu Y., Li H., Kostakos V., Goncalves J., Hosio S., Hu F. An empirical investigation of mobile government adoption in rural China: A case study in Zhejiang province. *Government Information Quarterly*, 2014, vol. 31 (3), pp. 432–442. DOI:10.1016/j.giq.2014.02.008
15. Çelik A., Kabaku A. Do E-government Services 'Really' Make Life Easier? Analyzing Demographic Indicators of Turkish Citizens' E-government Perception Using Ordered Response Models. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6, no. 1, pp. 185–194.
16. Hannah B., Kristina M. Determinants of Recent Online Purchasing and the Percentage of Income Spent Online. *International Business Research*, 2010, vol. 3, no. 4, pp. 60–71.
17. Smith C. *The surprising facts about who shops online and on mobile*, 2015. Available at: <http://www.businessinsider.com/the-surprising-demographics-of-who-shops-online-and-on-mobile-2014-6>
18. Yusmita F., Kamariah N., Muhammad M., Yusoff Y., Behjati S. Determinants of Online Purchasing Behavior in Nanggroe Aceh Darussalam. *American Journal of Economics*, 2012, Special iss. 153–157. DOI: 10.5923/j.economics.20120001.34
19. Осовин М.Н. Анализ российских и зарубежных практик стимулирования инновационного развития современного производства // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. 2015. № 1. С. 32–38.
20. Концепция развития информатизации АПК при переходе к цифровой экономике / В.И. Меденников [и др.] // Международный сельскохозяйственный журнал. 2017. № 5. С. 49–53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Былина Светлана Геннадиевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт аграрных проблем Российской академии наук. Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94. E-mail: iagpran@mail.ru. Тел.: +7(8452) 27-25-80.

REGIONAL CHARACTERISTICS AND DETERMINANTS OF USING ELECTRONIC SERVICES AMONG RURAL POPULATION

The purpose of this study is to analyze the regional characteristics of using information and communication technology and information and telecommunication networks for public and municipal services and for purchasing goods and services by rural population, as well as to identify the determinants of interregional differences of the studied parameters in Russia as a whole and in regions with similar type-forming features. The spatial analysis of the degree of using information and communication technology and information and telecommunication networks by the rural population for obtaining various services and purchasing goods is carried out. Four classification groups of Russian regions with similar typological features are received: the share of the rural population which used the Internet for state and municipal services and the share of the rural population who purchased goods and services online. We characterized the typological groups in the space of socio-economic and demographic parameters of regional development. Based on regression models the role and influence of economic, demographic, and social factors on the performance of the process of informatization of rural areas in terms of using the possibility of obtaining public services and purchasing goods in electronic form in different typological groups of regions of the Russian Federation. Interregional comparisons are carried out, along with comparative analysis of the influence of the considered factors on positive dynamics of using the means of information and communication technology for the designated purposes by rural population in each typological group is carried out. It is established that in the presence of significant regional differentiation, there are common objective factors determining the processes of receiving e-services by the rural population. The research results also showed a significant role of the level of human capital development in the development of the process of informatization of the Russian village. Research methods include cluster analysis and regression modeling.

Rural population, information and communication technology, state and municipal services, purchase of goods and services, regional differentiation.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bylina Svetlana Gennadievna – Ph.D. in Economics, Senior research associate. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Agricultural Issues of the Russian Academy of Sciences. 94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation. E-mail: iagpran@mail.ru. Phone: +7(8452) 27-25-80.

Территориальная организация и управление

DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.7

УДК 332; 352 | ББК 65.04

© **Одинцова А.В.**

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

ОДИНЦОВА АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА
Институт экономики Российской академии наук
Россия, 117997, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32
E-mail: aleksod@yandex.ru

Создание национальной системы стратегического планирования рассматривается сегодня в качестве важнейшего приоритета в системе институциональных реформ. Оценке практики стратегирования на уровне субъектов Российской Федерации посвящено достаточно много работ. Что касается муниципальных стратегий социально-экономического развития, то здесь их значительно меньше. Анализ и обобщение практики муниципального стратегического планирования является крайне актуальным, ввиду того что местное самоуправление представляет собой неотъемлемый элемент системы федеративных отношений. Целью исследования является оценка состояния, выявление противоречий и основных проблемных точек, возникающих в рамках практики муниципального стратегического планирования и действия Закона «О стратегическом планировании в РФ» № 172-ФЗ. Показано, что переход к стратегическому планированию территориальных сообществ в целом вписывается в общемировые тенденции. Вместе с тем закон содержит ряд противоречий, сдерживающих институционализацию стратегического планирования муниципальных образований. По мнению автора, ключевым вопросом является противоречивость модели, заложенной в 172-ФЗ. В статье показано, что разрешительный режим муниципального стратегирования, нерешенность вопроса о соотношении на практике стратегического и территориального планирования, перманентный дефицит муниципальных бюджетов, недооценка роли стейкхолдеров в процессе разработки и реализации муниципальных стратегий, отсутствие реального внимания к институтам межмуниципального сотрудничества не позволяют задействовать потенциальные возможности, заложенные в институте стратегирования. В качестве основного метода исследования автор использует контент-анализ муниципальных программ и

Цитата: Одинцова А.В. Проблемы институционализации стратегического планирования муниципальных образований // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 99–109. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.7

Citation: Odintsova A.V. The problems of institutionalizing municipal strategic planning. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 5 (97), pp. 99–109. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.7

стратегий социально-экономического развития. Показано, что, с одной стороны, цели, которые заявлены в большинстве стратегий, отличаются крайней абстрактностью, с другой – они представляют собой задачи, решение которых, так или иначе, относится к предметам ведения местного самоуправления. Основные выводы статьи могут быть использованы для внесения дополнений в Закон № 172-ФЗ в части муниципального стратегического планирования, а также быть учтены в практике стратегирования муниципальных образований.

Местное самоуправление, стратегическое планирование, институционализация, муниципальная реформа.

Стратегическое планирование развития территориальных образований (субъектов Российской Федерации и муниципальных образований) рассматривается сегодня в качестве важнейшей институциональной новации. И если со стратегированием развития российских регионов с самого начала вопрос был достаточно ясен, то муниципальный уровень в качестве субъекта стратегического планирования был включен в Закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 года (далее – № 172-ФЗ) лишь на заключительной стадии работы над ним по многочисленным просьбам представителей низового уровня территориального управления.

В целом практика стратегического планирования на уровне муниципального звена управления сегодня рассматривается в двух важнейших аспектах.

С одной стороны, муниципальное стратегирование представляется формой решения совокупности важных с точки зрения пространственного развития проблем. Разработка документов стратегического планирования на основе сценарного подхода и др. ранее не использованных методов позволяет определить наиболее разумные с точки зрения местных условий направленность и траекторию развития [1].

С другой стороны, реализацию принципов стратегического планирования можно рассматривать в качестве своеобразного показателя нового этапа муниципальной реформы в Российской Федерации. Институционализация новых практик, использование новых подходов на основе выявления конкурентных преимуществ, сценарный подход, несомненно, предполагают и обуславливают но-

вое видение места муниципального уровня в общей системе территориального управления страны.

Прежде чем обратиться к анализу достижений, проблем и противоречий, с которым сталкивается процесс институционализации муниципального стратегического планирования в России, обратимся к мировой практике. Насколько происходящее в стране (или, по крайней мере, то, что задумано в Законе № 172-ФЗ) соответствует общемировым тенденциям?

В конце XX века практически во всех развитых странах были проведены реформы по децентрализации, направленные на расширение экономической самостоятельности местных сообществ. Основными составляющими преобразований стали передача полномочий и соответствующих им финансовых ресурсов на местный уровень и повышение роли населения (гражданского общества) в управлении локальным социально-экономическим развитием.

Реформы по децентрализации в странах, в которых они проводились последовательно, сформировали качественно новую социально-экономическую ситуацию. Расширение самостоятельности территориальных и муниципальных образований, увеличение доходной базы и расходных возможностей местных бюджетов, появление новых «акторов» (игроков) локального развития, расширение возможностей формирования межмуниципальных институтов позволили говорить о пространстве как о новом факторе экономического роста, как о субъекте, способном самостоятельно определять направления и формы своего развития, разрабатывать и реализовывать свои собственные стратегии социально-экономического развития [2; 3; 4].

Сегодня местные сообщества во многих странах играют ключевую роль в реализации принципов устойчивого развития [5], так как именно на местном уровне лучше всего видны наиболее серьезные проблемы, стоящие сегодня перед любой социально-экономической системой: проблемы социальной адаптации, использования возобновляющихся источников энергии, органического сельского хозяйства и т. д.¹ Местные стратегии являются тем уровнем, на котором невозможно обойти вопросы устойчивого развития, связанные с национальными приоритетами как в том, что касается целеполагания, так и в том, что связано с участием населения в разработке и реализации муниципальной стратегии [6].

Таким образом, сам переход к практике стратегирования на муниципальном уровне в целом лежит в русле общемировых тенденций. Однако встает вопрос: каковы цели введения этого нового института? Какие задачи он призван решать? Этот вопрос на первый взгляд может показаться странным. Однако очевидно, что функционирование любого института преследует какие-то цели, в противном случае встает вопрос о его необходимости и востребованности.

Выделим главные, на наш взгляд, задачи, которые, с одной стороны, вытекают из содержания № 172-ФЗ, с другой – обусловлены общемировой практикой данного института.

Первое. Институционализация стратегического планирования на всех уровнях территориального управления создает условия для обеспечения единой вертикали, что однозначно отвечает принципам национальной (в том числе, экономической) безопасности России [7].

Второе. Разработка документов стратегического планирования усиливает инвестиционную привлекательность территорий, что

¹ В данном случае, речь идет об устойчивом развитии в качестве концепции, принятой на Конференции ООН по развитию и окружающей среде в Рио-де-Жанейро в 1992 году. В таком понимании устойчивое развитие предусматривает удовлетворение потребностей нынешнего времени, при котором не подвергается угрозе возможность последующих поколений удовлетворять свои нужды.

в условиях низкой финансовой обеспеченности муниципалитетов имеет особо важное значение.

Третье. Разработка долгосрочных планов развития создает предпосылки для преемственности проводимой социально-экономической политики на местах.

Четвертое. Участие населения и всех заинтересованных субъектов в процессах разработки и реализации стратегий обеспечивает, с одной стороны, реальную привязанность местных стратегий к специфическим условиям и потребностям конкретных муниципальных образований, с другой – поддержку муниципальных стратегий местным сообществом. Стратегия должна объединять людей, усиливать их привязанность к своей территории [8, с. 17].

Каждая из выделенных целей важна. А значит, формы и механизмы, предусмотренные в законодательстве, должны работать на обеспечение их единства.

Нельзя сказать, что муниципальное стратегирование – это некое навязанное сверху нововведение в муниципальном управлении. К моменту принятия Федерального закона № 172-ФЗ во многих субъектах Российской Федерации уже были приняты региональные законы о стратегическом планировании, имелись стратегии развития не только соответствующих субъектов федерации, но и отдельных, пионерных в этой области муниципальных образований. Ожидалось, что принятие федерального закона поставит на новый уровень практику стратегического планирования, обеспечив предпосылки для стабильности и устойчивости пространственного развития.

Однако ожидания не оправдались. Причин здесь много. Основной является, конечно, общая экономическая ситуация в стране, которая усугубляется политическими санкциями. Однако имеются и другие причины, связанные с недоработками и противоречиями внутри самого № 172-ФЗ, с самой моделью стратегического планирования, которая положена в основу закона.

Парадоксально, но Закон № 172-ФЗ не внес необходимой и последовательной ясно-

сти в вопрос о муниципальном стратегическом планировании.

С одной стороны, по меткому выражению А.Н. Швецова, во главу угла было поставлено бюрократическое стремление к строгой регламентации и юридическому закреплению исчерпывающе полного комплекса вопросов. Закон жестко регламентирует процедуры, механизмы и документы стратегического планирования, требует жесткого соответствия муниципальных программ и стратегий стратегиям и программам, которые разрабатываются на уровне регионов [9].

С другой стороны, разрешительный механизм разработки, утверждения и реализации стратегий социально-экономического развития муниципальных образований отдает решение вопроса о муниципальном стратегировании на откуп местным властям.

Однако может ли эффективно осуществляться стратегирование и территориальное планирование развития субъекта федерации, если в одной части муниципалитетов в регионе будут разработаны свои стратегии, а в другой – их руководство решит, что такие стратегии им не нужны? С учетом реалий экономического положения абсолютного большинства российских муниципалитетов органам власти субъектов федерации будет достаточно несложно добиться стопроцентного охвата стратегическим планированием всех муниципалитетов. Но попытка изначально строить практику стратегирования в муниципальном звене управления на методах «выкручивания рук» вряд ли принесет желаемые результаты.

Формально распространение института муниципального стратегирования идет вполне успешно. В субъектах Российской Федерации не устают рапортовать о повышении количества разработанных муниципальных стратегий. Так, по данным государственной автоматизированной информационной системы «Управление», на сегодняшний день имеется 14775 документов стратегического планирования, разработанных в муниципальных районах, 5505 – в городских округах, 108 – в городских с внутригородским деле-

нием, 1471 – в городских поселениях, 7215 – в сельских, 22 – во внутригородских районах [9]. Казалось бы, приведенные цифры говорят о востребованности новых форм управления.

Однако более детальный анализ заставляет относиться к этим цифрам более осторожно. Так, многие из этих документов на сегодняшний день лишь разработаны. Когда они будут приняты – не понятно. Что касается уже принятых документов, то в своем большинстве они носят достаточно формальный характер. Они представляют собой, скорее, некое идеальное видение будущего вне привязанности стратегических целей к специфике конкретного муниципального образования. Встречаются стратегии, где просто с небольшими вариациями копируются некие модельные документы.

Принятый разрешительный, или, другими словами, «опционный», механизм разработки стратегий приводит еще к одной коллизии. Речь идет о соотношении документов стратегического и территориального планирования.

По идее, поставленные при стратегическом планировании цели в дальнейшем должны проектироваться в документах территориального планирования. Однако если схемы территориального планирования и генеральные планы на сегодняшний день имеют подавляющее большинство муниципальных образований (более 80%; необходимость данных документов территориального планирования предусмотрена Градостроительным кодексом Российской Федерации), то доля муниципальных образований, где разработаны стратегии, существенно ниже, доля же таковых, где эти стратегии утверждены, еще меньше.

Кроме того вопросы, которые регулируются в существующих на сегодняшний день документах территориального планирования, в значительном количестве случаев выходят далеко за рамки вопросов, касающихся градостроительства. В какой-то степени такая ситуация связана с тем, что указанные документы разрабатывались до введения института стратегического планирования му-

муниципальных образований. А потому нужно было найти «место», где возможно отразить эти важные с точки зрения комплексного и устойчивого развития территорий вопросы. Таким «местом» и стали документы территориального планирования.

Возможно, здесь следовало бы учесть опыт ряда зарубежных стран, в которых документы, определяющие направления развития территорий на долгосрочную перспективу, представляют собой комплексные документы, охватывающие вопросы как градостроительной сферы, так и стратегического социально-экономического развития в целом [10].

В целом формулировки как стратегических целей, так и задач в стратегиях развития муниципальных образований – это в различных вариациях формулировки тех задач, которые относятся к предметам ведения местного самоуправления. Встает закономерный вопрос – а нужно ли финансировать разработку такого количества стратегий (по крайней мере, в части формулировки стратегических целей), если они не несут в себе никакой новой информации. Ведь цены за разработку муниципальных стратегий составляют несколько миллионов рублей. В условиях, когда на местах в большинстве случаев отсутствуют отделы или подразделения, которые могли бы грамотно подойти к вопросу о разработке муниципальных стратегий [11, с. 6], подобные расходы в масштабе страны выглядят впечатляюще.

Предложенная жестко забюрократизированная модель стратегического планирования наталкивает на другого рода вопросы: правомерно ли в условиях, когда в соответствии с конституцией местное самоуправление не входит в систему органов государственной власти, навязывать жесткий перечень и регламент практики стратегирования на муниципальном уровне. Муниципальное стратегирование – это проявление самостоятельности территорий или элемент единой вертикали власти?

С одной стороны, очевидно, что муниципальные стратегии должны быть привязаны к региональным стратегиям и стратегии

Российской Федерации в целом, обеспечивая тем самым принцип экономической и политической безопасности российского государства. Именно этим можно оправдать присутствующую в современном законодательстве нацеленность на формирование жестко регламентированной системы с юридически закрепленным полным перечнем вопросов, сроками и процедурами практики муниципального стратегирования [9].

Но, с другой стороны, институт муниципального стратегического планирования представляет собой элемент местного самоуправления и как таковой предполагает активное участие как на стадии разработки стратегии, так и на стадии ее реализации населения, бизнеса и др. заинтересованных лиц – тех, кого сегодня называют стейкхолдерами. Однако на сегодняшний день роль самого населения в осуществлении функций местного самоуправления в целом и муниципального стратегирования в частности остается недостаточно значимой.

Институционализация стратегического планирования на муниципальном уровне требует привлечения к процессу разработки и реализации стратегий всех институтов гражданского общества, всех заинтересованных в результативности локального развития субъектов. Именно такой подход будет способствовать системному преобразению российского самоуправления сообразно современным представлениям об экономической и политической демократии.

Оторванность процесса институционализации стратегического планирования от населения и других стейкхолдеров разрушает связь между принимаемыми стратегиями и конкретной территорией [12; 13]. Так, сегодня, по данным Ресурсного центра по стратегическому планированию, 60% рынка стратегий делят между собой НИУ ВШЭ и СОПС [14]. Существенным минусом является и камеральная разработка стратегических документов без стратегических сессий и должного публичного обсуждения принимаемого документа. По данным «Леонтьевского центра», только в трети городских поселений

население и бизнес приняли участие в разработке документа, причем в пассивной форме – участие в обсуждении на завершающей стадии [11].

Заслуживает внимания тот факт, что будущей Общероссийский форум стратегов получил название «Стратегическое планирование в регионах и городах России: стейкхолдеры будущего». Соответственно, и V Конкурс муниципальных стратегий, стартовавший 25 мая 2018 года, фокусирует внимание как раз на этом вопросе [15].

Институционализация стратегического планирования несомненно требует и наличия возможностей у муниципалитетов строить свою экономическую политику на основе собственных ресурсов. Однако существующая экономическая ситуация однозначно делает реализацию этого требования весьма проблематичной, можно сказать, нереальной [16; 17; 18; 19]. В этих условиях муниципальные образования стоят перед сложной дилеммой: в муниципальных стратегиях следует на первый план выдвигать их практическую реализуемость или же формировать эти стратегии без серьезного учета финансовых ограничений исходя из наиболее значимых, оригинальных идей развития территорий, из необходимости осуществления масштабных проектов, представляющих собой центр притяжения для инвесторов, населения и пр. Анализ существующих муниципальных стратегий показывает, что на сегодняшний день приоритет отдается второму из выделенных вариантов [20].

Надо сказать, что многие проблемы стратегирования на муниципальном уровне являются сегодня своеобразной проекцией проблем, существующих на уровне региональном. По данным О.И. Шестак, из 73 утвержденных стратегий социально-экономического развития регионов России лишь в 8,2% случаев документ реализуется в пределах 30% от запланированного. В абсолютном же большинстве случаев объем запланированных мероприятий реализуется в пределах 5–18%. В муниципальных образованиях ситуация еще более критичная: до 80% существующих стратеги-

ческих документов лежат «под сукном» и не являются для органов местного самоуправления руководством к действию [21, с. 120–121].

Причины, которые сдерживают распространение практики стратегического планирования на муниципальном уровне, во многом соответствуют факторам, сдерживающим развитие местного самоуправления в целом. Это ограниченность экономических ресурсов местного самоуправления, увеличение количества вопросов местного значения без значимого перераспределения доходных источников между уровнями бюджетной системы в пользу местных бюджетов, рост числа государственных полномочий, передаваемых на муниципальный уровень.

Помимо выделенных экономических причин существуют и проблемы правового характера. Так, в отраслевом законодательстве нет четкости в описании конкретных полномочий органов местного самоуправления по вопросам местного значения, при этом отмечается несовпадение с тем, что обозначено в качестве «вопросов местного значения» в Законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ. Ряд закрепленных законом вопросов местного значения не соответствует природе местного самоуправления.

В целом незавершенность процесса распределения компетенций в системе федеративных отношений является серьезным фактором, ограничивающим процесс институционализации стратегического планирования в России.

Очевидно, что решение вопроса экономического обеспечения стратегического планирования предполагает пересмотр подходов к формированию местных бюджетов. В первую очередь, следует расширить состав их гарантированных доходных источников, в т. ч. круг местных налогов, а также права органов муниципального управления по их администрированию.

Целый ряд существенных предложений, способных создать экономические предпосылки для реального включения местного самоуправления в систему стратегического

планирования (устойчивость и полнота обеспечения соответствующего круга полномочий), был намечен в Указе Президента РФ от 16 января 2017 года № 13 «Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

Речь, в частности, идет о следующих мерах:

– ежегодное определение в федеральном бюджете на очередной финансовый год приоритетных расходных обязательств субъектов федерации и муниципальных образований, подлежащих софинансированию из федерального бюджета;

– применение мер персональной финансовой ответственности высших должностных лиц субъектов федерации и муниципальных образований за невыполнение принятых при получении межбюджетных трансфертов обязательств по эффективному использованию бюджетных средств;

– частичное зачисление в бюджеты субъектов федерации и местные бюджеты доходов от налогов и сборов, подлежащих зачислению в федеральный и региональные бюджеты, которые были дополнительно начислены на соответствующей территории в результате деятельности органов власти субъектов федерации и органов местного самоуправления по наращиванию экономического и налогового потенциала территорий;

– постепенный отказ от предоставляемых федеральными законами организациям неэффективных льгот по региональным и местным налогам и по федеральным налогам, часть которых зачисляется в региональные и (или) местные бюджеты.

Нельзя сказать, что эти предложения являются абсолютной новизной и ранее никак экспертами не озвучивались. Много предлагалось, но отвергалось по чисто «техническим» соображениям. Так, весьма проблематична попытка разделить эффективные и неэффективные налоговые льготы. Для субрегиональных бюджетов все подобные льготы, ведущие к недопоступлению доходов, по определению «неэффективны». Существенный стимулирующий эффект могло бы иметь

частичное зачисление в бюджеты субъектов федерации и местные бюджеты доходов от налогов и сборов, подлежащих зачислению в федеральный и региональные бюджеты, которые были дополнительно начислены в результате деятельности органов власти субъектов федерации и органов местного самоуправления по наращиванию экономического и налогового потенциала территорий. Однако, по мнению экспертов, технически выделить долю дополнительно поступивших в бюджет региона и/или муниципалитета налогов и сборов, которые получены именно за счет «деятельности органов государственной власти субъектов федерации и органов местного самоуправления...», крайне сложно.

Следствием такой ситуации выступает то, что стратегические документы, поскольку они вообще разрабатываются в муниципальном звене управления, отличаются самым общим характером целеполагания, ориентированным на провозглашение общего благополучия.

Возможный вариант – передача в местные бюджеты большей доли НДФЛ и/или введение местной надбавки к федеральному НДФЛ на единую налоговую базу [22]. Не лишено оснований и предложение о введении местного налога с продаж в пределах, ограниченных федеральным законодателем. Активную поддержку на местах имеет предложение передать в местные бюджеты возможно большую или 100%-ю долю доходов от малого и среднего бизнеса.

Большие потенциальные возможности в плане создания предпосылок стратегического планирования, как показывает мировой опыт, имеют различные формы межмуниципального сотрудничества. Названный институт рассматривается, с одной стороны, как способ экономии ресурсов, с другой – как форма разрешения заложенного в самой сущности местного самоуправления противоречия: противоречия между необходимостью обеспечения демократических принципов управления (самоуправления) и финансовыми (экономическими) возможностями решения местных проблем [23]. Межмуниципальное сотрудничество может стать важным факто-

ром расширения возможностей муниципального стратегирования. Оно получило широкое развитие во многих зарубежных странах. Межмуниципальные предприятия создаются во многих важных для развития муниципалитетов сферах: уборка мусора, водоснабжение, экономическое развитие, школьное образование, защита окружающей среды и т. д.

Межмуниципальное самоуправление предусмотрено и Европейской хартией местного самоуправления², однако в РФ из трех основных форм межмуниципального сотрудничества – ассоциативные, договорные и организационно-хозяйственные – в РФ основное внимание уделяется ассоциативным формам сотрудничества. Речь идет о различного рода ассоциациях, сформированных в большинстве субъектов РФ.

Федеральный закон № 131-ФЗ в определенной степени институционализировал эту форму местного самоуправления. В ст. 8 Закона зафиксировано, что межмуниципальное сотрудничество осуществляется в целях организации взаимодействия органов местного самоуправления, муниципальных образований, советов муниципальных образований субъекта РФ для выражения и защиты их общих интересов. Однако и здесь основное внимание уделено ассоциативным формам межмуниципального самоуправления. Хотя в соответствии с законом и создаются различные организационно-хозяйственные формы сотрудничества³, однако в основной функции существующих межмуниципальных институтов ограничены обеспечением взаимодействия муниципальных образований с органами власти субъектов федерации и федерацией в целом, представительства

интересов муниципальных образований на всех уровнях государственной власти РФ. Более того, в законе четко зафиксировано, что указанные межмуниципальные объединения не могут наделяться полномочиями органов местного самоуправления.

Полагаем, что запрет на передачу полномочий местного самоуправления межмуниципальным образованиям сдерживает развитие не только рассматриваемого института, но и местного самоуправления в целом. В пользу этого вывода говорит и опыт западных стран. Так, например, в Германии получила распространение практика передачи отдельных задач местного самоуправления органам межмуниципального сотрудничества (межобщинным организациям). При этом значительная часть ответственности за реализацию задач, возложенных на общины, по-прежнему остается за общинами; передаются всегда только отдельные задачи; общины имеют возможность влиять на ход реализации передаваемых задач, используя свои права по участию в принятии решений и контроле за их осуществлением. Схожая практика распространена и во Франции, где межмуниципальные объединения (синдикаты коммун и так называемые публичные учреждения межкоммунального сотрудничества) выполняют часть полномочий, возложенных на коммуны.

Институт межмуниципального сотрудничества необходим не только с точки зрения проблемы дефицита ресурсов (финансовых, кадровых, материальных) муниципальных образований, но и с точки зрения формирования единой системы стратегического планирования, охватывающей все уровни территориального управления. Однако непроработанность нормативно-правовой базы, отсутствие информационно-методической поддержки, сложности согласования «межмуниципальных» интересов в бюджетной политике – все это ставит сложно преодолимые преграды на пути распространения этого доказавшего во многих странах свою эффективность института.

В 2009 году вопрос о межмуниципальном сотрудничестве рассматривался на расширенном заседании Президиума Совета при Пре-

² Органы местного самоуправления в соответствии с положением хартии имеют право при осуществлении своих полномочий сотрудничать и в рамках закона вступать в ассоциации с другими органами местного самоуправления для осуществления задач, представляющих общий интерес, а также сотрудничать с органами местного самоуправления других государств на условиях, устанавливаемых законом.

³ Так, законом разрешено создание хозяйственных обществ, фондов и автономных некоммерческих организаций. Положительный опыт накоплен в этом отношении, например, в Ивановской области.

зиденте Российской Федерации по развитию местного самоуправления, до сих пор каких-либо существенных подвижек в этом направлении ни в аспекте правового регулирования, ни в плане практическом не произошло и тенденция к вертикальной передаче полномочий преобладает.

Несомненно, институционализация муниципального стратегического планирования – достаточно долговременный и поэтапный процесс, требующий целенаправленного регулирования. Выполненная автором работа позволяет утверждать, что проблемы, стоящие на пути внедрения практики стратегирования на муниципальном уровне, являются отражением противоречий, существующих в системе местного самоуправления в целом. Данный вывод обращает внимание на прикладные вопросы, решение которых, на наш взгляд, относится к числу приоритетных с точки зрения развития как местного самоуправления, так и института стратегирования.

Дальнейшее развитие местного самоуправления в России, повышение его эффективности и институционализация стратегического планирования предполагают осуществление комплекса мер, о необходимости которых уже давно говорят отечественные исследователи [24]. Важнейшими среди этих мер мы считаем следующие.

1. Принятие концепции (стратегии) развития местного самоуправления, в которой следует зафиксировать роль местного самоуправления в развитии страны, стратегические ориентиры и механизмы развития этого общественного института.

2. Обеспечение согласованности полномочий органов местного самоуправления, определенных в 131-ФЗ, с полномочиями, обозначенными в иных федеральных законах; ис-

ключение дублирования полномочий между разными уровнями управления; обеспечение соответствия собственных и переданных полномочий закрепленным за этим уровнем власти объемам доходных источников бюджетов.

3. Повышение финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований: закрепление дополнительных доходных источников и дополнительной доли отчислений от налогов, на которые органы местного самоуправления могут оказывать наибольшее влияние (например, НДС).

4. Более четко урегулировать в федеральном или региональном законодательстве вопросы и устранить правовые препятствия организации различных форм межмуниципального сотрудничества, в том числе хозяйственного. Возможно принятие специального Федерального закона «О межмуниципальном сотрудничестве» или «О межмуниципальном хозяйственном сотрудничестве».

5. Принятие в субъектах РФ специальных государственных программ по развитию местного самоуправления, предусматривающих финансирование мероприятий, направленных на организационно-методическое сопровождение и софинансирование проектов территориального общественного самоуправления, поддержку местных инициатив, самообложения граждан, стимулирование органов местного самоуправления по повышению эффективности их деятельности, подготовку кадров для муниципального уровня управления.

6. Местное самоуправление – это, прежде всего, власть непосредственно населения на местах. Формировать эту исполнительную и представительную власть нужно с учетом и под контролем населения и только на основе его прямого волеизъявления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Leloup F, Moyart L., Pecqueur B. La gouvernance territoriale comme nouveau mode de coordination territorial? *Géographie, économie, société*, 2005, ed. 4, vol. 7, pp. 321–331. DOI: 10.3166/ges.7.321-331
2. Azoulay A., Côté J.-G. Les clés du développement économique local Analyse des stratégies de six villes nord-américaines. *Note de Recherche*, 2017, Mai. Available at: http://www.institutduquebec.ca/docs/default-source/recherche/8842_les-cles-du-developpement_idq_br_fr.pdf?sfvrsn=2
3. Silem A., Fontanel J., Pecqueur B., Bensahel-Perrin L. *L'économie territoriale en questions*. Paris: l'Harmattan, 2014.
4. *Soutenir décentralisation, gouvernance locale et développement local au travers d'une approche territorial*. Document de référence no 23. Direction générale de la coopération internationale et du développement Commission européenne Bruxelles – Luxembourg, Décembre 2016. 178 p.
5. *Territoires et Développement durable. Guide des collectivités territoriales pour la mise en oeuvre d'un développement durable*. T. 2. Available at: http://www.comite21.org/docs/guides/guide_territoire_dev_durable2.pdf
6. Опыт западноевропейских городов по разработке стратегий развития в XXI веке. СПб.: Институт «Евроград», ЭИМИ, 2000. 135 с.
7. Кузнецова Е.И. К вопросу о государственном стратегическом планировании в обеспечении экономической безопасности // Национальная безопасность / Nota Bene. 2014. № 3. С. 366–371.
8. Жихаревич Б.С. Заметки по итогам Форума стратегов (2016 г.) // Региональная экономика. Юг России. 2017. № 1 (15). DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2017.1.2>
9. Швецов А.Н. Стратегическое планирование муниципального развития: полезное начинание или бюрократическая кампания? // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 3. С. 3–7.
10. Крамкова Т.В. Территориальное и стратегическое планирование: основные проблемы и тенденции развития законодательства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 4. С. 40–51.
11. Аналитическая записка по результатам исследовательского проекта «Стратегическое планирование в малых городах России» / Б.С. Жихаревич [и др.]. СПб.: Автономная некоммерческая организация «Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», Фонд целевого капитала, 2017. URL: <http://city-strategy.ru/UserFiles/Files/Executive%20summary.pdf>
12. *Développement local mené par les acteurs locaux. Comision europeene*, 2014. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/informat/2014/community_fr.pdf
13. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Как усилить гражданские начала в российском местном самоуправлении? // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. 2016. № 2. С. 7–17.
14. Кто хозяин на рынке стратегий? // Ресурсный центр по стратегическому планированию. Обзор № 1 (15.11.2015 – 15.05.2016). URL: http://stratplan.ru/UserFiles/Tender%20market_26_05.pdf
15. 25 мая стартует конкурс муниципальных стратегий // Ресурсный центр по стратегическому планированию. URL: <http://stratplan.ru/news/25-maya-startuet-konkurs-munitsipalnykh-strategy>
16. Об основных направлениях государственной региональной политики в Российской Федерации: аналит. докл. М.: Совет Федерации Федерального Собрания РФ, 2016.
17. Десять лет муниципальной реформы в России: итоги и перспективы: монография. М.: ИЭ РАН, 2014.
18. Бухвальд Е.М., Печенская М.В. О бюджетных ограничениях муниципального стратегического планирования // Самоуправление. 2016. № 9 (102). С. 16–19.
19. Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации / под ред. Е.С. Шугриной. М.: Проспект, 2015.
20. Одинцова А.В. К вопросу о стратегическом планировании муниципальных образований // Федерализм. 2016. № 2. С. 23–42.
21. Шестак О.И. Проблемы стратегического планирования в муниципальных образованиях на примере Хабаровска и Владивостока // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 4. С. 119–134.

22. Покровская Н.В. Зачисление налога на доходы физических лиц в местные бюджеты в Российской Федерации // Экономика, налоги, право. 2017. № 3. С. 146–151.
23. Одинцова А.В. Межмуниципальное сотрудничество: уроки зарубежного опыта // Федерализм. 2013. № 2. С. 145–158.
24. Бухвальд Е., Ускова Т., Ворошилов Н. Местное самоуправление в России: реформа в зеркале анкетирования // Самоуправление. 2016. № 5. С. 13–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Одинцова Александра Владимировна – доктор экономических наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук. Россия, 117997, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. E-mail: aleksod@yandex.ru. Тел.: +7(499) 129-03-27.

Odintsova A.V.

THE PROBLEMS OF INSTITUTIONALIZING MUNICIPAL STRATEGIC PLANNING

The creation of a national strategic planning system is now seen as a top priority in the system of institutional reforms. A lot of research works are devoted to assessing the practice of strategic planning at the level of the Russia's constituent entities. As for municipal strategies for socio-economic development, their number is significantly low. Analysis and generalization of the practice of municipal strategic planning is extremely relevant since local self-government is an integral part of the system of federal relations. The purpose of the study is to assess the state, identify the contradictions and main problem points arising in the framework of the practice of municipal strategic planning and the Law "On strategic planning in the Russian Federation" no. 172-FZ. It is shown that the transition to strategic planning of territorial communities as a whole fits into the global trends. At the same time, the law contains a number of contradictions that constrain the institutionalization of strategic planning in municipal units. According to the author, the key issue is the inconsistency of the model laid down in 172-FZ. The article shows that the permissive regime of municipal strategic planning, the unresolved question of the practical correlation of strategic and territorial planning, permanent deficit of municipal budgets, underestimated role of stakeholders in the development and implementation of municipal strategies, lack of attention to the institutions of inter-municipal cooperation do not helps use the potential opportunities inherent in the institution of strategic planning. The author uses content analysis of municipal programs and strategies for socio-economic development as the main research method. It is shown that, on the one hand, the goals stated in most strategies are extremely abstract, on the other – they represent objectives the solution of which, one way or another, refers to the subjects of local governance. The main conclusions of the article can be used to make additions to Law no. 172-FZ in terms of municipal strategic planning, as well as to be taken into account in the practice of municipal strategic planning.

Local governance, strategic planning, institutionalization, municipal reform.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Odintsova Aleksandra Vladimirovna – Doctor of Economics, Associate Professor. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: aleksod@yandex.ru. Phone: +7(499) 129-03-27.

Актуальные проблемы развития АПК

DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.8
УДК 63 (571.6) | ББК 65.32 (2.55)

© Сухомиров Г.И.

К ПРОБЛЕМЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ ПРОДУКЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ДФО

СУХОМИРОВ ГРИГОРИЙ ИСАКОВИЧ
Институт экономических исследований
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Россия, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153
E-mail: sukhomirov@ecrin.ru

Актуальность данного исследования вызвана тем, что при росте индекса физического объема продукции сельского хозяйства и сокращении импорта данной продукции в стране в Дальневосточном федеральном округе наблюдается противоположная тенденция. Целью исследования является выявление влияния вступления России во Всемирную торговую организацию, введения санкций и контрсанкций на производство и импорт сельскохозяйственной продукции в Дальневосточный федеральный округ, а также обоснование условий и основных направлений успешного развития импортозамещения в данном регионе. Проблемы импортозамещения впервые рассмотрены на примере крупнейшего федерального округа страны. При этом использовались статистический, сравнительный и аналитический методы исследования. Вступление России во Всемирную торговую организацию и введение санкций и контрсанкций в Дальневосточном федеральном округе негативно отразились на производстве сельхозпродукции, не оказали существенного влияния на импортозамещение, но снизили доступность продовольствия для низкообеспеченного населения. В последние годы в Дальневосточном федеральном округе при неустойчивом росте производства продукции растениеводства наблюдается снижение производства животноводческой продукции, особенно мяса и молока, не только на северных, но и на южных территориях округа. При этом размер ввоза основных продуктов в округ, преимущественно импортных, не снижается, а растет. Природно-климатические условия округа позволяют по основным видам сельскохозяйственной продукции (кроме зерна) успешно обеспечить импортозамещение. Для этого необходимо осуществлять устойчивую финансовую деятельность сельхозпредприятий, совершенствовать организа-

Цитата: Сухомиров Г.И. К проблеме импортозамещения продукции сельского хозяйства в ДФО // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 110–123. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.8

Citation: Sukhomirov G.I. Revisiting the issue of import substitution of agricultural products in the Far Eastern Federal District. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 5 (97), pp. 110-123. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.8

ционно-экономический механизм на федеральном и региональном уровне с использованием налоговых, ценовых и других рычагов, стимулирующих инвестиции в модернизацию агропромышленного производства, развитие сельских территорий, производственной, социальной и рыночной инфраструктуры.

Дальневосточный федеральный округ, продукция сельского хозяйства, импортозамещение, Всемирная торговая организация, санкции, инвестиции, организационно-экономический механизм.

В 2016 году на Восточном экономическом форуме во Владивостоке заместитель министра сельского хозяйства РФ Д. Хатуев озвучил задачу министра А.Н. Ткачева «не только полностью обеспечить собственные потребности в продовольствии на Дальнем Востоке, но и помочь сделать это заинтересованным соседям – наращивать экспортный потенциал»¹. В период 2013–2016 гг. в целом по России при росте индекса физического объема продукции сельского хозяйства и сокращении импорта сельскохозяйственной продукции в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), к сожалению, наблюдались снижение первого и рост второго показателя. В этих условиях проблема импортозамещения агропродукции в ДФО стала особенно актуальной. Цель исследования – выявить влияние вступления России в ВТО, введения санкций и контрсанкций на производство и импорт продукции сельского хозяйства в ДФО и обосновать условия и основные направления успешного развития импортозамещения в данном регионе. Основными методами исследования стали статистический, сравнительный и аналитический.

Вступление России в ВТО

Ситуация на продовольственном рынке в ДФО, как и в стране в целом, осложнилась после вступления в 2012 году России в ВТО. Принятые меры государственной поддержки отечественного АПК были недостаточны, особенно на региональном уровне. Отечественные производители сельхозпродукции стали конкурировать на внутреннем рынке с высокосубсидируемой импортной продукцией. В России самый низкий уровень господдерж-

ки среди экономически развитых стран, в которых сельское хозяйство является одной из самых защищаемых отраслей. «По оценке ОЭСР, в 2010–2012 гг. общий уровень поддержки сельского хозяйства в России был в 6–7 раз ниже, чем в ЕС, и в 10–15 раз ниже, чем в ряде других стран» [1, с. 72].

В процессе переговоров по вступлению России в ВТО предложение России по поддержке аграрного производства снизилось более чем в 17 раз (с 75,3 до 4,4 млрд долл. к концу переходного периода). Это меньше, чем в крохотной Швейцарии (5,8 млрд долл.), в 25 и 33 раза меньше, чем соответственно в США и ЕС, хотя наша страна по биоклиматическому потенциалу находится в заведомо худших условиях. При этом сельское хозяйство ДФО даже в рамках России имеет свои специфические особенности. Оно сформировалось и функционирует в сложных природно-климатических и экономических условиях, обусловленных географическим положением в Северо-Восточной Азии с выходом к Северному Ледовитому и Тихому океану, огромной, преимущественно горной территорией, особенностью климата и почв, удаленностью от промышленных центров и сельскохозяйственных районов России и границей с интенсивно развивающимися странами АТР [2, с. 12–14; 3, с. 26].

В действительности среднероссийский уровень биоклиматического потенциала на 40% ниже западноевропейского и почти на 60% – американского. Однако в развитых экономиках с сопоставимыми почвенно-климатическими условиями (Норвегия, Финляндия) правильная аграрная политика обеспечивает гораздо более эффективное использование климатических ресурсов, чем в России. Следовательно, острота проблем российского сельского хозяйства обусловлена не только при-

¹ Во Владивостоке проходит инвестиционный форум «Агро Дальний Восток и Сибирь – 2017». URL: <http://novostivl/ru/msg/23583.htm> (дата обращения 27.04.2017).

родно-климатическими, но и организационно-экономическими причинами [4, с. 111].

При этом Россия значительно уступает большинству стран и по уровню тарифной защиты. Вследствие этого она неизбежно менее конкурентоспособна на мировом рынке. Поэтому экономисты-аграрники считают, что вступление России в ВТО означает ее включение в несправедливую и неэффективную систему мировой торговли продовольствием. По оценке Р. Гумерова [5, с. 19], «...цели и задачи ВТО в принципе противоречат как долгосрочным, так и текущим интересам России в сфере агропромышленного производства».

Вступление России в ВТО сопряжено с рядом ограничений, которые охватывают регулирование доступа к рынку, внутреннюю поддержку сельхозпроизводителей и экспортное субсидирование сельского хозяйства. В сложившейся ситуации многие наши аграрии не выживают, особенно в ДФО. По утверждению С.Ю. Барсуковой [6], государство понесет большие финансово-экономические потери, а получит лишь возможные незначительные приобретения. И это уже наблюдается. Нередко наши аграрии уже проходят стадию банкротства, а индекс физического объема производства продукции сельского хозяйства в ДФО в сопоставимых ценах в 2012 году составил 97,4%, в 2013 году – 89,8, в 2015 году – 96,9 и в 2016 году – 99,6%. Только в 2014 году (после провального 2013 года, что было связано с катастрофическим наводнением в 2013 году) индекс составил 119,8%.

Чтобы не только сохранить, но и развивать сельское хозяйство, государство должно отстаивать интересы отечественного производителя. Речь идет о принятии необходимых адаптационных и о расширении протекционистских мер. Россия должна построить новую модель помощи, используя правовые нормы ВТО. Важнейшим инструментом могут стать компенсации товаропроизводителям, хозяйствующим на землях, отнесенных к неблагоприятным для ведения сельского хозяйства. То есть следует поддерживать «зеленую» корзину, по которой нет ограничений по поддержке. К неблагоприятным для ве-

дения сельского хозяйства следует отнести большинство сельскохозяйственных угодий ДФО. Строить государственную политику на Дальнем Востоке целесообразно с учетом возможности поддержки сельского хозяйства по различным корзинам.

Санкции, антисанкции и импортозамещение в аграрном секторе

В 2014 году и в последующие годы в связи с введением США и рядом других стран экономических санкций против России и отчасти с ответными мерами России по ограничению импорта продовольствия из этих стран остро встала проблема ускоренного импортозамещения сельскохозяйственных продуктов. ДФО в большой степени зависит от ввоза многих сельскохозяйственных продуктов.

В условиях санкций проблема импортозамещения превратилась из планового направления развития в оперативную задачу, требующую быстрых действий. Для ускоренного развития сельского хозяйства необходимо развивать не только производство, но и инфраструктуру, связанную с хранением и реализацией продукции. Наибольшие трудности по импортозамещению наблюдаются как в ДФО, так и в стране в мясомолочной промышленности [7, с. 134]. Они связаны с трудностями роста поголовья крупного рогатого скота, повышения его продуктивности, развития кормовой базы, технологий переработки мяса и молока.

Решить проблему наполнения внутреннего рынка продукцией можно двумя путями – за счет развития собственного производства или за счет импорта из третьих стран. Для расширения собственного производства требуются увеличение инвестиций в сельское хозяйство, модернизация производства, рост и обновление основных производственных фондов, формирование благоприятного инвестиционного климата, повышение рентабельности сельхозпредприятий. Это объективно необходимо, но пока слабо реализуется [8, с. 132].

В то же время нельзя не отметить, что в ДФО предпринимаются некоторые практиче-

ские шаги по импортозамещению. Так, в 2015 году под Хабаровском начато строительство нового мощного тепличного комплекса для круглогодичного выращивания свежих овощей (огурцов, томатов, баклажанов) и зелени по современным технологиям. В апреле 2016 года состоялось открытие первой, а в конце 2017 года второй очереди тепличного комплекса, построенного русско-японской компанией (JGC Evergreen). Сейчас общая площадь теплиц составляет 5 га. А с вводом в 2021 году третьей очереди их площадь увеличится до 10,3 га. К тому времени общий размер инвестиций будет оцениваться в 2,3 млрд руб. Проводятся работы по выращиванию овощей закрытого грунта и в других регионах ДФО.

В округе развиваются предприятия и животноводческого направления, в частности АО «Племенной птицеводческий завод «Хабаровский», АО «Птицефабрика «Комсомольская», Некрасовский свиноводческий комплекс, Благовещенский молочный комбинат, в Приморском крае появился свинокомплекс ООО «Спасский бекон», в Республике Саха восстановлено бройлерное производство Нерюнгринской птицефабрики. Камчатский край планирует полностью обеспечить свое население, как овощами закрытого грунта, так и охлажденным мясом птицы.

В последние годы в ДФО с увеличением господдержки многие сельскохозяйственные организации стали рентабельными, хотя про-

дукция животноводства почти везде остается убыточной (табл. 1).

Предпринимаемые меры недостаточны для успешного развития сельского хозяйства. Размер увеличения инвестиций в основной капитал в аграрный сектор ДФО в связи с проблемой импортозамещения не соответствовал ожиданиям. Если в период 2006–2011 гг. объем инвестиций постоянно увеличивался, то в 2013–2014 гг. он даже уменьшился. Небольшой рост отмечен в 2015–2016 гг., но он произошел в 2015 году за счет роста инвестиций в заготовку леса, а в 2016 году – за счет Сахалинской области, в семи регионах он сократился. В 2016 году по сравнению с предшествующим 2011 годом со вступлением России в ВТО объем инвестиций даже в абсолютных показателях сократился в четырех регионах ДФО (табл. 2).

Доля инвестиций в основной капитал аграрного сектора страны не превышает 1,5% в общем размере инвестиций. В 2016 году этот показатель по ДФО составил 1,4%, изменяясь по регионам от 0,04% в Магаданской области и 0,4% в Еврейской автономной области до 2,5% в Амурской области и 2,9% в Приморском крае. Основные фонды аграрного сектора с 2011 по 2015 год увеличились всего на 3,7% и составили на конец 2015 года 107,3 млрд руб.

Недофинансирование сельского хозяйства резко отрицательно сказывается на материально-технической базе отрасли. В 2016

Таблица 1. Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) сельскохозяйственных организаций ДФО в 2005–2016 гг., %

Территория	Растениеводство						Животноводство					
	год						год					
	2005	2010	2012	2014	2015	2016	2005	2010	2012	2014	2015	2016
ДФО	-4,5	9,3	12,1	10,3	19,3	16,0	-15,3	-3,3	-6,8	-6,2	-7,5	-13,5
Республика Саха (Якутия)	-36,6	-30,6	-41,9	-38,1	-54,5	-56,7	-52,5	-32,6	-32,0	-36,0	-33,5	-26,4
Камчатский край	11,5	16,4	11,9	17,0	24,0	35,1	-7,8	-2,2	-9,4	-6,3	-9,6	-14,1
Приморский край	-2,6	6,6	3,1	13,2	11,6	1,2	17,5	12,4	8,1	2,9	-12,4	-17,9
Хабаровский край	-14,5	-32,5	–	–	-100	-62,6	-15,8	-7,6	-10,1	-9,1	-4,7	-8,5
Амурская область	-1,0	19,4	21,8	15,2	30,6	33,0	-2,1	15,7	5,2	13,2	21,9	7,8
Магаданская область	–	–	–	–	–	–	-37,3	-23,6	-41,6	-15,3	-35,9	-4,5
Сахалинская область	-5,1	-2,2	-4,0	-9,5	-13,6	-16,6	-7,1	-5,5	-13,1	-18,6	-23,3	-24,9
Еврейская авт. область	31,1	22,1	32,7	89,5	57,6	19,0	-26,3	-62,3	4,4	–	-100	–
Чукотский авт. округ	-43,5	-19,4	-23,5	-25,9	-27,0	-32,7	-27,8	-43,7	-48,5	-48,3	-43,4	-45,6

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

Таблица 2. Динамика инвестиций в аграрный сектор* ДФО в 2010–2016 гг., млн руб.

Территория	Год							2016 год к 2011 году, %
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
ДФО	4444	7527	5899	8535	8217	11271	12774	169,7
Республика Саха	483	889	482	600	433	506	403	45,3
Камчатский край	208	204	206	212	188	482	266	130,4
Приморский край	767	1378	1468	2070	3059	2944	2836	205,8
Хабаровский край	1311	2200	1340	1356	1368	2664	2308	104,9
Амурская область	1004	2048	1621	2895	1505	2914	2967	144,9
Магаданская область	55	23	66	62	44	45	13	56,5
Сахалинская область	299	426	561	1132	1476	1435	3849	903,5
Еврейская авт. область	20	58	67	78	32	157	47	81,0
Чукотский авт. округ	297	301	88	130	112	124	86	28,6

* Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство.
Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011. 990 с.; последующие сборники, включая 2017. 1402 с.

Таблица 3. Валовое производство основных видов растениеводческой продукции в ДФО в 2010–2016 гг., тыс. т

Продукция	Год							2016 год к 2011 году, %
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
Зерно	297,3	612,7	546,8	428,4	773,3	677,3	697,2	113,8
Соя	816,5	1109,4	1029,4	646,8	1527,1	1400,4	1319,5	118,9
Картофель	1286,1	1286,4	1318,7	1034,8	1304,8	1189,3	1118,6	87,0
Овощи	401,2	430,0	433,7	391,2	450,2	404,2	423,8	98,6
Плоды и ягоды	35,9	40,4	34,7	33,5	33,9	36,0	32,3	79,9

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

году по сравнению с 1990 годом парк тракторов уменьшился в 8,5 раза и составил всего 5523 машины, а зерноуборочных комбайнов – в 4,8 раза и 1783 машины соответственно. Сокращение парка тракторов ведет к росту нагрузки на технику. В 2016 году на 1 трактор в ДФО приходилось в среднем 361 га пашни. Резкое сокращение инвестиций в сельское хозяйство в 1990-е годы привело к резкому сокращению работ по мелиорации земель и применению удобрений. В 2000 году по сравнению с 1990 годом внесение минеральных удобрений в ДФО уменьшилось с 91,1 до 12,3 кг/га, затем несколько увеличилось (в 2016 году до 35,1 кг/га), но составляет всего 38,5% от уровня 1990 года. Еще хуже положение с применением органических удобрений.

В последние годы в ДФО при неустойчивом росте производства зерна и сои (табл. 3) наблюдается снижение производства других основных видов сельскохозяйственной продукции (табл. 4). Особенно тяжелое положение с крупным рогатым скотом, коровами, их

поголовье продолжает сокращаться, сокращается и производство молока.

В 2014–2016 гг. в ДФО производство мяса и молока, от импорта которых особенно зависит Дальний Восток, уменьшилось, а темп роста розничных цен увеличился более чем в 2 раза, что привело к снижению покупательной способности населения региона. В 2016 году по сравнению с 2014 годом отмечен общий спад производства продукции сельского хозяйства. Валовый сбор картофеля сократился на 14,3%, овощей – на 8,1 и мяса – на 3,5%. Поэтому проблема импортозамещения сельскохозяйственной продукции, особенно в насыщении рынка мясом и молоком, в ДФО остается особенно острой (табл. 5).

При этом ДФО испытывает наибольший недостаток в зерне, т. к. оно практически не выращивается в Камчатском крае, в Магаданской и Сахалинской областях и в Чукотском автономном округе, и даже в Амурской и Еврейской автономных областях самообеспечение зерном менее 50% от необходимой 1 т на человека в год [9, с. 180].

Таблица 4. Основные показатели развития животноводства в ДФО в 2010–2016 гг.

Показатель	Год							2016 год к 2011 году, %
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
Поголовье (тыс. голов): КРС	457	463,2	450,8	417,8	399,6	394,3	393,3	84,9
в т. ч. коров	193,9	196,3	195,7	188,1	176,3	172,5	172,2	87,7
Свиней	292,5	313,5	316,9	305,6	286,2	327,8	385,5	123,0
Овец и коз	70,4	70,5	77,7	70,1	70,1	69,4	70,5	100
Птиц, тыс. шт.	10586	10700	10294	9962,5	10162,3	10125,2	8341,4	78,0
Получено (тыс. т):								
мяса	124,2	128,0	128,4	134,0	130,9	123,9	126,3	98,8
молока	591,4	582,5	571,8	565,2	536,4	537,2	531,6	91,3
меда, т	3721	6288	4749	5236	6273	7109	6878	107,7
яиц, млн шт.	1188,5	1165,9	1184,7	1149,0	1191,0	1172,8	1173,3	100,6

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

Таблица 5. Фактическое самообеспечение основными видами продукции сельского хозяйства и недостаток в них для полного обеспечения ими населения ДФО в 2010–2016 гг.

Показатель	Год							2016 год к 2011 году, %
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
Зерно								
Произведено, тыс. т	297,3	612,7	546,8	428,4	773,3	684,7	804,6	131,3
На 1 человека	47	98	87	69	124	110	130	132,7
Самообеспечение, %	4,7	9,8	8,7	6,9	12,4	11,1	13,0	132,7
Недостаток, тыс. т	6005,1	5662,7	5711,9	5810,9	5445,5	5518,3	5384,2	95,1
Картофель								
Произведено, тыс. т	1286,1	1286,4	1318,7	1034,8	1304,8	1189,2	1118,6	87,0
На 1 человека	204	205	211	166	210	192	181	88,3
Самообеспечение, %	157,0	157,7	162,1	127,6	161,4	147,4	139,0	88,1
Овощи								
Произведено, тыс. т	401,2	430,0	433,7	391,2	450,2	401,1	413,8	96,2
На 1 человека	64	68	69	63	72	65	67	98,5
Самообеспечение, %	54,2	59,6	60,3	64,5	62,9	56,2	58,1	97,5
Недостаток, тыс. т	338,3	291,7	286,0	326,3	265,0	312,2	297,9	102,0
Плоды, ягоды								
Произведено, тыс. т	35,9	40,4	34,7	33,5	33,9	36,0	32,3	79,9
На 1 человека	5,7	6,4	5,5	5,4	5,5	5,8	5,2	81,2
Самообеспечение, %	8,5	9,6	8,3	8,0	8,1	8,7	7,8	81,2
Недостаток, тыс. т	386,4	380,1	384,6	384,5	382,8	379,6	382,3	100,6
Мясо								
Произведено, тыс. т	124,2	128,0	128,4	134,0	130,9	123,9	126,3	98,7
На 1 человека	20	20	21	21	21	20	20	100
Самообеспечение, %	19,9	20,6	29,7	21,7	21,3	20,2	20,6	100
Недостаток, тыс. т	499,7	493,3	491,2	483,7	484,8	490,2	486,4	98,6
Молоко								
Произведено, тыс. т	591,4	582,5	571,8	565,2	536,4	537,2	535,9	92,0
На 1 человека	94	93	91	90	86	87	87	93,5
Самообеспечение, %	19,8	19,6	19,3	19,1	18,2	18,3	18,3	93,4
Недостаток, тыс. т	2389,6	2385,8	2388,6	2386,0	2405,1	2396,8	2391,4	100,2
Яйца								
Произведено, млн шт.	1188,5	1165,9	1184,7	1145,0	1191,0	1175,2	1173,3	100,6
На 1 человека	189	186	189	184	191	189	190	102,1
Самообеспечение, %	58,0	57,2	58,2	56,7	58,9	58,3	58,3	101,9
Недостаток, млн шт.	859,8	873,6	849,4	885,8	830,1	840,8	838,1	94,8
Справка								
Численность населения (среднегодовая), тыс.	6302,4	6275,4	6258,7	6239,1	6218,8	6203,0	6188,8	98,6
Нормы потребления по А.А. Константинову [11]								

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

Обеспеченность населения картофелем в ДФО практически вполне возможна за счет внутрирегионального перераспределения. Самообеспеченность ДФО овощами в целом находится в пределах 55–65%, изменяясь от более 80% в Приморье и Приамурье до менее 20% в Магаданской области и Чукотском автономном округе. Недостаток овощей покрывается за счет импорта, размер которого за последние 6 лет почти не изменился. Самообеспечение ДФО плодами и ягодами в среднем ниже 10% и нигде не превышает 14%. Однако здесь не учитывается сбор дикорастущей ягоды, объем которого около 24 тыс. т [10, с. 258].

Самообеспеченность мясом и молоком округа в последние семь лет исключительно устойчиво низкая, изменяется в пределах одного процента, при этом в регионах эти показатели изменяются в большей степени (табл. 6). Наивысшая обеспеченность населения Республики Саха молоком достигнута благодаря высокой финансовой поддержке молочного животно-

водства. Размер господдержки за сданное молоко в республике в 2015 году достиг 30 руб. за 1 литр.

Самообеспечение регионов яйцами постепенно повышается и изменяется по годам: по Республике Саха – от 37,8 до 43,8%, по Камчатскому краю – от 40,4 до 54,0%, по Приморскому краю – от 44,7 до 56,0%, по Хабаровскому краю – от 63,1 до 72,3%, по Магаданской области и Чукотскому автономному округу – от 33,6 до 46,9%, по Сахалинской области – от 66,9 до 83,3%. Только по Амурской и Еврейской автономным областям произошло понижение самообеспеченности яйцами от 85,0 до 67,2%.

Кроме собственного производства продовольственные пищевые ресурсы ДФО пополняются их ввозом, размер которого не снижается, а чаще растет (табл. 7) в основном за счет импорта, кроме муки и частично круп, которые поставляются преимущественно регионами СФО.

В результате потребление продуктов питания населением округа медленно, но растет, хотя ни по одному продукту пока не до-

Таблица 6. Самообеспеченность населения регионов ДФО мясом и молоком в 2010–2016 гг.

Территория	Мясо		Молоко	
	Изменения по годам	Тенденция изменения	Изменения по годам	Тенденция изменения
Республика Саха	26,6–23,1	уменьшение	42,3–36,2	уменьшение
Камчатский край	7,2–11,5	увеличение	10,4–12,4	увеличение
Приморский край	20,6–17,6	уменьшение	11,8–13,7	увеличение
Хабаровский край	16,8–12,6	уменьшение	8,2–5,8	уменьшение
Амурская область + Еврейская авт. область	35,2–44,7	увеличение	40,3–33,5	уменьшение
Магаданская область + Чукотский авт. округ	7,3–5,5	уменьшение	5,9–6,4	увеличение
Сахалинская область	5,7–8,3	увеличение	11,0–12,4	увеличение

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

Таблица 7. Ввоз пищевых продуктов в ДФО в 2011–2016 гг., т

Продукт	Год						2016 год к 2011 году, %
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
Мясо и мясо птицы	14724,4	37330,0	40379,0	37843,0	45568,0	49456,0	335,9
Консервы мясные, тыс. условных банок	19015,7	17896,6	18408,5	23770,4	21704,1	15512,0	81,6
Колбасные изделия	21884,3	17491,0	19622,1	19509,6	19379,6	20652,5	94,4
Сыры и его продукты	2448,3	1685,6	1724,6	2518,3	2019,0	3970,7	162,2
Масло сливочное	1093,7	1187,6	848,3	1637,3	1318,9	1394,1	127,5
Масло растительное	14186,0	10719,5	35631,9	20895,0	26640,6	23398,3	164,9
Мука, тыс. т	242,8	250,4	248,0	218,1	310,9	274,5	113,1
Крупа	23559,0	22551,5	26099,1	25162,1	20606,0	21078,5	87,5

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

Таблица 8. Потребление продуктов питания на душу населения по ДФО за 2010–2016 гг., кг/человек

Продукт	Норма*	Год							2016 год (%) к	
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	норме	2011 году
Мясо и мясопродукты	99	72	75	78	79	78	77	78	78,8	104,0
Молоко и молокопродукты	473	190	191	192	196	193	191	191	40,4	100,0
Яйца, штук	325	278	280	282	277	276	276	281	86,5	100,4
Картофель	130	107	119	123	123	123	125	125	96,2	105,0
Овощи и бахчевые	115	94	99	104	105	107	108	109	94,8	110,1
Хлебные продукты	120	115	115	115	114	116	115	115	95,8	100,0

* Константинов А.А. Дальневосточная кухня. Питание и здоровье. Изд. 4-е, испр. и доп. Хабаровск: Изд-во Хворова А.Ю., 2014. С. 38 [11].
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

стигнута научно обоснованная норма потребления (табл. 8), такие нормы должны быть разработаны для каждого региона [9, с. 182].

Структура производства и потребления продуктов по регионам ДФО, как и по различным странам, различна. Она отражает не только различные природно-климатические условия, уровень экономики, но и особенности традиционного питания. По производству продукции на душу населения ДФО уступает развитым странам (ЕС, США, Австралия, Япония) почти по всем показателям [12, с. 223]. А по потреблению картофеля и хлебных продуктов ДФО занимает лидирующие позиции, и это говорит о преобладании в нем неполноценного питания населения. Последнее наблюдается не только в ДФО, но и во многих районах мира, и эту комплексную проблему следует решать на высоком политическом уровне. При этом самим потребителям важно делать выбор в пользу более здорового питания, в чем им должны помогать как органы власти, так и гражданское общество [13].

В настоящее время в округе оказалось выгоднее импортировать продукцию из третьих стран, поэтому наблюдается не замещение импорта, а его перераспределение. Европейские и австралийские товары на наших прилавках уступили место латиноамериканским и азиатским, преимущественно китайским. В Хабаровском крае около 80% мяса привезено, из них 30% – из других регионов страны, а 70% – импортировано, преимущественно из Бразилии, Аргентины, Парагвая и Уругвая. Импорт мяса в Приморье составляет 70 тыс. т, при этом приморские мясопереработчики используют в качестве сырья 70% импортного

мяса [14, с. 22]. Импорт молочной продукции в прошлом из ЕС и Австралии заменен на импорт из Беларуси, Южной Америки и Новой Зеландии. В целом по ДФО доля импортного мяса, молока и их продукции составляет не менее 70% от общего объема потребления.

При этом цены на продукты растут, а покупательная способность населения снижается [15, с. 113; 116]. В целом по России в январе–сентябре 2015 года по сравнению с таким же периодом 2014 года потребительские цены на продовольствие возросли на 21,5%, в том числе на плодоовощную продукцию – на 31,6%, мясо и мясопродукцию – на 17,7%, молоко и молокопродукцию – на 14,4% [16, с. 152]. Реальные же денежные доходы населения за 2 года снизились на 13%. По ДФО их индекс составил в 2015 году 98,9%, а в 2016 году 93,5%. При этом население вынуждено тратить на приобретение продуктов большую часть своих доходов. Почти у четверти жителей РФ уходит на продукты питания от 30,1 до 40% потребительских расходов, у одной пятой – от 40,1 до 50%. В США на приобретение продуктов питания приходится всего 6% расходов домохозяйств, в Великобритании – 7,2, в Германии – 9, во Франции – 10,2, в Японии – 11,3% [17, с. 76].

В ДФО в 2015 году оплата труда в сельскохозяйственных предприятиях составила всего 48% от средней по экономике, изменяясь по субъектам федерации от 30% в Республике Саха до 78% в Сахалинской области. Низкая оплата труда, его непривлекательность, слабая обеспеченность селян жильем, объектами инженерной, социальной инфраструктуры и услугами относятся к одним из основных

причин кризиса сельского хозяйства и села. В таких условиях наблюдается деградация сельской экономики. Численность сельского населения за 1990–2016 гг. сократилась на 21%. Пустеют большие территории, забрасываются сельскохозяйственные угодья. Только за 2010–2013 гг. площадь земель сельскохозяйственного назначения в округе уменьшилась на 5,6 млн га, а ведь они являются уникальным ресурсом, обеспечивающим поддержание экономической стабильности региона, и проблема их защиты должна иметь общенациональную значимость [18, с. 6].

Тяжелое положение с производством мяса отчасти объясняется тем, что Россия попала в «экспортную ловушку»: вывозя зерно, страна ввозит продукцию животноводства по стоимости, превышающей стоимость израсходованных на ее производство зерно-кормов. При этом зерновой экспорт успешно «оседлали» несколько крупнейших зерновых компаний; значительная его часть контролируется иностранными корпорациями, которые не работают на развитие отечественного АПК [19, с. 28].

Итак, вступление России в ВТО и введение санкций в ДФО негативно отразились на производстве сельскохозяйственной продукции, не оказали существенного влияния на импортозамещение, но снизили доступность продовольствия для малообеспеченных слоев населения. При этом санкции существенно ограничили возможность привлечения иностранных финансовых ресурсов, что привело к снижению доступности «внутренних» кредитов из-за высоких процентных ставок, которые существенно выше, чем в США и ЕС. Это снижает конкурентоспособность российской продукции и тормозит импортозамещение. По ряду видов продовольствия произошло не замещение импорта, а его перераспределение в основном между странами дальнего зарубежья.

Причины, тормозящие импортозамещение

Главной причиной неудовлетворительного развития отечественного сельского хозяйства, в частности импортозамещения,

является низкий уровень государственного финансирования отрасли. Между тем, «масштабы производства в отрасли национального дохода позволяют успешно и форсированно осуществлять модернизацию отрасли, если отказаться от подрывающей производительные силы сельского хозяйства перекачки, т. е. перестать бесцеремонно обирать село... Российский сельхозтоваропроизводитель при выручке в 4–5 раз меньшей, чем в ЕС, платит налогов всего в 2 раза меньше... Доля аграрной составляющей консолидированного бюджета России за 1990–2012 гг. снизилась с 14% до мизерных 1,2% против, например, 10% госбюджета соседней Беларуси и 37% в ЕС... Доля бюджетной поддержки сельского хозяйства в России втрое ниже доли сельского хозяйства в создании валовой добавленной стоимости в экономике, а в Евросоюзе – почти в 19 раз выше» [4, с. 117].

По утверждению И.Н. Буздalова [1, с. 73], «по сути, в сельском хозяйстве страны происходит деиндустриализация сельскохозяйственного производства. Резкое снижение финансовой господдержки обусловило декапитализацию российского сельского хозяйства, сужение и деградацию его материально-технической базы». В настоящее время даже у прибыльных организаций уровень рентабельности не обеспечивает расширенное воспроизводство. В 2015 году сальдированный финансовый результат сельскохозяйственных организаций ДФО составил всего 6,9 млрд руб. И это на фоне изношенности основных фондов (60–80%), необходимости технико-технологического перевооружения АПК, требующего значительных инвестиций.

Важной причиной, тормозящей процесс импортозамещения в аграрном секторе, являются технико-технологическая отсталость сельскохозяйственного производства, низкий уровень социальной инфраструктуры. Не решен вопрос с перерабатывающими предприятиями, куда фермеры и хозяйства населения могли бы сбыть свою продукцию.

Итак, проведенный анализ состояния сельского хозяйства ДФО показывает, что успешное импортозамещение сельскохозяй-

ственных продуктов в регионе зависит прежде всего от решения многих общепромышленных задач, притом преимущественно на федеральном уровне.

Условия и основные направления работы успешного импортозамещения

В ДФО природно-климатические условия позволяют к 2025 году за счет местного производства добиться полного обеспечения потребности населения в картофеле (включая потребность животноводства в нем), яйцах и основных видах овощей, повысить обеспеченность населения мясом и мясопродуктами до 50%, молоком и молопродуктами – до 40% от научно обоснованных показателей. Поэтому округ в ближайшей перспективе будет вынужден молоко, мясо и их продукцию не только доставлять из других регионов России, но и импортировать. Вопрос обеспечения населения овощами открытого грунта решается относительно легко, а обеспечение населения овощами закрытого грунта требует больших инвестиций. Обеспечение округа зерном местного производства возможно в пределах 20–25%, недостающее зерно (муку) он получает и будет в дальнейшем получать из Сибири [20, с. 159–163]. Достичь данных показателей можно только при рациональном и эффективном использовании сельскохозяйственных угодий, пресной воды, удобрений и кормового зерна с применением передовых технологий производства. Необходимо создать соответствующие организационно-экономические условия производства.

С учетом того, что регионы ДФО по характеру сельского хозяйства значительно разнятся между собой вследствие действия природно-климатических, географических, этнических и экономических факторов, размеры и структура как самообеспечения [9, с. 182], так и импортозамещения будут различаться по краям, областям и автономным образованиям.

Главным условием успешной работы по импортозамещению сельскохозяйственных продуктов в ДФО является устойчивая финансовая деятельность сельхозпредприятий. А.С. Шелепа [21, с. 98–99] обосновывает, что

«для обеспечения процесса воспроизводства со среднегодовым ростом в 1,5–2% расходы консолидированного бюджета на сельское хозяйство должны составлять не менее удельного веса этого сектора в формировании ВВП, а их уровень не менее 5,6–6,9% расходов консолидированного бюджета. Для обеспечения прироста 3,0–4,5% в год уровень расходов бюджета на сельское хозяйство необходимо довести до 8–10%... При этом на федеральный бюджет должно приходиться не менее 70% от общей суммы расходов. Так как в современных условиях наиболее устойчивые источники – доходы от использования природных ресурсов – сосредотачиваются в федеральном бюджете». При этом анализ финансового состояния предприятий показал, что в современных условиях расширенное воспроизводство могут обеспечить только хозяйства с общей рентабельностью выше 25% (с. 139). Расчеты других экономистов-аграрников [4, с. 120; 22, с. 139–140 и др.] по существу подтверждают показатели А.С. Шелепы и обосновывают необходимость принятия закона прямого действия, определяющего долю сельского хозяйства в расходной части бюджета страны в размере до 10%, но не менее 7–8%, и повышения средней рентабельности сельхозпроизводства в стране до 25–30%.

К сожалению, в ближайшей перспективе отечественное сельское хозяйство при сохранении современного подхода к финансовому обеспечению по-прежнему будет сильно отставать от аграрного сектора развитых стран. «Среднегодовое финансирование сопоставимого по сельхозугодиям аграрного сектора ЕС в 2014–2020 гг. составит 2,3 против 0,2 трлн руб. по российской государственной программе на 2013–2020 гг., т. е. на порядок ниже» [1, с. 72].

Финансирование аграрного сектора целесообразно осуществлять преимущественно через государственную поддержку аграрных цен и не менее чем на 60–70% за счет федерального бюджета с переносом акцента в поддержке с кредитования на прямое субсидирование в рамках оптимизации уровня цен на продукцию сельхозпредприятий. При

этом часть прямого субсидирования связать с обязательным внедрением прогрессивных технологий производства.

Наряду с увеличением прямых инвестиций в аграрный сектор очень важно создать условия для нормального функционирования российского АПК, совершенствовать его организационно-экономический механизм на федеральном и региональном уровне [23, с. 49–50]. Это установление транспортных и энергетических приемлемых тарифов естественных монополий (не выше тарифов для промышленности), ставок кредитования не более 2% выше ставки ЦБ России, гарантированная экономически обоснованная доля для сельхозпредприятий в розничных ценах сельскохозяйственных продуктов. Необходимы организация гарантированных по заранее оговоренным ценам закупок у отечественных товаропроизводителей сельскохозяйственной продукции для государственных нужд, предоставление для предприятий оправданных налоговых льгот, внедрение страхования от падения сельхоздоходов из-за неблагоприятных погодных условий и кризисных явлений на рынке сельхозтоваров. Следует шире развивать кооперативное движение среди сельхозтоваропроизводителей, создавать и внедрять инновации и механизмы, побуждающие предприятия переходить на инновационный путь развития. Этот путь развития диктуется самой сутью рыночной экономики, где выживают в условиях нормальной конкурентной борьбы лишь те, кто постоянно внедряет прогрессивные технологии и методы хозяйствования. ДФО, располагая достаточными природными условиями, не только может, но и обязан заниматься импортозамещением как необходимым мероприятием для развития АПК и экономики округа в целом [24]. Важно добиться приемлемых отпускных цен на удобрения и повышения объемов внесения их в почву до научно обоснованных норм.

Совершенствуя организационно-экономический механизм в сельском хозяйстве, необходимо усилить «очистку» произведенного в отрасли первоначального продукта от непомерных и необоснованных «накруток»

многочисленных посредников. В настоящее время по основным продовольственным товарам (мясо, молоко, хлеб) доля всевозможных наценок в структуре себестоимости конечного продукта достигает 60–80%, чего не наблюдается в развитых в аграрном отношении государствах [25, с. 245].

Развивая политику импортозамещения, необходимо совершенствовать межотраслевые взаимоотношения между сельским хозяйством, пищевой промышленностью и торговлей. Требуется предоставить возможность самим крестьянам продавать свою продукцию через организованную сеть торговых точек. Необходим контроль за ценами по всей технологической цепочке от поля до прилавка. «Как известно, в развитых странах существуют законодательные ограничения торговой наценки, и представляется целесообразным использовать данный инструмент в комплексе с другими регуляторами, включая предельную норму торговой прибыли и прогрессивное налогообложение торговых предприятий» [17, с. 72].

Чтобы проект «дальневосточный гектар» был эффективен, надо для новоселов подвести линию электропередач, оборудовать подъездные пути. Землю необходимо бесплатно или в аренду с низкой платой отдать крестьянам, которые хотят и могут работать. Фермерские хозяйства начнут хорошо развиваться тогда, когда люди начнут достойно зарабатывать. Важно, чтобы заработная плата в сельском хозяйстве была близка к средней по экономике. Отметим, что в США она даже выше средней. К сожалению, в Госпрограмме развития сельского хозяйства до 2020 года повышение заработной платы планируется всего до 55% от средней по экономике. При таком подходе вместо радикальных действий по ликвидации сельской бедноты и успешного развития сельского хозяйства будет усугубляться трудное положение селян и на импортозамещение нет надежды.

В Хабаровском крае для решения проблемы импортозамещения в сельском хозяйстве создана новая структура – сельскохозяйственный фонд со стартовым капиталом

35 млн руб. Это должно помочь реанимировать потребительскую и сельскохозяйственную кооперацию. Фонд будет организовывать хозяйственные связи сельхозтоваропроизводителей и эти связи делать дешевле. Фонд поможет предпринимателям вспахать и обработать землю, собрать урожай и, самое главное, реализовать его, т. е. обеспечить замкнутость всего сельскохозяйственного цикла – от подготовительных работ до транспортировки в торговую сеть. Этот опыт заслуживает распространения в других регионах ДФО и Сибири.

В результате проведенных исследований выявлено, что при относительно благоприятном состоянии сельского хозяйства в стране, в ДФО после вступления России в ВТО, введения США и рядом других стран экономических санкций против России и отчасти ответных мер России по ограничению импорта продовольствия из этих стран обстановка в сельском хозяйстве и в обеспечении населения продуктами ухудшилась. Важно обратить внимание властных структур на то, что при решении общих для страны проблем в сельском хозяйстве необходимо учитывать специфику отдельных регионов. Наши исследования показывают, при каких условиях

и основных направлениях возможно успешное развитие импортозамещения продукции сельского хозяйства в ДФО.

Важно учитывать, что развитие сельского хозяйства создает новые рабочие места, способствует развитию смежных отраслей экономики и сохранению сельских территорий, сокращает уровень сельской безработицы, создает мультипликационный эффект.

Проблема обеспечения импортозамещения и продовольственной безопасности ДФО и страны в целом не столько аграрная, сколько комплексная, связанная с макроэкономическим развитием государства, его возможностями осуществления социально ориентированной политики, повышения жизненного уровня населения. Нужна новая аграрная национальная политика, которая «должна не только гарантировать взаимовыгодное устойчивое развитие всех обеспечивающих производство отраслей, но и его координацию с развитием других ключевых секторов, общим социально-пространственным преобразованием страны» [4, с. 100–101].

В заключение, к сожалению, приходится признать, что поставленные министром А.Н. Ткачевым задачи, указанные в начале статьи, пока не выполняются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буздалов И.Н. России нужна новая аграрная политика // Экономическая наука современной России. 2015. № 4 (71). С. 63–83.
2. Аграрный сектор Дальнего Востока: проблемы и перспективы развития / под общ. ред. А.С. Шелепы. Хабаровск: Россельхозакадемия, ГНУ ДВНИИЭОП АПК, 2013. 212 с.
3. Гумеров Р. Штурм или отступление? (О перспективах отечественного сельского хозяйства в случае форсированного процесса присоединения России в ВТО) // Российский экономический журнал. 2010. № 6. С. 22–34.
4. Буздалов И., Фрумкин Б. Современное положение в российском сельском хозяйстве и новые требования к аграрной политике // Общество и экономика. 2014. № 7–8. С. 100–124.
5. Гумеров Р. Обеспечение продовольственной безопасности страны: удался ли доктринальный документ? // Российский экономический журнал. 2010. № 2. С. 11–22.
6. Барсукова С.Ю. Присоединение России к ВТО: неизбежные потери и возможные приобретения для агробизнеса // Вопросы статистики. 2013. № 3. С. 76–81.
7. Фальцман В.К. Продовольственная импортозависимость // ЭКО. 2015. № 2. С. 127–139.
8. Бородин К. Влияние эмбарго и санкций на агропромышленные рынки России: анализ последствий // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 124–143.
9. Сухомиров Г.И. Проблема самообеспечения сельскохозяйственными продуктами в регионах Дальневосточного федерального округа // Проблемы развития территории. 2017. Вып. 1 (87). С. 173–186.

10. Сухомиров Г.И. Таежное природопользование на Дальнем Востоке России. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 384 с.
11. Константинов А.А. Дальневосточная кухня. Питание и здоровье. Изд. 4-е, испр. и доп. Хабаровск: Изд-во Хворова А.Ю., 2014. 272 с.
12. Barclay R., Epstein C. Securing fish for the nation: food security and govern mentality in Japan. *Asian Studies Review*, 2013, vol. 37, no. 2, pp. 215–233.
13. *The State of Food and Agriculture – 2013. Food Systems for Better Nutrition. Food and Agriculture Organization of the United Nations*. Rome, 2013. 100 p. Available at: www.fao.org/publications
14. Абашева Е. Шансы от санкций // Дальневосточный капитал. 2014. № 10. С. 14–23.
15. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2013 году / О.М. Прокапало [и др.] // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 106–140.
16. Фрумкин Б. Агропромышленный комплекс России в условиях «войны санкций» // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 147–153.
17. Гумеров Р. Агропродовольственная политика: как реализовать смену парадигм (концептуальные соображения по реформированию системы управления АПК России) // Российский экономический журнал. 2015. № 2. С. 66–83.
18. Почвенные ресурсы Дальневосточного региона / Я.О. Тимофеева [и др.] // Вестник ДВО РАН. 2015. № 5. С. 5–8.
19. Гумеров Р. «Фантом-2», или снова о контрпродуктивности федеральной аграрной политики // Российский экономический журнал. 2012. № 6. С. 22–32.
20. Сухомиров Г.И., Шелепа А.С. Проблемы долгосрочного развития сельского хозяйства Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 155–165.
21. Шелепа А.С. Дальневосточное село: состояние и организационно-экономические проблемы развития. Хабаровск: ХГАЭП, 2006. 184 с.
22. Чекавинский А.Н., Советов П.М. Проблемы использования научно-технических достижений в сельском хозяйстве. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 164 с.
23. Голубев А. Импортозамещение на агропродовольственном рынке России: намерения и возможности // Вопросы экономики. 2016. № 3. С. 46–62.
24. Реймер В.В., Улезько А.В., Тютюников А.А. Инновационно-ориентированное развитие АПК Дальнего Востока. Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2016. 347 с.
25. Назаренко В.И. Продовольственная безопасность (в мире и в России). М.: Памятники исторической мысли, 2011. 284 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сухомиров Григорий Исакович – кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник. Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Россия, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153. E-mail: sukhomirov@ecrin.ru. Тел.: +7(4212) 22-59-16.

Sukhomirov G.I.

REVISITING THE ISSUE OF IMPORT SUBSTITUTION OF AGRICULTURAL PRODUCTS IN THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT

The relevance of the present study is due to the fact that with the growth of the index of physical volume of agricultural products and the reduction of imports of these products in the country, the opposite trend is observed in the Far Eastern Federal District. The goal of the study is to identify

the impact of Russia's accession to the World Trade Organization, the imposition of sanctions and counter-sanctions on the production and import of agricultural products in the Far Eastern Federal District, and to substantiate the conditions and main directions of successful development of import substitution in the region. The problems of import substitution are considered for the first time on the example of the largest federal district of the country. Statistical, comparative and analytical research methods were used. Russia's accession to the World Trade Organization and the imposition of sanctions and counter-sanctions in the Far Eastern Federal District had a negative impact on agricultural production, did not have a significant impact on import substitution, but reduced the availability of food for the low-income population. In recent years, in the Far Eastern Federal District, alongside the unstable growth of crop production, there has been a decrease in the production of livestock products, especially meat and milk, not only in the northern but also in the southern territories of the District. At the same time, the volume of import of main products to the District, mainly from abroad, is not decreasing, but growing. The natural and climatic conditions of the District allow for successful import substitution for the main types of agricultural products (except grain). To do this, it is necessary to carry out sustainable financial activities of agricultural enterprises, to improve the organizational and economic mechanism at the federal and regional level with the use of tax, price and other levers that stimulate investment in the modernization of agricultural production, the development of rural areas and industrial, social and market infrastructure.

Far Eastern Federal District, agricultural products, import substitution, World Trade Organization, sanctions, investments, organizational and economic mechanism.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sukhomirov Grigorii Isakovich – Candidate of Sciences (Agriculture), Senior Research Associate. Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation. E-mail: sukhomirov@ecrin.ru. Phone: +7(4212) 22-59-16.

Актуальная информация: цифры и факты

DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.9

УДК 316.42(470.12) | ББК 60.527(2Рос-4Вол)

© Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В АВГУСТЕ 2018 ГОДА

МОРЕВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru

ДЕМЕНТЬЕВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: irinika_74@mail.ru

ЛЕОНИДОВА ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: leoele@mail.ru

Цитата: Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в августе 2018 года // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 124–130. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.9

Citation: Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E. Main trends in the social well-being of the Vologda Oblast population in August 2018. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 5 (97), pp. 181–187. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.9

В июле – августе 2018 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе¹. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале.

В августе 2018 года по сравнению с июнем 2018 года оценки социального настроения жителей области существенно не изменились: доля тех, кто характеризует свое состояние как «нормальное и прекрасное», составляет 73%; удельный вес людей, испытывающих «напряжение, раздражение, страх, тоску», – 23% (табл. 1). В различных социально-демографических категориях населения оценки социального настроения сохранились на уровне июня 2018 года, за исключением 20%-й группы наименее обеспеченных, в которой соответствующий индекс снизился на 13 пунктов (со 125 до 112 п.)².

Оценки запаса терпения также сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области, % от числа опрошенных*

Показатель	Вариант ответа	2007 г.	2011 г.	2012 г.	2016 г.	2017 г.	Окт. 2017 г.	Дек. 2017 г.	Февр. 2018 г.	Апр. 2018 г.	Июнь 2018 г.	Авг. 2018 г.	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
														2017 г.	2011 г.	2007 г.
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	63,6	63,1	67,3	68,0	70,4	71,0	70,5	68,6	71,5	72,5	72,5	71,1	+1	+8	+8
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,8	28,9	27,0	26,2	24,2	22,8	24,0	23,4	23,1	22,8	22,5	23,1	-1	-6	-5
	Индекс социального настроения	135,8	134,2	140,3	143,8	146,2	148,2	146,5	145,2	148,4	149,7	150,4	148,1	+2	+14	+12
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	78,0	77,7	74,4	77,1	76,2	79,0	76,5	78,0	76,9	-1	+3	+3
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	13,6	15,3	15,8	15,6	15,8	17,5	16,2	16,3	14,8	16,6	15,5	16,2	0	+1	+3
	Индекс запаса терпения	160,5	159,5	160,8	162,4	162,0	156,9	160,9	159,9	164,2	159,9	162,5	160,7	-1	+1	0

2007 г. – последний год II президентского срока В.В. Путина; 2011 г. – последний год президентства Д.А. Медведева.
2007, 2011, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 гг. – среднегодовые данные.
* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

¹ Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

² В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины; женщины);
- возрасту (до 30 лет; от 30 до 55 лет; старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее; среднее специальное; высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

77–78%, удельный вес отрицательных оценок – 16–17%. Наиболее значительное повышение индекса запаса терпения в июне–августе 2018 года отмечается среди 20% наименее обеспеченных (на 14 п., со 123 до 137 п.), в возрастной группе до 30 лет (на 10 п., со 160 до 170 п.), среди лиц, имеющих среднее и неполное среднее образование (на 13 п., со 144 до 157 п.).

В среднем за последние 6 опросов (октябрь 2017 года – август 2018 года) показатели социального самочувствия примерно соответствуют уровню 2017 года: индекс социального настроения составляет 150 пунктов, индекс запаса терпения – 163 пункта.

В динамике самооценок материального положения за период с июня по август 2018 года произошли неоднозначные изменения.

С одной стороны, за последние два месяца возрос уровень дохода среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в категорию 20% наиболее обеспеченных (с 26230 до 28718 руб.; табл. 2).

С другой стороны, в июне–августе снизился размер фактического дохода в 20%-й группе наименее обеспеченных (с 6905 до 6563 руб.) и в 60%-й группе среднеобеспеченных (с 13534 до 13396 руб.).

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2017 годом, соотношение фактического дохода с прожиточным минимумом в среднем по области существенно не изменилось (1,4 раза). При этом в высокодоходной категории населения данный показатель ниже, чем в 2007 и 2011 гг.

В период с июня 2018 года по август 2018 года характер суждений об экономическом положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок в отношении ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 14 и 12% соответственно, отрицательных – на уровне 27 и 38% (табл. 3). Наиболее заметное понижение индекса оценок экономической ситуации в стране и области наблюдалось в возрастной группе старше 55 лет (на 6 пунктов, с 86 до 80 п. относительно экономической обстановки в стране и с 72 до 66 п. – на территории области), среди лиц, имеющих среднее специальное образование (на 8 пунктов, с 95 до 87 п. и с 83 до 75 п. соответственно), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 6 пунктов, с 76 до 69 п., и на 13 пунктов, с 65 до 52 п.), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 8 пунктов, с 93 до 85 п., и на 6 пунктов, с 80 до 74 п.), в Череповце (на 7 пунктов, с 91 до 84 п., и на 5 пунктов, с 75 до 70 п.).

Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его «хорошим», сохранился на уровне 12%, негативные суждения высказывали 30% жителей региона. В разрезе социально-демографических групп населения ухудшение ситуации наблюдалось в возрастной группе старше 55 лет (на 7 п., с 82 до 75 п.), среди представителей 60%-й группы среднеобеспеченных (на 6 п., с 87 до 81 п.), в Вологде и Череповце (на 7 п., с 88 до 81 п. и с 77 до 70 п.).

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2007 г.	2011 г.	2012 г.	2016 г.	2017 г.	Окт. 2017 г.	Дек. 2017 г.	Февр. 2018 г.	Апр. 2018 г.	Июнь 2018 г.	Авг. 2018 г.	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
													2017 г.	2011 г.	2007 г.
Доход на одного члена семьи, руб.															
20% наименее обеспеченных	2086	3905	4330	5679	5584	5902	4974	5698	6372	6905	6563	6069	+485	+2164	+3983
60% среднеобеспеченных	4633	8425	9293	11707	12154	12456	12094	12315	13367	13534	13396	12860	+706	+4435	+8227
20% наиболее обеспеченных	11218	17637	19907	25292	25360	26151	26465	26904	27185	26230	28718	26942	+1582	+9305	+15724
Среднее по области	5440	9363	10425	13220	13479	13861	13531	13911	14723	14745	15094	14311	+832	+4948	+8871
Прожиточный минимум, руб.	3765	6514	6563	10102	10511	11015	10718	10234	10234	10507	10995	10617	+106	+4103	+6852
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз															
20% наименее обеспеченных	0,6	0,6	0,7	0,6	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6	0,7	0,6	0,6	+0,1	0	0
60% среднеобеспеченных	1,2	1,3	1,4	1,2	1,2	1,1	1,1	1,2	1,3	1,3	1,2	1,2	0	-0,1	0
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,7	3,0	2,5	2,4	2,4	2,5	2,6	2,7	2,5	2,6	2,6	+0,2	-0,1	-0,4
Среднее по области	1,4	1,4	1,6	1,3	1,3	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	+0,1	0	0

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Окт. 2017 г.	Дек. 2017 г.	Февр. 2018 г.	Апр. 2018 г.	Июнь 2018 г.	Авг. 2018 г.	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к			
													2017 г.	2011 г.	2007 г.	
Экономическое положение России																
Хорошее	20,9	10,0	10,7	7,5	11,5	11,2	12,3	13,1	14,7	15,4	14,3	13,5	+2	+4	-7	
Среднее	49,2	49,7	51,2	41,0	41,6	42,6	40,5	40,6	42,9	45,3	44,5	42,7	+1	-7	-7	
Плохое	15,0	28,5	25,5	37,5	32,2	31,6	30,3	29,7	26,5	25,0	27,4	28,4	-4	0	+13	
Индекс	105,9	81,5	85,2	70,0	79,4	79,6	82,0	83,4	88,2	90,4	86,9	85,1	+6	+4	-21	
Экономическое положение области																
Хорошее	22,5	10,4	9,9	6,5	9,5	10,3	10,3	11,2	10,7	12,3	12,4	11,2	+2	+1	-11	
Среднее	49,5	48,2	49,4	35,5	36,9	40,3	37,9	37,9	38,1	41,1	38,5	39,0	+2	-9	-11	
Плохое	14,2	30,2	29,4	46,0	39,5	37,4	36,1	35,9	36,4	35,4	38,1	36,6	-3	+6	+22	
Индекс	108,3	80,2	80,5	60,5	70,0	72,9	74,2	75,3	74,3	76,9	74,3	74,7	+5	-6	-34	
Материальное положение семьи																
Хорошее	14,7	9,6	10,1	9,3	10,7	11,2	11,0	10,7	11,1	13,5	12,0	11,6	+1	+2	-3	
Среднее	52,7	50,3	54,2	50,0	49,7	51,1	48,8	48,3	49,3	49,8	47,9	49,2	-1	-1	-4	
Плохое	22,2	29,8	27,4	32,6	31,9	29,6	30,7	30,5	29,8	27,9	30,4	29,8	-2	0	+8	
Индекс	92,5	79,8	82,7	76,7	78,8	81,6	80,3	80,2	81,3	85,6	81,6	81,8	+3	+2	-11	

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Окт. 2017 г.	Дек. 2017 г.	Февр. 2018 г.	Апр. 2018 г.	Июнь 2018 г.	Авг. 2018 г.	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к			
													2017 г.	2011 г.	2007 г.	
В России																
Благополучная, спокойная	48,4	44,1	39,8	25,5	33,9	35,7	39,3	38,1	38,3	42,0	41,5	39,2	+5	-5	-9	
Напряженная, критическая, взрывоопасная	34,1	37,8	43,2	56,0	49,3	48,6	46,9	45,6	45,4	43,3	46,1	46,0	-3	+8	+12	
Индекс	114,3	106,3	96,6	69,5	84,6	87,1	92,4	92,5	92,9	98,7	95,4	93,2	+9	-13	-21	
В области																
Благополучная, спокойная	60,1	51,8	51,8	44,2	52,0	53,9	56,0	54,9	55,3	56,6	54,7	55,2	+3	+3	-5	
Напряженная, критическая, взрывоопасная	24,7	26,5	31,8	39,5	33,8	33,4	31,8	32,3	32,0	31,5	33,9	32,5	-1	+6	+8	
Индекс	135,4	125,3	120,0	104,7	118,2	120,5	124,2	122,6	123,3	125,1	120,8	122,8	+5	-3	-13	

За последние 6 опросов по сравнению с показателями 2017 года характер суждений об экономике России и области незначительно улучшился: индексы возросли на 6 п. (с 79 до 85 п.) и на 5 п. (с 70 до 75 п. соответственно). Индекс материального благополучия семьи установился на отметке 82 п. против 79 п. в 2017 году.

За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России существенно не изменился: доля тех, кто считает обстановку в стране «благополучной, спокойной», составляет 42%, «напряженной, критической, взрывоопасной» – 46%. Стабильными сохранились и оценки политической ситуации в регионе: доля положительных суждений составляет 55%, отрицательных – 34% (табл. 4).

В некоторых социально-демографических категориях населения отмечается ухудшение оценок политической обстановки в стране и области, прежде всего в возрастной группе от 30 до 55 лет (индекс оценки политической ситуации в стране снизился на 6 пунктов, со 102 до 96 п.;

в области – на 12 пунктов, со 128 до 116 п.), среди представителей 60%-й группы среднеобеспеченных (в стране – на 10 пунктов, со 105 до 95 п.; в области – на 12 пунктов, со 132 до 112 п.), а также среди жителей Вологды (в стране – на 6 пунктов, с 100 до 94 п.), Череповца (в области – на 5 пунктов, со 114 до 109 п.) и районов (в области – на 7 пунктов, со 135 до 128 п.).

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2017 годом характер суждений о политической ситуации в стране и регионе стал более благоприятным: индекс оценки политической обстановки в России увеличился на 8 пунктов (с 85 до 93 п.), в области – на 5 п. (со 118 до 123 п.).

РЕЗЮМЕ

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в июне – августе 2018 г., свидетельствуют о том, что за этот период в социальном настроении жителей Вологодской области не произошло существенных изменений:

- на прежнем уровне сохранились оценки экономической ситуации в стране и области (соответствующие индексы фиксировались на отметках 87 п. и 74 п.);
- не претерпели изменений оценки материального положения семей (82 п.);
- не произошло существенных изменений в оценках политической обстановки в России и регионе (95 и 121 п. соответственно);
- значительно не изменились показатели социального настроения (150 п.) и запаса терпения (163 п.).

В отдельных категориях населения за последние два месяца отмечались негативные изменения. Прежде всего обращает на себя внимание ухудшение оценок:

- в возрастной группе от 30 до 55 лет: в данной категории снизились индексы оценки экономической ситуации в стране (на 5 п.), а также политической обстановки в России и области (на 6 и 12 п.);
- в возрастной группе старше 55 лет: в данной группе уменьшились индексы оценки экономического положения в стране и регионе (на 6 и 7 п.), материального положения (на 7 п.);
- среди жителей области, имеющих среднее специальное образование: в данной категории ухудшились индексы оценки экономической ситуации в России и области (на 9 и 8 п.), политической обстановки в стране (на 10 п.);
- в 20%-й группе наименее обеспеченных: в данной группе снизились индексы социального настроения (на 14 п.), экономической ситуации в стране и области (на 6 и 13 п.), политического положения в России (на 10 п.);
- в 60%-й группе среднеобеспеченных: в данной категории ухудшились показатели экономического положения России и региона (на 9 и 6 п.), материального положения (на 5 п.), политической ситуации в стране и области (на 10 п.);
- среди жителей Череповца: в данной группе уменьшились индексы оценки экономики России и региона (на 7 и 6 п.), материального положения (на 7 п.), политического положения в России (на 5 п.).

Социальное самочувствие жителей области формировалось на фоне значимых событий, которые происходили в общественно-политической и экономической жизни страны в июле – августе текущего года.

Позитивный эмоциональный фон создавало грандиозное спортивное событие – XXI Чемпионат мира по футболу – 2018. По данным опросов ВЦИОМ, проведение Кубка мира по футболу улучшило имидж России (60%), способствовало развитию туризма (16%) и спортивной инфраструктуры (12%). Выступление российской команды на Кубке мира по футболу вызвало у наших сограждан гордость (47%), радость (36%) и уважение (35%), еще 28% испытывали надежду, а 21% – восхищение³.

³ Кубок мира по футболу: гордость и восхищение. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9207>

Однако, несмотря на состоявшийся футбольный праздник, серьезным вызовом для динамики общественных настроений стало известие о повышении пенсионного возраста в России, а также об увеличении налога на добавленную стоимость (НДС) на фоне уже состоявшегося увеличения цен на бензин.

Проект закона о повышении пенсионного возраста был принят Госдумой в первом чтении 19 июля 2018 года. Основным из предлагаемых изменений в законопроекте является увеличение возраста выхода на пенсию для мужчин и женщин соответственно на 5 и 8 лет, которое будет осуществляться постепенно с 1 января 2019 года. По данным опроса ФГБУН ВолНЦ РАН, более 70% жителей Вологодской области выразили отрицательное отношение к решению властей о повышении пенсионного возраста, а более 50% – заявили, что данная мера недопустима в принципе (55%) и оказалась для них неожиданной (55%). Негативную реакцию населения вызвал и принятый Госдумой в третьем чтении 24 июля 2018 года закон об увеличении НДС с 18 до 20%, которое, по мнению экспертов, может спровоцировать рост цен на товары и услуги (в первую очередь в секторах со слабой конкуренцией).

Негативное отношение подавляющего большинства населения к данным мероприятиям властей повлияло на общую атмосферу в обществе и повлекло за собой ухудшение оценок по ключевым параметрам (оценка экономической и политической ситуации, самооценка благосостояния семьи и социального самочувствия) в различных социально-демографических группах населения региона по сравнению с июньскими замерами. Подобное ухудшение настроений и ожиданий людей наблюдается и по России в целом. По данным экспертов Левада-Центра, усилился пессимизм в оценках не только ситуации в стране в целом, но и положения своих семей; возросли опасения относительно будущего развития экономики страны и собственных возможностей обеспечивать хотя бы привычный уровень жизни для себя и своих близких. За летние месяцы примерно на 10% выросла доля негативных оценок материального положения семей и экономического положения страны в целом.

Дальнейшая динамика общественного мнения будет зависеть в первую очередь от того, насколько эффективной окажется деятельность федеральных и региональных властей в части повышения уровня и качества жизни населения, а также мероприятия по реализации непопулярной среди большинства населения пенсионной реформы.

В каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ФГБУН ВолНЦ РАН, который пройдет в октябре 2018 года.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Морев Михаил Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, заместитель заведующего отделом исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: 379post@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Дементьева Ирина Николаевна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: irinika_74@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Леонидова Елена Эдуардовна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: leoele@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E.

**MAIN TRENDS IN THE SOCIAL WELL-BEING
OF THE VOLOGDA OBLAST POPULATION IN AUGUST 2018**

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Morev Mikhail Vladimirovich – Ph.D. in Economics, Leading Research Associate, Head of the Laboratory for Studies of Social Processes and State Administration Performance, Deputy Head of the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences", 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: 379post@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Dement'eva Irina Nikolaevna – Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences", 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: irinika_74@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Leonidova Elena Eduardovna – Scientific Associate at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences", 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: leoele@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Хроника научной жизни

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ А. ШРЕДЕРА НА ТЕМУ «СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ – ДРАЙВЕР СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ»

12 сентября 2018 года управляющий директор Европейской школы социальных инноваций, старший научный сотрудник Центра социальных исследований Технического университета Дортмунда (Германия) **Антониус Шредер** выступил с публичной лекцией на тему «Социальные инновации – драйвер социальных изменений». Лекция состоялась в рамках международного сотрудничества Вологодского научного центра РАН и Технического университета Дортмунда.

В приветственном слове директор ФГБУН ВолНЦ РАН А.А. Шабунова отметила, что публичные лекции, которые организуются научным центром с 2013 года с участием ведущих ученых в области экономики и социологии, стали традицией для вологжан. Выступление в Вологде немецкого ученого и координатора проекта SI-DRIVE не случайно: ФГБУН ВолНЦ РАН с 2013 по 2017 год представлял Россию в международном проекте 7 рамочной программы Евросоюза SI-DRIVE «Социальные инновации – движущая сила социальных изменений в обществе». Основные выводы исследования отражены в коллективной монографии «Атлас социальных инноваций – новые практики для лучшего будущего» (Atlas Of Social Innovation New Practices For a Better Future), которая имеет печатную версию, а также размещена на интерактивной платформе в интернете (<https://www.socialinnovationatlas.net>).

Антониус Шредер в докладе подчеркнул, что сформированная индустриальным обществом технологическая парадигма не охватывает весь спектр инноваций, необходимых для перехода от индустриального общества к обществу, основанному на знаниях и услугах. Именно социальные инновации являются движущей силой изменений и фактором достижения устойчивого роста. Включение социальных инноваций в новую парадигму инновационной системы подразумевает их возрастающее значение по сравнению с технологическими инновациями.

Для новой парадигмы необходима и новая инновационная политика, которая включала бы в себя:

- разработку четких стандартов, отображающих разнообразие социальных инноваций;
- раскрытие потенциала социальных инноваций, для того чтобы обеспечить комплексные изменения в обществе;
- новое управление экосистемами для создания устойчивых социальных инноваций с высокой социальной отдачей;
- более активное привлечение вузов и научных центров к поддержке социальных инноваций.

В качестве удачного примера социальных инноваций А. Шредер рассказал о немецком проекте «Exchange Education for Accommodation». В неблагоприятных районах ряда немецких городов студенты университетов проводят занятия для детей мигрантов, которые обычно предоставляются сами себе, за что студентам предоставляется возможность бесплатно проживать в этих районах. В результате «выигрывают» все: в первую очередь само общество, потому что снижается нагрузка на социальную сферу (социализация и адаптация семей мигрантов, профилактика преступности), студенты – так как могут сэкономить на аренде жилья, дети – потому что получают дополнительные знания по различным школьным предметам, включая немецкий язык.

Ученый также отметил, что вологодский проект по благоустройству городской среды «Цветущий город» и культурно-досуговый центр «Забота» для поддержки пожилых людей являются хорошими примерами социальных инноваций в России.

Антониус Шредер рассказал также о задачах Европейской Школы Социальных Инноваций (ESSI). ESSI – это проект, объединяющий организации и научные учреждения, которые уже работают над изучением и распространением наиболее важных научных вопросов и профессиональных практик в сфере социальных инноваций.

В 2018 году ФГБУН ВолНЦ РАН присоединился к работе ESSI и является единственным российским участником, который будет проводить исследования по социальным инновациям в рамках данного проекта.

В завершение А. Шредер отметил, что в ближайшее десятилетие в европейском сообществе и в сфере занятости произойдут серьезные преобразования. Существует множество подходов и успешных социальных инициатив, которые помогут ответить на глобальные вызовы, стоящие перед обществом. Социальные инновации должны открыть возможности для поиска новых социальных практик, которые позволят сделать жизнь более насыщенной.

Также в рамках программы публичной лекции научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения ФГБУН ВолНЦ РАН **А.В. Попов** выступил с докладом на тему «Развитие социальных инноваций в России и за рубежом: опыт сравнительного исследования».

После лекции директор ФГБУН ВолНЦ РАН **А.А. Шабунова** и управляющий директор ESSI Антониус Шредер подписали Протокол о намерениях между Вологодским научным центром РАН и Европейской Школой Социальных Инноваций и выразили уверенность в том, что это событие будет способствовать дальнейшему эффективному сотрудничеству обеих сторон.

Материал подготовила

С.Л. Неустроева

младший научный сотрудник

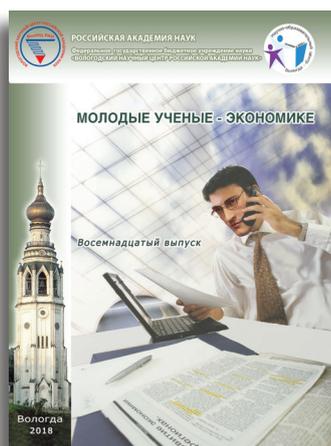
ФГБУН ВолНЦ РАН

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВолНЦ РАН

Кожевников С.А., Копытова Е.Д. Эффективность государственного управления: проблемы и методы повышения: монография / под науч. рук. В.А. Ильина, Т.В. Усковой. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 208 с.

В монографии обосновано, что решение системных задач социально-экономического развития России, обеспечение высокого качества жизни и национальной безопасности страны актуализируют проблему повышения эффективности деятельности органов власти. Для этого были рассмотрены существующие методические подходы к оценке эффективности управления, отмечены их недостатки. В работе использовались целевой и функциональный подходы, благодаря которым была доказана неэффективность госуправления в России и ее регионах (на материалах СЗФО) в постсоветский период, приведшая к кризисным явлениям (кризис бюджетов, снижение инвестиционной и инновационной активности, дальнейшее увеличение неравенства населения по уровню доходов и др.), преодолеть которые без изменения государственной политики не представляется возможным. На основе анализа нормативно-правовых, программных документов и практики доказано, что на современном этапе специфическими чертами управления, снижающими его эффективность, являются несогласованность действий органов власти, противоречивость управленческих решений, принимаемых на различных уровнях, отсутствие обоснованного стратегического планирования и прогнозирования. В связи с этим крайне актуальной становится задача совершенствования управления на базе использования современных методов (ГЧП, бенчмаркинг, краудсорсинг, SMART-технологии и др.). Показано, что важную роль должна играть новая промышленная политика, в число основополагающих направлений которой входит стимулирование развития цепочек с высокой добавленной стоимостью в ключевых отраслях экономики, обоснованы ее приоритетные направления. На примере Белгородской области доказана эффективность внедрения проектного управления в деятельность властных структур; подтверждено, что активизация данных процессов требует развитой институционально-правовой и организационной среды.

Молодые ученые – экономике: сб. науч. тр. по итогам конкурса науч.-исслед. работ молодых ученых. Вып. 18. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 203 с.

В Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» ежегодно проводится конкурс научно-исследовательских работ среди молодых ученых в области экономики. Мероприятие организовано в рамках научных школ «Проблемы комплексного исследования региональных экономических и социальных процессов» (руководитель – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор В.А. Ильин), «Проблемы социально-демографического развития территорий» (руководитель – доктор экономических наук, доцент А.А. Шабунова), «Теория и методологии управления устойчивым социально-экономическим развитием региональных систем» (руководитель – доктор экономических наук, доцент Т.В. Ускова), «Проблемы научно-технологического и инновационного развития территорий» (руководитель – доктор экономических наук, доцент К.А. Гулин). Научным руководителем конкурса является заместитель директора по научной работе доктор экономических наук, доцент Т.В. Ускова. В очередном ежегодном сборнике публикуются работы победителей и лауреатов конкурса научно-исследовательских работ молодых ученых в области экономики, который проходил в 2017 году.

Сборник адресован студентам, аспирантам, преподавателям учебных заведений экономического профиля, а также всем, кто интересуется проблемами развития региональной экономики.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть написано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (pdt.isert@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Поля: Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. Шрифт: Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. Нумерация: номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. Оформление 1 страницы статьи

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

- 1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;
- 2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

М.В. Чумаченко
И.В. Артамонов
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 28.09.2018.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 16,04. Тираж 500 экз. Заказ № 285
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru, pdt.isert@mail.ru